

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ERIC HOFFER

THE TRUE BELIEVER

NEW YORK
FREDERIC **A. PRAEGER**
1962

Эрик Хоффер

ИСТИННОВЕРУЮЩИЙ
МЫСЛИ О ПРИРОДЕ МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ

Минск
Издательство ЕГУ
2001

УДК 32.001+316.6

ББК 60

X 85

Научный редактор
академик НАН РБ, профессор *А. А. Михайлов*

Печатается по изданию:
Нью-Йорк, Фредерик А.Преггер, 1962

Хоффер Э.

X 85 Истинноверующий / Э. Хоффер. – Мн.:
ЕГУ, 2001. – 200 с.

ISBN 985-6614-28-7.

Исследование признанного в США классика обществоведения посвящено природе и содержанию массовых движений человечества – будь то партии, религиозные течения, национальные или социальные революции. Чем объяснить притягательность для масс таких неоднозначных в мировой истории и духовной культуре фигур, как Христос, Будда, Магомет, Гитлер, Сталин? Выявляя закономерности автор дает оригинальные ответы.

Написанная убедительным языком, книга будет интересна не только историкам, философам, политологам, но и всем, кто интересуется проблемами обществоведения.

Неоднократно переиздавалась в США. В нашей стране издается впервые.

УДК 32.001+316.6
ББК 60

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора	8
Несколько слов об авторе	11
Предисловие	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Соблазны массовых движений</i>	18
<i>Глава I</i>	
Жажда перемены	19
<i>Глава II</i>	
Стремление к перевоплощению	28
<i>Глава III</i>	
Сменяемость массовых движений	33

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Потенциальный истинноверующий</i>	38
<i>Глава IV</i>	
Роль отщепенцев в делах человеческих	39
<i>Глава V</i>	
Бедняки	41
Новые бедняки	41
Отверженные	42
Свободные бедняки	46
Творческие бедняки	48
Объединенные бедняки	49
<i>Глава VI</i>	
Не на месте	62

<i>Глава VII</i>	
Крайние эгоисты	65
<i>Глава VIII</i>	
Честолюбцы перед неограниченными возможностями	66
<i>Глава IX</i>	
Меньшинства	67
<i>Глава X</i>	
Скучающие	69
<i>Глава XI</i>	
Грешники	71

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>Объединенная акция и самопожертвование</i>	<i>73</i>
<i>Глава XII</i>	
Вступление	74
<i>Глава XIII</i>	
Факторы, способствующие самопожертванию	78
Отождествление с коллективным целым	78
Притворство	82
Недооценка существующего	85
“Вещи, которых нет”	93
Доктрина	96
Фанатизм	100
Массовые движения и армии	105
<i>Глава XIV</i>	
Объединяющие элементы	109
Ненависть	109
Подражание	119
Убеждение и принуждение	123
Руководство	129
Действие	138

Подозрительность	142
Результаты объединения	144

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

<i>Начало и конец</i>	148
<i>Глава XV</i>	
Люди слова	149
<i>Глава XVI</i>	
Фанатики	163
<i>Глава XVII</i>	
Практичные “люди действия”	168
<i>Глава XVIII</i>	
Хорошие и плохие массовые движения	174
Непривлекательность и бесплодность активной фазы	174
Некоторые факторы, определяющие продолжительность активной фазы	178
Полезные массовые движения	184
Примечания	190

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Имя американского мыслителя Эрика Хоффера (1902–1983) все еще остается недостаточно известным нашему читателю. Его первая и, по-видимому, самая значительная из опубликованных им девяти книг – Истиннове-рующий, – представляет собой размышления о природе массовых движений.

Работа, ставшая в США классической, до сих пор не имеет должного резонанса на европейском континенте. Действительно, что, казалось бы, нового можно сказать в этой области после Г. Ле Бона, Г. Тарда, З. Фрейда, М. Вебера, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Юнга, Э. Канетти и многих других, которые сделали предметом своего анализа при-роду массового сознания и массового поведения?

Одной из возможных причин этого недостаточного внимания является то, что в отличие от упомянутых имен, существенно повлиявших на умонастроения культуры XX столетия, Хоффер воспринимается как человек, находящийся вне сложившейся академической среды. Портовый грузчик, батрак, бродяга – он является ярким примером американского феномена *self-made man*. Внезапно ослепнувший в возрасте семи лет, он расценил столь же непостижимым образом возвращенное через восемь лет зрение как дар, которым в силу его негарантированности необходимо воспользоваться в максимальной мере. Опасаясь, что он может опять ослепнуть, Хоффер набросился на книги с жадностью, подстегиваемой реальной экзистенциальной угрозой потери зрения.

Привлекательность книги Хоффера в оригинально-сти и самостоятельности его мышления. В то время как американская психология и социальная теория испыты-

вали в середине прошлого века преобладающее воздействие идей Фрейда, Хоффер сумел обозначить направления своих исследований за пределами того, что может быть обозначено в качестве *mainstream*. Ключевой проблемой человеческого бытия, по его мнению, является наличие чувства собственного достоинства (*self-esteem*). В то же время человек сталкивается с постоянной опасностью утраты этого чувства, без всякого успеха компенсируемого его вовлеченностью в различные формы публичной жизни, и, как правило, приводящего к забвению смысла своего бытия.

Хоффер в меньшей мере, чем кто-либо другой, дает основание упрекать себя в наличии чувства враждебности к тому, что принято обозначать посредством понятия “народные массы”. Для него “человек–масса”, точно так же, как и для Ортеги-и-Гассета, – всеобщий феномен, затрагивающий каждого из нас. Растворение в массе имеет в качестве своего результата снижение умственных способностей, независимо от уровня образования и культуры участвующих. В итоге мы имеем дело с поведением, предопределяемым воздействием элементарных импульсов и мало восприимчивым к доводам разума.

Ситуация лишь усугубляется в атмосфере процессов глобализации современного мира и таким воздействием средств массовой информации на индивидуальное сознание, которое многократно умножает возможности трансляции заданных образов и картин действительности. Конформность, обезличенность, анонимность форм мышления, носителем которых мы неизбежным образом являемся, преимущественно не отдавая себе в этом отчета, решающим образом подвергает сомнению доминирующую парадигму восприятия человеческого существа как *animal rationale*. В свою очередь представление о незавершенности, открытости, субстанциальной непредопределенности человеческого бытия, столь характерное для

прозрений XX века, с необычайной остротой ставит перед современным обществом задачу обнаружения путей и способов наделения человека тем, что до сих пор слишком часто воспринималось естественно принадлежащим ему по определению.

“Большая часть жизни – это одно непрекращающееся усилие, направленное на то, чтобы уйти от необходимости думать”, – говорит герой одного из рассказов О. Хаксли. Следует лишний раз напоминать о том, что нынешнее “омассовление” планеты может способствовать усугублению этой и без того крайне серьезной опасности?

Нет никакого сомнения в том, что мы имеем дело далеко не только с теоретической проблемой. XX век предоставил более чем богатую пищу для осмысления всего того, сколь опасными, а порой и трагическими, могут быть последствия массовых движений. Способность извлечь должные уроки из прошлого опыта в существенной мере зависит от нашей готовности услышать предостережения, которые содержатся в книге Эрика Хоффера.

Единственно от чего следовало бы удержаться нам, читателям, – так это от соблазна отнести содержание всего, что содержится в книге, на счет других. Нужно найти в себе мужество, всматриваясь в изображение, обнаружить самих себя, поскольку у нас есть все основания сказать, перефразируя слова Рокуэлла Кента: “Это мы, Господи!”

А. А. Михайлов

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Эрику Хофферу сейчас шестьдесят лет; последние двадцать лет — с 1943 года — он работает портовым грузчиком на Калифорнийском побережье США, главным образом в Сан-Франциско. До того он работал сезонным батраком, рабочим на золотых приисках в штате Невада, бродяжничал.

Эрик Хоффер — самоучка, “свободный философ”. Он выпустил две книги, одна из которых — “Истинноведающий”.

Вот что рассказывает о своей юности сам Э. Хоффер: “В школу я никогда не ходил. До пятнадцати лет был почти слепым. Когда зрение вернулось ко мне, меня охватил неутолимый голод к печатному слову. Я читал все без разбору — все, что попадалось на английском и немецком языках... После смерти отца (он был столяром) я понял, что мне придется заботиться о себе самому. Я уже определенно знал несколько вещей: во-первых, что не хочу работать на фабрике; во-вторых, что не вынесу зависимости от благосклонности какого-нибудь начальства; в-третьих, что всегда буду бедным; в-четвертых, что мне надо уехать из Нью-Йорка. Логика подсказала, что для бедного самый лучший край — Калифорния”.

Во времена депрессии в течение десяти лет молодой Э. Хоффер батрачил по Калифорнии в горячую пору сельскохозяйственных работ; батрачил вместе с другими “новыми пионерами” того тяжелого времени, которых называли “арки” и “оки”, — это были разорившиеся от засухи фермеры штатов Арканзас и Оклахома, тысячами устремлявшиеся — вместе с семьями, целыми

караванами — в Калифорнию (русскому читателю эта эпопея известна по роману “Гроздь гнева”).

Из опыта жизни вместе с “арками” и “оками” у Э. Хоффера и возник интерес к массовым движениям. В годы размышлений и работы над книгой Э. Хоффер много бродяжничал: где бы он ни был, всюду — в десятках городков — записывался в библиотеки, где брал книги для чтения; когда случались деньги, снимал комнату рядом с библиотекой, чтобы быть ближе к книгам, справочникам, чтобы ничто не мешало сосредоточенно размышлять и писать.

(Из предисловия к изданию 1962 года)

Человеку хочется быть великим, а он видит, как мал он; ему хочется быть счастливым, а видит, как он несчастлив; ему хочется быть совершенством, а сам он полон недостатков; ему хочется быть любимым и уважаемым всеми, а он своими недостатками вызывает к себе презрение и отвращение. Эта двойственность его положения порождает в нем страсти преступные и несправедливые по отношению к Другим: в нем нарождается жгучая ненависть к горькой для него правде.

Б. Паскаль. Мысли.

*Посвящается Маргарите Андерсон,
без побуждения которой – издавека,
через весь континент, эта книга
не была бы написана*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — о некоторых особенностях, свойственных всем массовым движениям: будь то религиозные движения, национальные или социальные революции. Книга эта не утверждает, что все массовые движения однородны, но у всех их есть некоторые характерные основные черты, придающие им “семейное сходство”.

Все массовые движения порождают в своих последователях готовность жертвовать собой и действовать объединенными силами; все массовые движения, независимо от своих программ и доктрин, вызывают фанатизм, энтузиазм, горячие надежды, ненависть, нетерпимость; все они могут в определенных областях жизни вызвать могучий поток активности; все они требуют слепой веры и нерассуждающей верности.

Все массовые движения, как бы ни были различны их цели и доктрины, первых своих последователей находят среди людей одного определенного склада и привлекают к себе людей одинакового образа мысли.

Хотя различия между фанатичным христианином, фанатичным мусульманином и таким же националистом или между фанатиком-коммунистом и фанатиком-нацистом очевидны, однако в их фанатизме, несомненно, имеется и общее. То же самое можно сказать и о силе, которая толкает их всех к экспансии и стремлению к мировому владычеству. Нет никакого сомнения, что в явлениях, связанных с фанатичной верой, стремлением к власти, к единению, самопожертвованию, — имеется известная общность.

Каждое “священное дело” сильно отличается одно от другого — по содержанию и доктрине, но все фак-

торы, которые делают их действенными, однородны.

Каждый подобно Паскалю, находившему убедительные доказательства истинности христианства, может найти не менее убедительные доказательства истинности коммунизма, нацизма или национализма. За какое бы “священное дело” ни отдавали свои жизни люди, они, вероятно, в основном умирают за одно и то же.

В этой книге говорится главным образом о массовых движениях в фазе их подъема. Именно в этой фазе ведущую роль играет истинноверующий — человек-фанатик “священного дела”, готовый для этого дела пожертвовать и жизнью. Эта книга — попытка проследить происхождение истинноверующего и дать описание его сути. Для этого приходится прибегнуть к одной рабочей гипотезе. Будем исходить из факта, что в начале всех массовых движений среди их участников преобладают неудовлетворенные жизнью люди и что примыкают они к движению по своей воле, а затем предположим, что: 1) неудовлетворенность эта сама по себе порождает большинство характерных черт истинноверующего, без какого бы то ни было внешнего влияния (даже до его участия в движении), 2) действительно эффективный метод обращения в веру состоит в основном в том, чтобы развить и укрепить склонности и реакции, свойственные неудовлетворенному сознанию.

Для проверки правильности этих предположений пришлось изучить особенности самой неудовлетворенности, затем — как реагируют на них сами неудовлетворенные, потом — насколько их реакции совпадают с реакциями истинноверующего и, наконец, каким образом эти реакции способствуют зарождению и распространению массовых движений. Пришлось еще рассмотреть практику современных массовых движений, усовершенствовавших методы обращения в веру, чтобы выяснить: подтверждает ли эта практика точку зрения, что массо-

вое движение умышленно разжигает неудовлетворенность и что такое поощрение неудовлетворенности всегда служит интересам этого движения.

В наше время большинству из нас необходимо для самих себя составить некоторое понятие о мотивах и побуждениях истинноверующих. Наш век, с одной стороны, — безбожный, но, с другой стороны, — он очень религиозный. Где бы ни жил истинноверующий, он везде наступает: обращает ли людей в свою веру или восстанавливает их против себя, — он везде переделывает мир на свой манер. Хотим ли идти вместе с ним или против него, мы должны знать как можно лучше его природу и его возможности.

Необходимо сделать небольшое замечание: говоря о “семейном сходстве” массовых движений, слово “семья” мы употребляем в таксономическом смысле. Помидор и черный паслён-белладонна относятся к одной семье Solonaseae, и хотя помидор съедобен, а черный паслён ядовит, оба они имеют много общих морфологических, анатомических и физиологических свойств, — даже не ботаник заметит их семейное сходство. Предположение, что у массовых движений много общих черт, не означает, что все движения одинаково благотворны или, наоборот, вредны. В этой книге не высказываются окончательных суждений и не отдается предпочтений чему-либо; в ней только сделана попытка кое-что разъяснить; разъяснения же эти — все, по существу, только теории, мысли и доводы даже там, где они выражены, казалось бы, категорически. Для ясности приведу слова Монтеня: “Все, что я говорю, — это только рассуждения, а отнюдь не рецепт. Я не говорил бы так смело, если бы мне обязаны были верить”.

Часть первая

СОБЛАЗН МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ

ЖАЖДА ПЕРЕМНЫ

1

Общеизвестно, что все, кто примыкает к нарастающему революционному движению, делают это из соблазна перспективы быстрых и больших перемен в условиях их жизни. Ясно, что революционное движение — это орудие перемен.

Не так очевидно, что и религиозные и национальные движения тоже могут быть средствами перемен.

По-видимому, для большой и быстрой перемены необходим массовый энтузиазм или вообще некое массовое возбуждение, при этом неважно, отчего они происходят — в результате ли надежды на обогащение или в результате самой активности массового движения.

В нашей стране со времен гражданской войны огромные изменения происходили в атмосфере, накаленной энтузиазмом, порожденным небывалыми возможностями для личного успеха. Там, где личный успех не может быть движущей силой, должны быть найдены новые источники энтузиазма, чтобы провести и закрепить такие важные перемены, как пробуждение и преобразование косного общества или коренные преобразования в характере и образе жизни общины. Религиозные, революционные и национальные движения порождают массовый энтузиазм.

Главной движущей силой перемен в прошлом были религиозные движения. Консерватизм религии — ее ортодоксальность — это инертный коагулянт* некогда вы-

* Коагулянт — сгущающее вещество (*примечание переводчика*).

сокочувствительных соков. Религиозное движение в период своего подъема, когда все меняется и экспериментируется, широко открыто для новых взглядов и новых методов. Народившийся ислам был средством организации и модернизации. Христианство оказало сильное влияние на цивилизацию и развитие варварских племен Европы. Крестовые походы и Реформация встряхнули западный мир от средневекового застоя.

В новое и новейшее время массовое движение, осуществившее широкую и быструю перемену, всегда было революционным или национальным, или тем и другим вместе. Петр Великий не уступал большинству самых преуспевших революционных и национальных вождей в целенаправленности, во власти и беспощадности. Но в своей главной цели — превратить Россию в западное государство — он потерпел неудачу. Причина его неудачи была в том, что он не зажег души русских масс активным энтузиазмом. Он не считал это необходимым или не знал, как сделать свою цель “священным делом”. Неудивительно, что революционеры-большевики, ликвидировав последнего царя Романова, сразу же почувствовали некое родство с Петром, хотя тот был и царем, и Романовым. Его цель стала их целью, и они надеются преуспеть там, где он потерпел поражение. Очень возможно, что в истории большевистская революция будет фигурировать не только как попытка создания коммунистической экономики, но и как попытка преобразования одной шестой части земного шара.

Тот факт, что и Французская революция, и русская революция обернулись национальными движениями, по-видимому, указывает на то, что в новое и новейшее время национализм является самым обильным и надежным источником энтузиазма масс и что надо использовать националистический угар до тех пор, пока не утвердятся

начатые на революционном энтузиазме коренные перемены. Очень возможно, что трудности на пути правительства Рабочей партии Великобритании объясняются тем, что его попытка изменить экономику страны и образ жизни 49 миллионов человек была задумана в атмосфере, совершенно свободной от страстей, экзальтации и фантастических надежд. Культурных и добропорядочных вождей лейбористской партии от применения революционного энтузиазма удержал их отказ от уродливых методов, созданных большинством современных массовых движений. Но не исключена возможность, что события заставят и их прибегнуть к каким-нибудь легким формам шовинизма и в Великобритании будет иметь место “национализация социализма, как естественное следствие социализации нации”¹.

Невероятная модернизация Японии, очень возможно, была бы немыслима без возрождения духа японского национализма. Похоже на то, что и быстрая модернизация некоторых европейских стран (особенно Германии) до некоторой степени была облегчена подъемом и распространением националистических страстей. Возрождение Азии, судя по всем имеющимся данным, придет скорее всего через национальные движения. Появление подлинного национального движения позволило Кемалю Ататюрку модернизировать Турцию чуть ли не за один день. Египет, несмотря на многочисленные и тесные связи его владык с Западом (начиная с Ахмета Али), модернизируется медленно и вяло — в стране нет массовых движений. Чан Кайши мог бы и сейчас действовать как преобразователь Китая, знай он, как запустить массовое движение или хотя бы как сохранить в массах национальный подъем, вызванный японским вторжением. Но он этого не знал и был отброшен мастерами “религиозификации” — искусством превращать практические цели в “священное дело”.

Нетрудно понять, почему Америка и Англия (или другая западная демократия) не могли сыграть непосредственной и руководящей роли в пробуждении азиатских стран от отсталости и косности: демократии или не склонны, или не способны зажечь дух возрождения в миллионах азиатов. Содействие западных демократий пробуждению Востока было побочным и, конечно, ненамеренным. Они разожгли на Востоке энтузиазм возмущения против Запада. Эта антизападная страсть теперь и пробуждает Восток от спячки столетий².

Хотя жажда перемен нередко только внешний повод для массовых движений, однако стоит выяснить: не поможет ли исследование этой жажды осветить внутреннее действие массовых движений? Поэтому мы и должны исследовать природу жажды перемен.

2

Мы склонны считать, что те силы, которые оформляют наше существование, действуют на нас извне. Наши успехи и неудачи связаны в нашем сознании с тем, что происходит вокруг нас. Поэтому удовлетворенные люди считают этот мир отличным и хотят сохранить его таким, как он есть, в то время как неудовлетворенные требуют радикальных перемен. Склонность все объяснять внешними причинами остается даже тогда, когда совершенно ясно, что главное — в наших личных качествах: в наших способностях; в нашем характере, внешности и т. д. “Когда у человека что-нибудь не так, — говорит Торо, — и он не может выполнять своих функций, например, если у него болит живот... он тут же принимается за переделку... мира!”³

Вот почему неудачники сваливают свои неудачи на мир. Занятно, что и преуспевающие люди, как бы они ни гордились своей дальновидностью, силой духа, бережливостью и другими достоинствами, в сущности тоже

верят, что их успех — это результат случайного стечения обстоятельств. Уверенность в себе — даже у самых счастливых — никогда не бывает абсолютной. Они никогда не уверены, что им известны все составные части их личного успеха. Внешний мир кажется им механизмом хотя и отрегулированным, но не очень надежно, и пока он “тикает” в их пользу, трогать его они боятся. Таким образом, сопротивление переменам и жажда перемен берут свое начало в одинаковых взглядах на жизнь, при этом сопротивление переменам может быть таким же сильным, как и жажда перемен.

3

Недовольство само по себе не обязательно ведет к желанию перемен. Чтобы неудовлетворенность превратилась в отрицание, должны существовать и другие факторы. Один из них — ощущение собственной силы.

Люди, испытывающие страх перед окружающим миром, как бы плохо они ни жили, о переменам не думают. Если форма нашей жизни настолько неустойчива и ясно, что контролировать условия нашего существования не можем, — мы стремимся придерживаться привычного и понятного. Люди часто превращают свою жизнь в постоянную рутину и с ее помощью противостоят чувству неуверенности и ощущению опасности. Этим достигается иллюзия, что непредвиденное приручено. Рыбаки, кочевники, крестьяне, т. е. те, кто зависит от неподвластных элементов, или творческий работник, зависящий от вдохновения, или дикарь, испытывающий благоговейный страх перед внешними силами, — все они боятся перемен. Они стоят перед миром, как перед всемогущим судьей. Обездоленные тоже стоят в благоговейном страхе перед окружающим миром, боясь перемен. Суровые испытания голода и холода делают жизнь тяжелой, но тем не менее консерватизм бедных так же глубок, как и консерватизм

привилегированных. Консерватизм бедных такой же фактор сохранения существующего общественного строя, как и консерватизм богатых.

Люди, которые торопятся с проведением больших перемен, обычно чувствуют себя носителями какой-то непреодолимой силы. Поколение, совершившее Французскую революцию, имело преувеличенное представление о всемогуществе и безграничных возможностях человеческого разума. “Никогда, — говорит де Токвиль, — человечество так не гордилось самим собой, так твердо не верило в свое всемогущество. Наряду с этой непомерной самоуверенностью возникла всеобщая жажда перемен, охватившая все умы”⁴. Большевики с Лениным во главе, опрометчиво бросившиеся в хаос создания нового мира, слепо верили во всемогущество марксизма. У нацистов такой сильной доктрины не было, но у них была вера в непогрешимость своего вождя и вера в новые методы. Весьма сомнительно, чтобы национал-социализм добился такого большого успеха, не будь у него горячего убеждения, что его новые методы — “блицкриг” и тотальная пропаганда — сделают Германию непобедимой.

Верой поддерживается даже естественное стремление к прогрессу — верой во врожденное Добро в человеке и во всемогущество науки. Но и эта вера — от гордыни и чрезмерного самодовольства — похожа на веру тех, кто строил Вавилонскую башню: “город и башню до неба... и не отстанут они от того, что задумали делать”⁵.

4

На первый взгляд кажется, что обладание силой автоматически, само по себе, ведет к вызывающему отношению к миру и к желанию перемен. Но это не всегда так. Сильный так же может быть рабом, как и слабый. Думается, что вера в будущее куда важнее, чем обладание инструментами власти. Там, где власть не соединена с ве-

рой в будущее, там она употребляется главным образом для сохранения status quo и для ограждения его от всего нового. С другой стороны, необузданная надежда, даже без поддержки настоящей силы, может породить безрассудную смелость. Человек с надеждой может получить силу из самых невероятных источников, например: из лозунга, из слова, из пуговицы. Всякая вера бессильна, если она не включает в себя веры в будущее, если не предсказывает светлого будущего. Так и доктрина: чтобы быть действенной, она должна быть не только источником власти, но и ключом к книге будущего⁶.

Люди, желающие преобразовать страну или весь мир, не могут рассчитывать на успех, если они будут только разжигать недовольство и управлять им или будут доказывать, что запланированные перемены разумны и желанны, или станут насильно навязывать народу новый образ жизни. Необходимо разжечь и раздуть страстную надежду. При этом совсем неважно, идет ли речь о царстве небесном или о рае на земле, о грабеже и несметных богатствах, о сказочных достижениях или о мировом господстве. Если коммунистам удастся овладеть Европой и большей частью мира, то произойдет это не потому, что они знают, как раздуть недовольство или как заразить людей ненавистью, а потому, что они умеют проповедовать Надежду.

5

Таким образом, разница между консерватором и радикалом заключается главным образом в разнице их взглядов на будущее. Страх перед будущим заставляет опираться на настоящее и цепляться за него, в то время как вера в будущее делает нас более восприимчивыми к перемене. Богатые и бедные, сильные и слабые, те, кто достиг многого или малого, — все могут бояться будущего. Когда настоящее кажется нам совершенным, то един-

ственно, чего мы можем ожидать, — это продление в будущем настоящего, и в подобном случае перемена может быть только к худшему. Поэтому все, кто многого достиг и кто живет полной и счастливой жизнью, обычно являются противниками радикальных новшеств. Консерватизм инвалидов и людей старше среднего возраста также берет свое начало из страха перед будущим. Они во всем видят признаки упадка и считают, что всякая перемена ведет не к лучшему, а к худшему. Не верят в будущее и обездоленные. Будущее кажется им миной, заложенной на их пути: двигаться нужно очень осторожно. Желать перемен для них — все равно, что самому напрашиваться на неприятности.

Что касается надеющихся — совсем неважно, кто охвачен дикой надеждой: энтузиаст-интеллигент, или жадный до земли крестьянин, спекулянт, стремящийся к быстрой наживе, или солидный купец и промышленник, простой рабочий или знатный аристократ — все они настоящего не берегут, часто разрушают его и тем самым создают новый мир. Революции поэтому могут совершаться не только бедняками, но и привилегированными. Движение “огораживания” в Англии XVI и XVII веков было революцией богатых. Шерстепрядильная промышленность выросла до высокого уровня, и овцеводство стало выгоднее земледелия. Землевладельцы выгнали со своих земель арендаторов, огородили общинные пастбища и этим произвели глубокие перемены в общественной и экономической структуре страны. “Лорды и аристократы нарушали общественный порядок, разрушали древние законы и обычаи, — чаще давлением и запугиванием, а иногда и насильственно”⁷. Другая революция, совершенная богатыми, произошла в Англии в конце XVIII и начале XIX века. Это была промышленная революция. Новые, дух захватывающие возможности механизации воспламенили тогда воображение фаб-

рикантов и купцов. Они начали революцию, “такую же до крайностей радикальную, как и те, что воспламеняли когда-то умы сектантов”⁸; в сравнительно короткое время эти почтенные, богобоязненные граждане изменили лицо Англии до неузнаваемости.

В дни, когда по улицам носятся надежды и мечты, робким лучше всего запереть свои двери, закрыть окна и сидеть спокойно, пока все не утихнет. В мире так часто случается, когда между надеждами, — как бы они сами по себе ни были благородны и хороши, — и теми действиями, которые они вызывают, возникает чудовищный разрыв. Получается так, как если бы девушки, обвитые плющом, и юноши, украшенные гирляндами, вдруг превратились бы в четырех всадников Апокалипсиса.

6

Для того, чтобы броситься с головой в предприятие, связанное с большими переменами, люди должны быть крайне неудовлетворенными, не очень бедными и иметь такое чувство, что, обладая могучей доктриной, непогрешимым вождем или новыми методами, они получают доступ к источнику всеокрушающей силы. Одновременно они должны иметь преувеличенное представление о возможностях и перспективах будущего. И, наконец, они должны быть совершенно несведущими в трудностях, связанных с их предприятием. Опыт в этом случае — помеха. Люди, начавшие Французскую революцию, не имели никакого политического опыта. Так же и большевики, и нацисты, и революционеры Азии. Опытный человек появляется позднее; он вступает в движение, когда оно уже на ходу. Английский политический опыт, наверно, и оберегает англичанина от массовых движений.

СТРЕМЛЕНИЕ К ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЮ

7

Существует коренная разница между соблазном массового движения и соблазном практической деятельности. Практическая деятельность дает людям возможность продвижения — соблазн ее большей частью исходит из личных интересов. Массовое движение, в частности в фазе его подъема, привлекает не тех, кто хочет продвинуть свое нежно любимое “я”, а тех, кто старается освободиться от своего нежеланного “я”. Массовое движение привлекает и удерживает последователей не тем, что оно удовлетворяет желание самопродвижения, а тем, что оно может дать удовлетворение страсти к самоотверженности.

Люди, смотрящие на свою жизнь как на непоправимо испорченную, не могут найти достойной для себя цели в самопродвижении. Перспектива личной карьеры не может вызвать у них ни мощного усилия, ни веры, ни твердых убеждений. На личную заинтересованность они смотрят как на нечто позорное, недостойное и порочное, как на что-то нечистое, и успешная карьера для них совсем не удача. Все то, что предпринимается лично для себя, для своего “я”, кажется им обреченным. Все, что берет свои корни и начала в личном “я”, хорошим и благородным быть не может. Искреннейшее стремление таких людей — это стремление к новой жизни, к возрождению или, если этого нет, к возможности приобретения новой основы для гордости, уверенности, надежды, целеустремленности, чувства собственного достоинства — путем отождествления себя с каким-нибудь “священным делом”: активное массовое движение и дает им обе эти

возможности. Когда они примыкают к движению как союзники до конца, то находят возрождение к новой жизни в тесно сплоченном коллективе; когда они присоединяются как сочувствующие, то обретают основы для гордости, уверенности, целеустремленности тем, что отождествляют себя с усилиями, достижениями и перспективами движения.

Неудовлетворенные находят в массовом движении возможность стать другими людьми, получая видную роль или, по крайней мере, некоторые качества, которых они не могут обрести исходя из ограниченных ресурсов собственного “я”.

Конечно, среди первых приверженцев каждого массового движения имеются и авантюристы, которые надеются, что движение пустит в ход и их колесо фортуны и вынесет их к славе и власти. Правда, некоторую самоотверженную преданность проявляют иногда и те, кто идет в иные объединения, в ортодоксально-политические партии и в организации практического типа. Но факт остается фактом: практическое предприятие не может существовать, если оно не дает удовлетворения личному интересу, а силы и рост массового движения во время подъема прямо зависят от способности движения вызывать и удовлетворять страсть к самоотверженности. Как только массовое движение начинает привлекать к себе людей, заинтересованных в своей личной карьере, — значит, оно прошло фазу своего подъема и уже занято не созданием нового мира, а старается сохранить и удержать существующее. Это значит, что движение перестало быть движением, а стало предприятием. Гитлер считал, что чем больше “постов и должностей может раздать движение, тем ниже качество его кадров, и в конце концов эти политические паразиты начинают численно подавлять победоносную партию до такой степени, что честный борец прежних дней перестает узнавать свое движе-

ние... Если так случается, это значит, что миссия движения окончена”¹.

О природе полного перевоплощения, которое делает человека истинноверующим, о самопожертвовании и объединенном действии рассказывается в главах части третьей. Здесь же мы рассмотрим только частичное перевоплощение.

8

Вера в “священное дело” частично заменяет утраченную нами веру в самих себя.

9

Чем меньше у человека оснований говорить о своем собственном превосходстве, тем больше он готов утверждать, что превосходством обладает его страна, его религия, его раса или его “священное дело”.

10

Своими собственными делами человек больше занимается тогда, когда они имеют смысл; в противном случае он бросает свои бессмысленные дела и лезет в чужие.

Вмешательство в чужие дела выражается в сплетнях, кознях, в совании носа туда, куда не следует, а также в лихорадочном интересе к общественным, национальным или расовым делам. Убегая от самого себя, мы или бросаемся на шею соседу, или хватаем его за горло.

11

Горячее убеждение в том, что мы имеем священную обязанность перед другими, часто только способ спасения нашего утопающего “я”; мы хватаемся за проплывающий мимо плот. То, что мы называем своей протянутой рукой помощи другому, на деле часто только рука, цеп-

ляющаяся для спасения нашей собственной драгоценной жизни. Отнимите от нас эти “священные обязанности”, и наши жизни становятся ничтожными и бессмысленными. Нет сомнения, что, меняя эгоцентрическую жизнь на самоотверженную, мы невероятно выигрываем в смысле почета и уважения. Тщеславие самоотверженных, даже тех из них, кто действительно проявляет крайнее смирение, — безгранично.

12

Одна из самых сильнодействующих приманок массового движения – в том, что оно заменяет нам надежду. Приманка эта особенно сильно действует в обществе, где широко распространена идея прогресса. В понятии прогресса категория “завтра” занимает очень большое место: понятно, что неудовлетворенность, когда впереди не видно ничего хорошего, крайне мучительна. Герман Раушнинг говорил о догитлеровской Германии: “ощущение, что мы зашли в тупик, было одной из худших мук, какие нам пришлось пережить после проигранной войны”². В современном обществе люди могут жить без надежды только в том случае, если их держат в оглушенном состоянии, если все время заставляют бегать, не переводя дыхания. Отчаяние безработного заключается не столько в перспективе полной бедности, сколько в том, что он вдруг увидел Ничто — полную пустоту. Именно поэтому безработные охотнее идут за продавцами надежды, чем за дающими им пособия по безработице.

Массовые движения обычно обвиняют в обмане их участников: в том, что они надеждами на будущее лишают их возможности наслаждаться настоящим. Но для неудовлетворенных настоящее и без того непоправимо исковеркано: удобства и удовольствия не могут восстановить для них настоящего. Только надежда может принести им чувство подлинного удовлетворения.

Когда наши личные интересы, наши планы на будущее перестают нам казаться стоящими того, чтобы жить ради них, мы начинаем остро нуждаться в чем-то таком, что лежит вне нас и ради чего стоило бы жить. Все формы приобщения к массовому движению: посвящение, преданность, верность, самоотверженность, по сути дела, — отчаянное цепляние за то, что может придать цену и значение нашей опустошенной и обанкротившейся жизни. Именно поэтому соединение со “священным делом” всегда горячо и страстно. Уверенность в самом себе может быть ограничена, но вера в свою страну, в свою религию, расу или в свое “священное дело” должна быть всеохватывающей и бескомпромиссной. Неполное перевоплощение не может вытеснить из нас и изгладить нашего “я”, которое мы хотим забыть. Уверенности в том, что мы обрели нечто такое, ради чего стоит жить, не может быть, если мы не готовы за это отдать свою жизнь. Наша первая жизнь была непоправимо исковеркана или как бы пропущена, и нам пришлось найти какую-то иную жизнь, — готовность же умереть за эту иную, выбранную жизнь только доказывает правильность нашего выбора.

СМЕНЯЕМОСТЬ МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ

14

Если народ созрел для массовых движений, то это обычно значит, что он готов к любому из них, а не только к какому-нибудь одному движению с определенной доктриной или программой. Положение в догитлеровской Германии было похоже на игру в орлянку: с кем пойдет беспокойная молодежь — с коммунистами или с нацистами? В перенаселенных местах “черты оседлости” царской России еврейское население, жившее в нервном напряжении, было одинаково готово и к революции, и к сионизму; в одной и той же семье один ее член присоединялся к революционерам, другой — к сионистам. Доктор Хаим Вайцман вспоминает слова своей матери, сказанные в те времена: “Что бы ни случилось, а мне будет хорошо: Шмуль (сын-революционер) окажется прав — мы будем счастливы в России, Хаим (сионист) окажется прав — я поеду жить в Палестину”¹.

Восприимчивость к массовому движению вообще не всегда исчезает в человеке даже после того, как он перестал быть потенциальным истинноверующим, а уже примкнул к какому-нибудь движению. А там, где разные массовые движения бурно соревнуются между собой, — там бывают и такие случаи, когда разные последователи одного движения переходят в другое. Превращение Савла в Павла — не редкость и не чудо. В наше время каждое массовое движение в поисках своих новых последователей видит в разных приверженцах враждебных массовых движений своих потенциальных последователей. Гитлер, например, смотрел на немецких коммунистов как на потенциальных национал-социалистов: “Из мелкобуржу-

азного социал-демократа или из профсоюзного главаря национал-социалист никогда не получится, но из коммуниста получится всегда”². Капитан Рем хвастался, что самого ярого коммуниста он обратит в нациста в четыре недели³. С другой стороны, Карл Радек смотрел на нацистов-коричнерубашечников (С. А.) как на резерв будущих коммунистов⁴.

Из факта, что массовые движения привлекают людей одного и того же психологического типа и одинакового образа мышления, следует: а) все массовые движения соревнуются друг с другом, и если одно из них набирает больше последователей, то другим достается меньше; б) все массовые движения взаимозаменяемы, одно движение легко может превратиться в другое: религиозное движение может превратиться в националистическое или в социальную революцию; социальная революция — в воинствующий национализм или в религиозное движение; националистическое движение может превратиться в религиозное или в социальную революцию.

15

Массовое движение по своему характеру редко бывает цельным. Обычно одно движение проявляет некоторые элементы движений других видов; иногда одно движение включает в себе два или три. Исход евреев из Египта был и бунтом рабов, и религиозным движением, и национальным. Воинствующий национализм японцев по своей сути революционен. Французская революция была новой религией того времени: она имела свои догматы, священные революционные принципы: Свобода и священное Равенство; она имела “свои религиозные обряды, которые, по сути дела, были переделкой католического богослужения, приуроченного к гражданским праздникам. Она имела своих святых, своих героев и мучеников за свободу”⁵. И в то же время Французская ре-

волюция была и национальным движением. В 1792 году Законодательное собрание издало декрет о том, что алтари повсюду должны воздвигаться с обязательной надписью: “Гражданин рождается, живет и умирает за Отечество”⁶.

Религиозные движения времен Реформации имели революционный аспект, выразившийся в крестьянских восстаниях; были они и национальными движениями. Лютер говорил: “В глазах итальянцев — мы, немцы, только презренные тевтонские свиньи. Они, как шарлатаны, эксплуатируют нас и высасывают страну до мозга костей. Проснись, Германия!”⁷.

Религиозный характер большевистской революции и революции немецких нацистов общеизвестен. Серп и молот и свастика принадлежат к той же категории, что и крест. Церемониал всяческих шествий и парадов похож на церемониал религиозной процессии. У обеих имеются свои догматы веры, святые, мученики и священные гробницы. Революции большевиков и нацистов являются также и вполне зрелыми национальными движениями; правда, нацистская революция была таким движением с самого начала, а национализм большевиков проявился не сразу.

Сионизм — это и национальное движение, и социальная революция. Для ортодоксального еврея, однако, сионизм также и религиозное движение. Ирландский национализм имеет глубокую религиозную окраску. Сегодняшнее массовое движение в Азии одновременно и национальное движение, и революционное.

Задача прекращения одного массового движения может быть разрешена заменой его другим массовым движением. Социальная революция может быть остановлена путем поддержки религиозного или национального

движения. Например, в странах, где католицизм снова стал духовным массовым движением, он противодействует распространению коммунизма. В Японии национализм впитал в себя и все движения социального протеста. На нашем Юге движение расовой солидарности действует как предупредительная мера против социального взрыва. Подобная же ситуация наблюдается и среди французов в Канаде, и среди буров в Южной Африке.

Этот способ остановки одного движения путем замены его другим не всегда безопасен и иногда обходится очень дорого. Тем, кто крепко держится за настоящее и хочет сохранить его, не следует заигрывать с массовыми движениями. Когда массовое движение начинает свой поход, существующему всегда приходится плохо. В довоенной Италии и Германии весьма практичные деловые люди действовали вполне “логично”, когда поощряли движения фашистов и нацистов в целях противодействия коммунизму. Эти практичные и логичные люди и не подозревали, что, поступая так, они содействовали и своей собственной ликвидации.

Но все-таки существуют вещи, которыми можно заменить массовые движения более безопасно. Коротко говоря, это то, что расхолаживает атомистический индивидуализм, или помогает людям забыть себя, или предоставляет возможность для действия и новых начинаний, — все это обладает свойством противодействовать подъему и распространению массового движения. Это и будет темой следующих глав книги. Здесь же мы коснемся одного курьезного заменителя массового движения, а именно — миграции.

Эмиграция дает несколько таких же возможностей, какие неудовлетворенные ищут, присоединяясь к массовому движению, а именно: перемену и возможность на-

чать жизнь сызнова. Такого же склада люди, которые за-полняют растущее массовое движение, наверное, охотно воспользовались бы возможностями переселения в дру-гую страну. Переселение, таким образом, может быть заме-ной массового движения. Очень возможно, что, содействуя США и Британская империя, например, массовой эмигра-ции из Европы после первой мировой войны, — не было бы ни фашистской, ни нацистской революций. В нашей стране свободное и легкое переселение через обширный континент способствовало социальной устойчивости.

Благодаря тому что в массовых переселениях и мас-совых движениях участвуют люди одинакового типа, массовое переселение является благотворной почвой для роста подлинных массовых движений. Иногда трудно сказать, где кончается массовая миграция, а где начина-ется массовое движение, и какое из них было первым. Переселение евреев из Египта развилось в религиозное и национальное движение. Миграции варваров в дни упадка Римской империи были больше, чем простое пе-редвижение населения. Есть свидетельства того, что вар-вары были относительно немногочисленны, но когда они вторгались в страну, к ним присоединялись угнетенные и недовольные всех слоев местного общества: “Это была социальная революция, вызванная иноземным завоева-нием и им же внешне замаскированная”⁸.

Каждое массовое движение, в известном смысле, — это миграция, переселение — стремление к “обетованной земле”; и если оно возможно и целесообразно, то пере-селение осуществляется на деле. Так было с пуританами, анабаптистами, мормонами, духоборами и сионистами. Массовая миграция укрепляет дух и единство движе-ния; в какой бы форме не происходило переселение — в форме ли завоевания, крестового похода, паломничества или переселения на новую землю — все это совершается как самые активные массовые движения.

Часть вторая

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТИННОВЕРУЮЩИЙ

РОЛЬ ОТЩЕПЕНЦЕВ В ДЕЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

18

Бытует такая тенденция: судить о расе, о народе или об известной группе людей по их малодостойным членам. Хотя это явно несправедливо, но в этом есть доля правды, ибо, действительно, характер и судьба какой-либо группы часто определяются ее худшими элементами.

Средние люди нации, например, составляют ее инертную массу. Жизнь достойных средних людей, выполняющих основную работу в городах и селах страны, подвержена постоянному воздействию меньшинства с двух сторон — меньшинства наилучшего и меньшинства наихудшего.

Выдающиеся личности — будь то в политике, литературе, науке, финансово-торговой области или промышленности — играют значительную роль в оформлении всего народа, так же как и личности другой крайности — неудачники, не нашедшие себе места в жизни, парии, уголовники и все, кто утратил положение в обществе или никогда его не имел¹. В игре истории обычно участвуют лучшие и худшие, а игра идет над головами большинства, сидящего посредине.

Низшие элементы народа могут оказывать заметное влияние на ход событий потому, что они абсолютно не ценят настоящего. Свои собственные жизни и все настоящее они считают непоправимо испорченными, а потому и то и другое готовы разбазарить и разрушить до основания: отсюда их безрассудство и стремление к хаосу и анархии. Они еще страстно стремятся растворить свои исковерканные и бессмысленные “я” в каком-то душеспасительном общественном спектакле — отсюда их

склонность к объединенным действиям. Именно поэтому они оказываются среди первых призывников революции, массовых переселений, религиозных, расовых или шовинистических движений: они накладывают свою печать на эти потрясения и движения, которые творят характер и историю нации.

Отвергнутые, отодвинутые на задний план люди становятся сырьем для будущего нации. Камень, выброшенный строителями, становится краеугольным камнем нового мира. Народ, не имеющий общественных отбросов и недовольных, бывает обычно дисциплинированным, благопристойным, мирным и приятным, но, пожалуй, без каких-либо семян большого будущего. Вовсе не ирония истории в том, что именно отверженные из разных стран Европы пересекли океан и построили на новом континенте новый мир. Только они могли сделать это.

19

Неудовлетворенные встречаются на всех ступенях жизни, однако больше всего их в следующих категориях:

- а) бедняки,
- б) неудачники (не нашедшие своего места в жизни),
- в) изгнанники,
- г) меньшинства,
- д) подростки,
- е) честолюбцы (стоящие или перед непреодолимыми препятствиями, или перед неограниченными возможностями),
- ж) одержимые пороками и навязчивыми идеями,
- з) импотенты (физические или умственные),
- и) эгоисты,
- к) скучающие,
- л) грешники.

Разделы 20—42 посвящены описанию людей некоторых из этих типов.

БЕДНЯКИ

НОВЫЕ БЕДНЯКИ

20

Не все бедные люди относятся к неудовлетворенным. Некоторые из них прозябают в городских трущобах, но жизнью своей довольны. Они содрогаются при мысли о жизни вне привычной для них грязи. Даже бедняки благопристойного образа жизни, когда их бедность длится долго, остаются инертными: они считают существующий порядок вещей непреложным. Требуется катаклизм, нашествие, чума или какое-нибудь общественное бедствие, чтобы у них открылись глаза и они поняли, что “вечный порядок” далеко не вечен.

Неудовлетворенностью заражены обычно новые бедняки, чья бедность относительно недавняя. Память о лучших временах жжет их сердца. Лишенные собственности и состояния люди откликаются на любые массовые движения. Это они обеспечили успех Пуританской революции в Англии в XVII веке. Во времена “отгораживания” (см. раздел 5) тысячи землевладельцев изгоняли со своих земель арендаторов и превращали эти земли в пастбища. “Сильные и работающие крестьяне, влюбленные в землю, кормившую их, были превращены в наемных рабочих, городские улицы были переполнены нищими, просящими подаяния”¹. Эта масса лишенных собственности людей и поставляла новобранцев для армии нового типа — армии Кромвеля.

В Германии и в Италии новые бедняки из разорившихся людей среднего класса были главной опорой нацистской и фашистской революций. Потенциальные революционеры сегодняшней Англии — это вовсе не рабочие, а утратившие свое положение государственные слу-

жащие и деловые люди. Этот класс сохранил живую память о своем былом богатстве и могуществе, и он вряд ли добровольно примирится с ухудшением жизненных условий и своим политическим бессилием.

У нас в стране, как и в других странах, еще недавно периодически росло число бедняков нового типа — их появление, несомненно, содействовало возникновению и распространению современных массовых движений. До недавнего времени новые бедняки появлялись большей частью из числа разорившихся собственников, как городских, так и сельских, но позднее — может быть, впервые в истории — в роли нового бедняка выступил простой рабочий.

До тех пор, пока люди, делавшие основную работу на земле, жили на уровне едва достаточного питания, на них смотрели как на традиционных бедняков, — да и они сами чувствовали себя так. Они были бедняками и в тяжелые времена, и в благоприятную пору. Депрессии, застой в делах, какими бы они ни были жестокими, рассматривались как нечто нормальное. Но по мере улучшения жизненных условий застой в производстве, безработица, которую влечет за собой депрессия, встали в новом аспекте. Сегодняшний рабочий в западном мире принимает безработицу как унижение: он чувствует себя бесправным и оскорбленным несправедливым порядком и готов слушать тех, кто зовет к новому порядку.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Бедняк на грани голодной смерти живет целеустремленной жизнью. Отчаянно борется за пищу и кров — значит быть совершенно свободным от чувства бессмысленности собственной жизни. Цели тут вполне конкретные и близкие. Каждая еда — это уже достижение цели; от-

правиться спать с полным желудком — уже триумф; каждая неожиданная находка — чудо. Зачем таким людям “высокая вдохновляющая цель, которая придала бы их жизни смысл и достоинство?” От соблазна массового движения они защищены как бы иммунитетом. Анжелика Балабанова описывает влияние крайней нищеты на революционный пыл знакомых революционеров, съехавшихся в Москву в первые дни большевистской революции: “Я видела мужчин и женщин, посвятивших всю свою жизнь служению идеям, с радостью отказавшихся от материальных благ, от независимости, от личного счастья, семьи — все ради того, чтобы осуществить свои идеалы, совершенно поглощенных разрешением вопроса голода и холода”².

Там, где люди трудятся от зари до зари ради хлеба насущного, они ни на что не обижаются и ни о чем не мечтают. Одна из причин неревolutionности китайских масс коренится в том, что в Китае для самого элементарного существования требуются невероятные усилия. Интенсивная борьба за существование оказывает на людей “скорее статическое, чем динамическое влияние”³.

22

Бедность и страдания не вызывают недовольства автоматически, как и активное недовольство не обязательно прямо пропорционально степени страданий.

Недовольство сильнее всего, пожалуй, тогда, когда страдания терпимы; т. е. когда условия жизни улучшаются настолько, что человеку начинает казаться возможным полное благополучие. Несправедливость чувствуется острее в момент, когда кажется, что справедливость вот-вот восторжествует. Де Токвиль, исследуя общественное состояние Франции перед революцией, был поражен открытием того, что “ни в один из периодов после революции 1789 года национальное благосо-

стояние Франции не улучшалось так быстро, как это было за 20 лет перед революцией”⁴. Он был вынужден заключить, что “французы находили свое положение тем более невыносимым, чем лучше оно становилось”⁵. Во Франции и в России жадные до земли крестьяне в момент взрыва революции владели почти третью всей обрабатываемой земли, — большая часть этой земли стала их собственностью за одно или два поколения до революции⁶. Не страдания толкают людей на бунт, а аппетит, который приходит во время еды. Народное восстание в Советской России вряд ли случится, пока народ не вкусит по-настоящему хорошей жизни. Наиболее опасный момент для режима партийной верхушки наступит тогда, когда будет достигнуто значительное улучшение экономических условий жизни русских народных масс, а железное тоталитарное управление будет немного смягчено. Интересно, что убийство в декабре 1934 года близкого Сталину Кирова произошло вскоре после того, как Сталин провозгласил успешное выполнение плана первой пятилетки и начало новых счастливых и зажиточных времен.

Таким образом, интенсивность недовольства обратно пропорциональна расстоянию до желанной цели. Формула эта справедлива и для приближающихся к цели и для удаляющихся от нее, т. е., с одной стороны, для тех, кто вот-вот станут богатыми, свободными и т. п., с другой стороны, для новых бедняков и для недавно поработанных.

23

Наша неудовлетворенность сильнее тогда, когда мы многое имеем и хотим иметь еще больше, чем когда мы ничего не имеем и хотим немногого. Мы меньше недовольны, когда нам не хватает многого, чем когда нам не хватает чего-нибудь одного.

24

Мы гораздо смелее, когда добиваемся лишнего, чем когда добиваемся необходимого. Поэтому часто, начиная отказываться от излишнего, мы начинаем терять и необходимое.

25

Надежда иногда действует подобно взрывчатому веществу, а иногда она дисциплинирует и наполняет терпением: первое — когда предполагается, что надежда исполнится скоро; второе — когда надежда осуществится не скоро. Массовое движение во время своего подъема обещает надежду первого варианта. Оно старается возбудить своих приверженцев на действие; к действию же толкает именно такая форма надежды, обещающая скорый успех. Христианство в период своего подъема провозглашало наступление конца света и немедленное царство небесное; Магомет обещал своим правоверным богатую добычу; якобинцы обещали немедленную свободу и равенство; ранние большевики обещали хлеб и землю. Гитлер — немедленное раскрепощение от версальского рабства, работу и деятельность для всех. Позднее, когда движение получает власть, акцент его перемещается на отдаленную надежду — на мечту и манящее видение. Массовое движение, достигнув цели, начинает заниматься только сохранением достигнутого, и тогда послушание и терпение ставятся выше непосредственного действия, а когда мы “надеемся на то, чего не видим, тогда терпеливо ожидаем”⁷.

Каждое массовое движение, достигшее власти, предлагает свою собственную надежду — свой сорт опиума для того, чтобы притупить нетерпение масс, чтобы они смирились со своей участью. Сталинизм такой же опиум для народа, как и господствующие религии⁸.

СВОБОДНЫЕ БЕДНЯКИ

26

Рабы бедны, но там, где рабство широко распространено и укрепилось, там мало вероятности возникновения массового движения. Абсолютное равенство среди рабов, коммунальное житье в отведенных для рабов помещениях, — все это исключает возникновение личной неудовлетворенности. Смутьяны в рабском обществе — это или недавно порабощенные, или освобожденные рабы. Непривычная свобода для только что освобожденного раба — корень его недовольства.

Свобода усиливает чувство неудовлетворенности так же, как и ослабляет его. При свободе передвижения неудача выбора полностью ложится на плечи отдельной личности. Свобода предоставляет больше вариантов действия, но тем самым ведет к большему числу ошибок и к большей неудовлетворенности. Правда, при свободе чувство неудовлетворенности облегчается возможностями для действий, движения, перемен, протеста. Если человек лишен талантов сделать что-нибудь для себя, то свобода для него — угнетающее бремя. К чему свобода выбора, если он ни на что не способен? Мы присоединяемся к массовому движению, чтобы избежать личной ответственности, или, говоря словами пылкого молодого нациста, — “чтобы быть свободным от свободы”⁹. Когда рядовые нацисты заявляли, что они не виновны во всех чудовищных преступлениях, которые они совершили, — это было не просто наглым лицемерием. Они считали себя обманутыми и оклеветанными, когда на их плечи взваливали ответственность за исполнение приказов. Разве они не присоединились к нацистскому движению для того, чтобы быть свободными от ответственности?

Выходит, что самая лучшая почва для массового движения — это общество, где достаточно свободы, но нет

смягчающих средств против неудовлетворенности. Французские крестьяне XVIII века в отличие от крестьян Германии и Австрии оказались восприимчивее к соблазнам революции, потому что они уже не были крепостными и имели землю. В России, пожалуй, не было бы большевистской революции, не будь русский крестьянин свободным на протяжении целого поколения или больше и не войди он во вкус частного землевладения.

27

Массовые движения, возникшие во имя освобождения от строя угнетения, во время своего активного действия не дают свободы личности. Пока движение занято борьбой с существующим порядком или защищается от внутренних и внешних врагов, его главная забота — требование от личности единства и самопожертвования, отказа от собственной воли, от своего мнения, собственных интересов. По Робеспьеру, революционное правительство было “деспотизмом свободы против тирании”¹⁰.

Важно, что активное массовое движение, забывая о свободе личности, отодвигая ее на будущее, не противоречит настроениям своих рядовых приверженцев. Фанатики, как говорит Ренан, боятся больше свободы, чем преследований¹¹. Верно, что приверженцы движения в период его подъема чувствуют себя освобожденными, хотя живут и дышат в атмосфере строгих догматов и приказов. Это ощущение освобождения приходит благодаря бегству от обязанностей, страхов, безнадежности, беззащитности одинокого существования. Для них бегство — это избавление, которое они ощущают как искупление. Переживание большой перемены дает ощущение свободы даже тогда, когда перемена эта происходит в рамках строгой дисциплины. Только когда движение прошло свою активную стадию и застыло в прочных определенных формах, только тогда может появиться личная свобода. Чем

короче активная фаза движения, тем больше будет казаться, что само движение, а не его завершение, дало возможность появиться личной свободе. Это впечатление бывает тем сильнее, чем более тираническим был порядок, который движение свергло.

Те, кто считают свою жизнь изломанной и растроченной попусту, стремятся больше к равенству и братству, чем к свободе. И если они требуют свободы, то свободы для установления равенства и для нивелировки общества. Стремление же к равенству частично является стремлением к анонимности: “быть одной ниткой в общественной рубахе и не отличаться от других ниток”¹². Никто не может указать на нас пальцем, сравнивать нас с другими и показывать нашу неполноценность.

Кто громче всех шумит о свободе, чаще имеет меньше шансов быть счастливым в свободном обществе. Неудовлетворенные, угнетаемые своими недостатками свою неудачу валят на существующий порядок. На самом же деле их сокровенное желание — кончить “свободой для всех”. Они хотят ликвидировать свободную конкуренцию и другие суровые испытания, которым беспрестанно подвергается личность в свободном обществе.

29

При подлинной свободе равенство является страстью масс, а при подлинном равенстве свобода является страстью небольшого меньшинства.

Равенство без свободы создает более устойчивые общественные формы, чем свобода без равенства.

ТВОРЧЕСКИЕ БЕДНЯКИ

30

Бедность в сочетании с творческим даром, обыкновенно, свободна от чувства неудовлетворенности. Это верно

в отношении и бедного кустаря, искусного в своем ремесле, и в отношении бедного писателя, художника и ученого в расцвете творческих сил. Ничто так не поддерживает нашу уверенность в себе, ничто так не укрепляет нас, как постоянное творческое напряжение: день ото дня наблюдать, как под твоими руками что-то растет и развивается. Упадок кустарного искусства в наше время является, может быть, одной из причин растущей неудовлетворенности и повышенной чувствительности к массовым движениям.

Поразительно, что по мере угасания творческих сил у личности наблюдается резко выраженная склонность присоединить себя к массовому движению. Взаимосвязь между бегством от своего бесплодного “я” и повышенной чувствительностью к массовым движениям совершенно ясна. Писатель, художник или ученый с наступлением творческого упадка, когда иссякает источник творческих сил, рано или поздно попадает в ряды страстных патриотов, расистов, ярмарочных проповедников, поборников какого-нибудь “священного дела”. Возможно, что и сексуальные импотенты движимы такими же импульсами. (Роль нетворческой личности в нацистском движении уже рассмотрена в 3-м разделе.)

ОБЪЕДИНЕННЫЕ БЕДНЯКИ

31

Бедняки, являющиеся членами тесной группы — племени, сплоченной семьи, тесной расовой или религиозной группы, — относительно свободны от чувства неудовлетворенности и потому почти невосприимчивы к соблазну массового движения. Чем меньше смотрит человек на себя как на автономную личность, способную самостоятельно избирать свой путь к жизни и самой нести ответственность за себя, тем менее вероятно, что он

бедность свою рассматривает как доказательство собственной неполноценности. Член сплоченной группы имеет, так сказать, более устойчивую “точку революционности”, чем отдельная личность. Чтобы побудить его к восстанию, требуется больше несчастий, страданий и унижений. Причиной революций в тоталитарном обществе чаще бывает не возмущение против угнетения, не возмущение страданиями, а просто ослабление тоталитарного режима.

Крепкие семейные связи китайцев, возможно, и делали их долгое время относительно невосприимчивыми к соблазну массовых движений. “Поведение европейца, умирающего за свою страну, китайцу непонятно, ибо семья этого европейца никакой прямой выгоды от его смерти не получает, а, скорее, несет убыток от потери одного из своих членов”¹³.

Ясно, что массовое движение, исповедующее новую веру, если оно хочет привлечь к себе достаточное число приверженцев, должно разрушить все существующие групповые связи. Идеальный кандидат приверженца — это одинокий человек без своего коллектива, с которым он слился, в котором растворился и тем самым замаскировал мелочность, убожество и ничтожность собственного существования: там, где массовое движение находит семейные, племенные и тому подобные устои в состоянии упадка и разложения, там оно собирает богатый урожай. Там же, где движение встречает эти устои сохранившимися, там оно должно уничтожить и разрушить их. Правда, совсем недавно, например в России, большевистское движение стало поддерживать крепкую семью, поощрять национальную, расовую, религиозную сплоченность — это признак того, что движение уже прошло свою самую активную фазу, что оно установило свои новые устои и что теперь его главная забота — удерживать и сохранить достигнутое. В остальном мире, где коммунизм еще борется за власть, там он делает все, чтобы

разрушить семью и опорочить национальные, расовые и религиозные связи.

32

Отношение растущих массовых движений к семье представляет большой интерес. Почти все современные движения в своем раннем периоде проявляли враждебность в отношении семьи и делали все, чтобы подорвать ее крепость и разрушить ее. Делалось это путем подрыва авторитета родителей; путем облегчения разводов; движения принимали на себя обязанность кормить, воспитывать и развлекать детей; поощрялись внебрачные дети. Перенаселенные жилища, ссылки, концлагеря, террор тоже помогали ослаблять и разрушать семью. Однако ни одно из современных движений не было так откровенно в своем антагонизме по отношению к семье, как раннее христианство. Иисус прямо заявлял: “Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня”¹⁴. Когда Ему сказали, что Его мать и братья ждут Его и хотят говорить с Ним, Он ответил: “Кто мать Моя, и кто братья Мои?” И указав рукою на учеников Своих, сказал: “вот мать Моя и братья Мои”¹⁵. Когда один из Его учеников попросил разрешения сходить похоронить своего отца, Иисус сказал ему: “Иди за Мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов”¹⁶. Он как бы почувствовал уродливые семейные конфликты, которые Его движение не могло не провоцировать тем, что искало приверженцев, и тем, что противники фанатично Его ненавидели: “Предаст же брат брата на смерть и отец сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их”¹⁷. Странно, но это так: кто проповедует братскую любовь, обычно проповедует

против любви к матери, отцу, братьям, сестрам, к жене и детям. Китайский мудрец Мо-Цзы, проповедовавший братскую любовь, был заслуженно осужден конфуционистами, ценившими семью выше всего¹⁸. Проповедник, который приходит и говорит: “Следуйте за мной!” — по сути дела, разрушитель семьи, даже если он лично не испытывает враждебности к семье и не имеет ни малейшего намерения нарушать ее крепость. Когда св. Бернар был проповедником, его влияние было настолько сильным, что “матери скрывали своих сыновей от него, а жены — мужей, чтобы он не соблазнил их. И он действительно разрушил так много семей, что оставшиеся одинокими женщины организовали для себя женский монастырь”¹⁹.

Как и следует ожидать, разрушенные семьи, независимо от причины их развала, автоматически содействуют росту духа коллективности и благоприятствуют увлечению массовыми движениями. Вторжение японцев в Китай, несомненно, ослабило прочный семейный уклад китайцев и явно способствовало появившемуся увлечению национализмом и коммунизмом. В индустриализованном западном мире семья ослабела главным образом под влиянием экономических факторов. Экономическая независимость женщины поощряет разводы. Экономическая независимость молодежи ослабляет авторитет родителей и ведет к преждевременному ее отделению, т. е. к распаду семьи. Крупные промышленные центры притягивают жителей деревни и провинциальных городков — это ослабляет семейные узы и рвет их. Все эти факторы, ослабляя семью, тем самым до известной степени содействовали росту духа коллективности в наше время.

Безумное переселение целых народностей, организованное Гитлером во время второй мировой войны, и его фантастические “достижения” в истреблении людей — все это разбило и перемешало миллионы семей, большей

частью европейцев. С другой стороны, англо-американские воздушные налеты, затем — выселение 9 миллионов немцев с востока и юга Европы и отсрочка репатриации немецких военнопленных — все это принесло Германии то же самое, что Гитлер причинил остальной Европе. Трудно предвидеть, как европейский континент, по которому разбросаны остатки разбитых семей — даже в благоприятных экономических и политических условиях, — сможет обрести нормальные, привычные социальные порядки.

33

Недовольство, возникшее в отсталых странах при контакте с западной цивилизацией, не есть, прежде всего, негодование против иностранной эксплуатации. Это, скорее, результат ослабления или разрушения племенных связей и общинной жизни.

Идеал самопродвижения, личного успеха, предложенный цивилизованным Западом населению отсталых стран, повлек за собой эпидемию личной неудовлетворенности. Все преимущества, которые принес с собой Запад, не могут заменить защитной и успокоительной безмянности коммунальной жизни. Даже если туземец вкусит западничество и достигнет личного успеха — станет богатым или приобретет хорошую специальность, — чувствовать себя счастливым он не будет. У него будет ощущение полного одиночества. Националистические движения в колониальных странах частично являются выражением стремления к групповому существованию и бегства от западного индивидуализма.

Западные колониальные державы предлагают туземцу дар личной свободы и независимость. Они пытаются приучить его к самостоятельности. Сводится же все это, собственно, к личной изоляции, т. е. к отсечению незрелой и плохо подготовленной личности от коллектив-

ного целого и к передаче ее, по словам Хомякова, “свободе своего собственного бессилия”²⁰. Лихорадочное желание слиться с марширующими массами, которые одинаково существуют и у нас дома, и в странах, нами колонизированных, — это только выражение отчаянного усилия бежать от бесплодного, бесцельного, одинокого существования. Поэтому очень возможно, что нынешние националистические движения в Азии приведут — даже без влияния России, — скорее, к некой коллективистской форме общества, чем к демократической.

Политика колониальной державы-эксплуататора должна поощрять общественную сплоченность туземного населения. Она должна поощрять равенство и чувство братства среди туземцев. И все потому, что, по мере того как подвластное население спасается и растворяется в единстве целого, смягчается у туземцев и острота ощущения личной никчемности, и процесс превращения страданий в неудовлетворенность и в восстание пресекается с самого начала. Метод “разделяй и властвуй” не действителен, когда он ослабляет все формы единения подчиненных. Раздробление деревенской общины, племени или нации на отдельные индивидуумы не может ликвидировать и задавить дух восстания против правящей власти. Чтобы деление было эффективным, надо расчленять народы на разные общественные тела: расовые, религиозные или экономические, соперничающие между собой и не доверяющие друг другу.

Даже в тех случаях, когда колониальная держава в своих действиях исходит из чисто филантропических намерений и ее цель — принести процветание и прогресс отсталому народу, даже тогда надо делать все возможное, чтобы сохранять и укреплять существующие коллективные устои. Вместо того чтобы сосредоточивать внимание на индивидуумах, держава эта должна вводить новшества и проводить реформы через племенные и об-

щинные каналы так, чтобы прогрессировали не отдельные личности, а все сообща. Пожалуй, правильно будет сказать, что успешная модернизация отсталого народа возможна только в строгих рамках объединенных коллективных усилий. Потрясающая модернизация Японии была осуществлена в накаленной атмосфере общих усилий и групповой сознательности.

Преимущества Советской России как колонизаторской державы — в дополнение к отсутствию у нее расовых предрассудков — в том, что она приходит уже с готовой эффективной моделью объединительного действия. Советская Россия может не обращать внимания на все сложившиеся групповые связи или просто отбросить их без риска возникновения индивидуального недовольства с перспективой бунта. Осоветизированный туземец не остается одиноким в борьбе против враждебного ему мира: он начинает свою новую жизнь как член тесно сплоченной группы, более тесной и более единой, чем был его прежний клан или племя.

Поощрение общественной солидарности как метод предупреждения антиколониального брожения может быть использовано и для предотвращения беспокойства среди рабочих в индустриальных колониальных странах.

Работодатель, единственная цель которого — удерживать рабочих на их местах и выжать из них все, что только возможно, вряд ли достигнет этого путем натравливания рабочих друг на друга. В его интересах скорее сделать так, чтобы рабочие чувствовали себя частью целого, при этом лучше, если это целое включает в себя и самого работодателя. Сильное ощущение солидарности — расовой ли, национальной или религиозной, — несомненно, действенное средство предотвращения рабочих беспорядков. Если какая-нибудь форма солидарности рабочих не может распространиться и на их работодателя, то она все равно способствует чувству удовлетворе-

ния и продуктивному труду. Опыт показывает, что производительность труда выше всего тогда, когда рабочие чувствуют себя членами одного коллектива и действуют, как члены этого коллектива. Все, что нарушает единство и разрушает коллектив, непременно причиняет серьезные неприятности. “Премияльные системы, по которым премии выдаются отдельным рабочим, приносят больше вреда, чем пользы... Групповые премияльные системы, в которых премии зависят от работы целой артели рабочих, включая старшего рабочего... скорее будут способствовать лучшей производительности и большему удовлетворению самих рабочих”²¹.

34

Массовое движение на подъеме привлекает и удерживает своих приверженцев не своей доктриной и не обещаниями, а тем убежищем, какое оно дает им — убежищем от тревог бессмысленного и одинокого существования. Массовое движение излечивает остро неудовлетворенных не подачкой им абсолютной истины или уничтожением трудностей и злоупотреблений, делавших их жизнь жалкой, а тем, что оно освобождает их от собственных бессильных “я” — освобождает путем поглощения в единое, монолитное коллективное целое. Ясно, что для успеха массовое движение должно как можно раньше создать цельную крепкую организацию, способную поглощать и объединять в единое целое всех своих приверженцев. Судить о жизнеспособности появившегося движения по качествам его доктрины или по выполнимости его программы — бесполезное занятие. Судить надо по способности его организации быстро и до конца поглощать неудовлетворенных.

Когда несколько новых верований соперничают между собой в борьбе за поддержку народных масс, выигрывает обычно то движение, которое обладает более совер-

шенной коллективной организацией. Из всех культов и философий, соперничавших в древнем греко-римском мире, одно лишь христианство с момента возникновения создало сплоченную организацию. “Ни один из соперников не обладал такой крепкой и четкой организацией, как та, которую дала Церковь. Никто другой не дал своим приверженцам такого сильного ощущения своей принадлежности к тесно сплоченной общине”²². Большевицкое движение опередило все другие марксистские движения в соревновании за власть благодаря своей сплоченной единой организации. Национал-социалистское движение также одержало победу над всеми остальными народными движениями, появившимися в Германии в 1920-е годы, потому что Гитлер рано понял, какие безграничные возможности имеет пропаганда для массового движения в фазе его подъема, призывающая к коллективной сплоченности и единению. Он знал, что главная страсть неудовлетворенных — “принадлежать” и что для удовлетворения этой страсти все средства хороши.

35

Наиболее благоприятная почва для подъема и распространения массовых движений — если некогда единое коллективное общество по тем или иным причинам находится в состоянии разложения. Век, когда появилось и стало распространяться христианство, “был одним из тех, когда большие коллективы людей были сорваны со своих мест. Самостоятельные, независимые города-государства частично слились в одну огромную империю... Старые общественные и политические группировки были ослаблены или растворены”²³. Наибольший успех христианство имело в крупных городах, где жили “тысячи оторванных от своих народов индивидуумов: рабы, бывшие рабы, купцы и торговцы, которые силой обстоятельств или добровольно оказались оторванны-

ми от своей социальной среды”²⁴. В деревне же, где социальные устои были нарушены слабо, новая религия встретила менее благоприятную почву. Сельские жители и степные кочевники держались древних культов дольше других. Несколько похожее положение наблюдалось и при подъеме националистических и социалистических движений второй половины XIX века: “Чрезвычайная подвижность и урбанизация населения привели к тому, что в течение этих десятилетий небывалое число людей было сорвано с привычных мест, где жили их деды и прадеды. Живя в условиях неустойчивой экономики и психологической неприспособленности, эти люди были весьма восприимчивы к демагогической пропаганде социализма или национализма, или того и другого вместе”²⁵. Общее правило, по-видимому, таково: когда одна форма коллективной сплоченности ослабевает, создаются условия для роста массового движения и конечного утверждения новой, более жизненной формы коллективного единства. Когда влияние церкви, некогда всеобъемлющее, ослабевает, выкристаллизовываются новые религиозные движения. Х. Г. Уэллс замечает, что в эпоху Реформации люди “возражали не столько против власти церкви, сколько против ее слабости... Их выступления против церкви как внутри ее, так и вне, были направлены не для избавления от религиозного контроля, а, наоборот, для установления более полного контроля”²⁶. Если религиозные устои подорваны просвещением, то поднимающиеся массовые движения будут социалистическими, националистическими или расистскими. Французская революция, которая была и националистическим движением, была реакцией не против тирании католической церкви и не против старого режима, а против их слабости и бесполезности. Когда народ восстает в тоталитарном обществе, то он восстает не против зла режима, а против его слабости.

Там, где общественные формы прочны, массовому движению трудно найти опору. Коммунальная сплоченность евреев как в Палестине, так и в рассеянии после исхода из Палестины и была, вероятно, одной из причин того, что христианство среди них имело мало успеха. Разрушение Иерусалимского храма римлянами привело к тому, что евреи еще больше сплотились. Приверженность евреев к своему храму и Иерусалиму перешла к синагоге и общине. Позднее, когда христианская церковь стала обладать большой силой, достаточной, чтобы загнать евреев в гетто, — этим она обеспечила им еще большую сплоченность и тем самым, не желая того, обеспечила существование иудаизма на долгие времена. Наступившее позднее Просвещение подорвало ортодоксальный иудаизм и стены гетто. Неожиданно — пожалуй, впервые со дней Иова и Екклесиаста — еврей почувствовал себя страшно одиноким во враждебном мире. Коллектива, с которым он мог бы сжиться и раствориться в нем, не было. Синагога и община к тому времени захудали, стали безжизненными, а двухтысячелетние традиции и предрассудки мешали еврею совсем слиться с нееврейским общественным коллективом. Таким образом современный еврей превратился в наиболее автономную личность, а потому — и в наиболее неудовлетворенную. Неудивительно, что массовые движения в новое время часто находят в евреях готового новобранца. По той же причине евреи, уходя от неудовлетворенности, наполняли и другие дороги — переселения, эмиграции и других метаний и поисков. Еврей страстными усилиями старался доказать ценность своей личности и в материальных достижениях, и в творческой работе. Правда, своими собственными усилиями он мог создавать одно маленькое подобие коллективности, а именно — семью, — и он пользовался этой возможностью насколько хватало сил. Но это единственное убежище европейского еврея сжег Гитлер в концлагерях и

газовых камерах. Вот почему сегодня, больше чем когда бы то ни было, еврей, особенно в Европе, представляет собой идеал потенциального новообращенного. И кажется просто провиденциальным, что сионизм оказался под рукой у еврея в его черный час, чтобы заключить его в свои коллективные объятия и излечить от индивидуальной изоляции. Израиль, действительно, редкое убежище: это — дом и семья, синагога и конгрегация, нация и революционная партия — все вместе.

Недавняя история Германии тоже дает интересный пример взаимосвязи между коллективной сплоченностью и восприимчивостью к соблазну массовых движений. При Вильгельме настоящее революционное движение появиться не могло. Немцы были довольны централизованным авторитарным режимом кайзера, и даже поражение в первой мировой войне любви их к нему не ослабило. Революция 1918 года была искусственной, почти не имела поддержки народа. Последовавшие за революцией годы Веймарской конституции для большинства немцев были периодом раздражения и неудовлетворенности. Привыкшие к жизни по приказам сверху и к уважению авторитетов немцы смотрели на свободный демократический, без уважения авторитетов порядок как на хаос и неразбериху. Они были шокированы, когда узнали, что “должны принимать участие в управлении государством, выбирать себе партию и составлять собственное суждение по политическим вопросам”²⁷. Они стали стремиться к новому коллективному целому, но более монолитному, более всеохватывающему и блестящему, чем был режим кайзера. И Третий рейх стал хорошим ответом на их молитвы. Тоталитарному режиму Гитлера после того, как он оформился, никогда не угрожало массовое восстание. Пока вожди нацистов охотно брали на себя ответственность и принимали все решения, для возникновения народного антагонизма не было никаких

шансов. Такая опасность могла возникнуть только в случае, если бы нацисты ослабили дисциплину и контроль. Слова де Токвиля о тираническом правлении верны для всех тоталитарных режимов: момент наибольшей опасности для них тот, когда они приступают к реформам, т. е. когда начинают проявлять либеральные тенденции²⁸.

Еще одной, последней, иллюстрацией к тезису, что крепкие коллективы невосприимчивы к соблазну массовых движений и что разлагающиеся общественные коллективы — наиболее благоприятная среда для роста массовых движений, являются отношения между армейским коллективом и массовым движением. Нам неизвестны случаи, чтобы в действующей армии зародилось религиозное, революционное или национальное движение. С другой стороны, разваливающаяся армия — все равно отчего: в результате ли нормальной демобилизации или дезертирства, вызванного деморализацией, — благоприятная почва для появления массового движения. Человек, только что вышедший из армии, — идеальный потенциальный новобранец для всех современных массовых движений. Он чувствует себя одиноким и потерянным в общественной свалке гражданской жизни. Неизвестность и обязанности одинокого существования угнетают и терзают его. Он жадно мечтает о твердом порядке, о товариществе, о свободе от личной ответственности, он жаждет порядка, не имеющего ничего общего с обществом свободной конкуренции, в котором он оказался, — все это он находит в атмосфере братства и энтузиазма нарастающего массового движения²⁹.

НЕ НА МЕСТЕ

36

Степень неудовлетворенности людей, не нашедших в жизни своего места, конечно, различна. Прежде всего, среди них есть люди, которые все еще надеются найти свое место в жизни. К ним принадлежат: молодежь, образованные безработные, ветераны войны, новые эмигранты и т. п. Они беспокойны и недовольны, их гонит страх, что лучшие годы будут растрочены раньше, чем будет достигнута цель. И хотя они восприимчивы к призывам массовых движений, но как последователи движения они не всегда надежны, потому что не считают себя окончательно потерянными. Они сознают, что их отдельная собственная жизнь может быть и целеустремленной и полной надежд. Малейший успех, намек на прогресс примиряют их и с миром, и с самими собою.

Роль ветеранов в росте массовых движений нами уже обрисована в разделе 35. Часто вслед за затянувшейся войной в национальных армиях наступает период общественных волнений — как у побежденных, так и у победителей. И совсем не потому, что за время войны страсти разгорелись и привился вкус к насилию, и не потому, что была утрачена вера в существующий социальный порядок, который оказался не в состоянии предотвратить такое грандиозное и бессмысленное разбазаривание жизней и богатств. Скорее, это может быть объяснено тем, что у миллионов людей за время их нахождения в армии образуется перерыв в привычной для них жизни. Во время налаживания мирной домашней жизни — процесса медленного и болезненного — страна наполняется людьми, временно растерявшимися.

Из этого следует, что переход от войны к миру более критический для существующего порядка, чем переход от мира к войне.

37

Люди, постоянно чувствующие себя не на месте, — это те, кто не может делать в жизни того, к чему они стремятся всей душой, — вследствие ли отсутствия необходимого таланта или из-за неизлечимых умственных или физических недостатков. Никакие достижения в других областях, как бы блестящи эти достижения ни были, дать удовлетворения таким людям не могут. Что бы они ни предпринимали, — они “вкладывают в это самих себя, но всегда не удовлетворены результатом и никогда не могут остановиться. Они нам словно доказывают, что когда мы имеем что-то, чего не хотим, нам всегда не хватает чего-то другого; мы никогда так быстро и далеко не бежим, чем тогда, когда бежим от самих себя.

Люди, постоянно чувствующие себя не на месте, могут найти спасение только в полной отрешенности от себя, и такое спасение они находят в том, что растворяются, теряются в тесной коллективности массового движения. Отрекаясь от своей собственной веры, от собственного мнения и своих стремлений, отдавая все свои силы служению вечному делу, они наконец освобождаются от положения белки в колесе, которое обрекало их на вечную неудовлетворенность.

Среди людей, постоянно чувствующих себя не на месте, наиболее безнадежно неудовлетворены, а потому и наиболее беспокойны люди с неутоленным стремлением к творческой работе. Как те из них, кто безуспешно пытается писать, рисовать, сочинять музыку и т. п., так и те, кто хотя бы раз в жизни испытал вдохновение, после чего почувствовал, как иссякает творческий поток, оказываются в тисках отчаянной страсти. Ни слава, ни власть,

ни богатство, никакие умопомрачительные успехи в других областях деятельности не могут утолить их жажды. Им не всегда помогает даже полная преданность “священному делу”. Их жажда неутолима, и из них обычно выходят самые неистовые сторонники крайних действий в служении “священному делу”¹.

КРАЙНИЕ ЭГОИСТЫ

38

Для крайних эгоистов особенно характерно чувство неудовлетворенности. Чем человек эгоистичнее, тем острее переживает он разочарования. Именно поэтому крайние эгоисты обычно бывают наиболее убедительными поборниками самоотверженности.

Самыми страстными фанатиками часто бывают эгоисты, потерявшие веру в себя из-за врожденных недостатков или вследствие внешних обстоятельств. Их эгоизм сам по себе — прекрасный инструмент: они перестают им пользоваться для своего неудачного “я” и отдаются служению какому-нибудь “священному делу”. И хотя приобретенная ими вера может быть верой любви и смирения, сами они не могут быть ни любящими, ни смиренными.

ЧЕСТОЛЮБЦЫ ПЕРЕД НЕОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

39

Неограниченные возможности могут быть такой же причиной неудовлетворенности, как и недостаток или отсутствие возможностей. Когда возможности кажутся неограниченными, люди начинают пренебрежительно относиться к тому, чем они обладают. Они считают: “Все, что я делаю или способен сейчас делать, ничтожно в сравнении с тем, что еще осталось сделать”. Неудовлетворенность такого рода встречается у золотоискателей во время золотой лихорадки или тревожит умы честолюбцев во времена “бума”. Этим объясняется факт: у людей, одержимых корыстью, которая, видимо, является главной движущей силой золотоискателей, захватчиков, правдой и неправдой, земли и других поклонников быстрого обогащения, имеется еще и безмерная готовность к самопожертвованию и совместному действию. Патриотизм, расовая солидарность и даже революционные лозунги встречают более живой отклик среди людей, видящих перед собой перспективу неограниченных возможностей, чем среди живущих в определенных рамках установленных привычных порядков.

МЕНЬШИНСТВА

40

Положение меньшинств, как бы оно ни было защищено законом и властью, всегда непрочное. У меньшинства, старающегося сохранить свое групповое лицо, неудовлетворенность, порождаемая неизбежным ощущением непрочности положения, не так велика, как у меньшинства, которое стремится раствориться и слиться с большинством. Меньшинство, сохраняющее свое лицо, неизбежно остается единым целым, а это защищает каждого отдельного члена меньшинства, дает ему ощущение принадлежности к чему-то, охраняет его от неудовлетворенности. В случае же с меньшинством, стремящимся к ассимиляции, личность одна противостоит окружающим предрассудкам и дискриминации. Кроме того, такого человека угнетает чувство вины отступника — чувство иногда яркое, иногда смутное. Ортодоксальный еврей чувствует себя меньше неудовлетворенным, чем эмансипированный еврей. Негр на Юге в атмосфере сегрегации чувствует себя менее неудовлетворенным, чем негр на Севере, где нет сегрегации.

И опять же внутри меньшинства, стремящегося к ассимиляции, самые преуспевающие и самые неудачливые члены его (в экономике или культурной деятельности) обычно более не удовлетворены, чем остальные члены этого меньшинства. Неудачник и так чувствует себя одиноким, но когда член меньшинства хочет слиться с большинством, то неудача у него усиливает ощущение, что он всем и всему чужой. То же самое относится к членам меньшинства на противоположном конце экономической или культурной шкалы. Эти члены меньшинства обла-

дают и славой, и богатством, но им часто трудно попасть в малодоступные круги, представляющие большинство. Это и отравляет их сознание тем, что они чужие. К тому же, имея доказательство собственной незаурядности, они уже не желают ассимилироваться, ибо ассимиляция для них становится вроде признания собственной неполноценности. Таким образом, надо думать, самые удачливые и самые неудачливые члены меньшинства, стремящегося к ассимиляции, и бывают самыми восприимчивыми к соблазнам массового движения. Среди американцев итальянского происхождения самые большие удачники и самые большие неудачники и были самыми яркими поклонниками революции Муссолини. Те же круги среди американцев ирландского происхождения горячо отозвались на призыв Де Валера; то же и среди евреев — в отношении сионизма; самые удачливые и самые неудачливые негры в Америке — самые “расово сознательные”.

СКУЧАЮЩИЕ

41

Нет, пожалуй, лучшего показателя того, что общество созрело для массового движения, чем распространение безысходной скуки. Почти во всех описаниях периодов, предшествовавших подъему массовых движений, упоминается о сильной скуке; и массовое движение в своих первых фазах скорее находит сочувствие и поддержку не столько среди эксплуатируемых и угнетенных, сколько у скучающих. Для того, кто подбивает массы на восстание, данные о скучающих должны быть одинаково приятны и ободряющи, как и данные о страдающих от невыносимых экономических и политических злоупотреблений.

Когда люди скучают, это значит, что они надоели сами себе. Сознание своего бесплодного, бессмысленного существования — главный источник скуки. Люди, не чувствующие себя независимыми, как, например, члены тесно связанного коллектива: церкви, партии и т. д., недоступны скуке. Независимый человек свободен от скуки только в том случае, если он занят творческой работой, каким-нибудь поглощающим его делом или же целиком поглощен борьбой за существование. Растрачивание жизни в погоне за удовольствиями и наслаждениями — никуда не годное средство против скуки. Трудно придумать, к каким фантастическим и отчаянным способам могут прибегнуть люди, чтобы придать смысл и цель своей жизни там, где они живут независимо и притом недурно, но без возможностей или наклонностей к творческой работе или к другой полезной деятельности.

Именно скука — причина того, что при зарождении массовых движений в них принимают участие старые девы и женщины “переходного возраста”. Даже в движении ислама или в нацистском движении, которые неодобрительно относились к женской деятельности вне дома, мы встречаем женщин известного типа, игравших значительную роль на ранней стадии этих движений.

Замужество дает женщинам много такого, что замечает им массовое движение. Оно дает им новую цель в жизни, и новое будущее, и новую индивидуальность (новое имя). Скука незамужних женщин и женщин, которые уже не могут находить радость и удовлетворение в замужестве, появляется от сознания своей бесплодной жизни. Посвятив себя “священному делу” и направив всю свою энергию и средства на его развитие, они находят для себя в этом новую жизнь, полную смысла и удовлетворения. Гитлер целиком использовал “дам высшего света, жаждущих приключений, скучающих от пустой жизни, уже не испытывающих удовольствия от любовных историй”¹. Гитлера финансировали жены некоторых крупных промышленников задолго до того, как их мужья услышали о нем². Мириам Бирд рассказывает о подобной роли, которую сыграли скучавшие жены дельцов накануне Французской революции: “они умирали от скуки и меланхолии; от нечего делать они приветствовали новаторов”³.

ГРЕШНИКИ

42

Злое замечание о том, что патриотизм — это последнее прибежище для негодяя, имеет и менее отрицательное значение. Горячий патриотизм, как и религиозный и революционный энтузиазм, часто служит прибежищем от угрызений совести. Хотя это и странно, но в массовое движение от неполноценной жизни бегут и оскорбленный, и оскорбитель, и пострадавший, и причинивший страдания другому. И угрызения совести, и чувство обиды хотя и разные по существу, но гонят людей в одном и том же направлении.

Иногда кажется, что классовые движения созданы как бы по заказу для преступника, и не только для очищения его души, но и для развития его наклонностей и применения его талантов. Методика массового движения направлена на то, чтобы вызвать у своих приверженцев настроение и состояние кающегося преступника¹. Полное самоотречение, которое является (как будет показано в части третьей) источником единства и энергии массового движения, есть не что иное, как жертва, акт искупления; но искупления не может быть без острого чувства греха. В этом, как и во всем другом, методика массового движения заключается в заражении людей, так сказать, болезнью, после чего, собственно, движение предлагается как единственное лекарство от этой болезни. “Что за задача, — жалуется один американский священник, — стоит перед американским духовенством, когда ему приходится проповедовать благую весть Спасителя людям, которые чаще всего лишены чувства греха?”² Всякое действенное массовое движение культивирует

идею греха. Оно изображает независимое человеческое “я” не только как бесплодное и бесполезное, но и как низменное и подлое. Исповедоваться и раскаиваться — значит сбрасывать с себя свою особенность, свое отличие от других и находить спасение, растворяя собственное “я” в священном единстве конгрегации³.

Все массовые движения стараются привлечь к себе преступников. Св. Бернар — духовный вождь второго крестового похода — так обращался к рекрутам: “Разве это не редкая и бесценная возможность спасения (из рук самого Бога), когда Всемогущий всемилостиво призывает к служению Ему как невинных, так и убийц, насильников, прелюбодеев, клятвопреступников и всех других, кто совершил любое преступление?”⁴ Революционная Россия тоже как-то снисходительно относилась к уголовникам, хотя безжалостно расправлялась с идеологическими еретиками — “уклонистами”. Очень возможно, что преступник, отдавая себя “священному делу”, скорее готов рисковать своею жизнью и прибегать к крайностям при защите этого дела, чем люди, которых сдерживает неприкосновенность жизни и собственности.

Преступление до некоторой степени заменяет массовое движение. Там, где общественное мнение и закон не слишком строги, а бедность не абсолютна, там скрытые силы неудовлетворенных и не нашедших в жизни своего места часто выливаются в преступления. Замечено также, что с момента возбуждения, вызванного массовыми движениями, будь то патриотическими, религиозными или революционными, количество уголовных преступлений сокращается.

Часть третья

ОБЪЕДИНЕННАЯ АКЦИЯ И САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

43

Сила и энергия массового движения берут свое начало в склонности его последователей к объединенным действиям и к самопожертвованию. Когда мы приписываем успех движения его вере, доктрине, пропаганде, умелому руководству, жестокости и т. д. и т. п., этим мы только перечисляем инструменты для объединения и средства воспитания готовности к самопожертвованию. Понять природу массовых движений, пожалуй, невозможно, если не признать за факт, что главная забота этих движений — культивировать, усовершенствовать и навсегда закреплять умение к объединенным действиям и способность к самопожертвованию. Понять процесс того, каким образом это достигается, — значит постигнуть внутреннюю логику основных положений и действий активного массового движения. За немногими исключениями¹, каждая группа или организация, пытающаяся по той или иной причине создать и сохранить в своих рядах единство, цельность и постоянную готовность к самопожертвованию, обычно проявляет особенности — возвышенные или низменные — массового движения. С другой стороны, массовое движение неизбежно теряет свои — отличительные от других видов организаций — черты, когда его коллективное единство ослабевает и движение начинает допускать естественную законность личной заинтересованности. В периоды мира и благоденствия демократическое государство представляет собой объединение с твердо установленными порядками, состоящее из более или менее свободных личностей. Но во время кризиса, когда государство под угрозой, оно старается укреп-

пить народное единство и вызвать готовность к самопожертвованию, — и все это в известной степени придает ему характер массового движения. То же самое относится к религиозным и революционным организациям: их сходство с массовыми движениями зависит не столько от проповедуемых ими доктрин и не от предлагаемых программ, сколько от степени заботы о единстве и от готовности их последователей к самопожертвованию.

Важно, что у очень неудовлетворенных людей стремление к объединенному действию и готовность пожертвовать собой возникают непосредственно. Поэтому если проследить самопроизвольное зарождение стремления к объединенному действию и к самопожертвованию у неудовлетворенных, то можно будет получить кое-какие данные для понимания самой природы этих склонностей и техники их воспитания. Что беспокоит неудовлетворенных? Сознание непоправимо изуродованного “я”. Их главное желание — бежать от своего “я”, — а это желание и проявляется в склонности к объединенным действиям и самопожертвованию. Отвращение к нелюбимому “я”, желание забыть о нем, спрятать его, сбросить его с себя, потерять его — все это вызывает готовность принести свое “я” в жертву и растворить его в коллективном целом, теряя при этом свои личные особенности. К тому же этот отказ от самого себя обычно сопровождается рядом различных, внешне не связанных взглядов на жизнь и импульсов, которые при более тщательном рассмотрении оказываются основными факторами процесса объединения и самопожертвования. Иными словами: неудовлетворенность вызывает не только стремление к единству и готовность к самопожертвованию, но и создает механизм для их реализации. Такие различные свойства, как недооценка существующего, способность принимать все на веру, склонность к ненависти и подражанию, легковерие, готовность браться за невозможное и многое

другое, которыми избылуют сильно неудовлетворенные умы, — все это, как мы дальше увидим, содействует объединению и побуждает к опрометчивости.

В разделах 44—103 будет сделана попытка показать, что, когда мы стараемся воспитать в людях стремление к объединенному действию и способность к самопожертвованию, мы делаем все возможное — вольно или невольно, — чтобы вызвать и поощрять в них отчуждение от самих себя. Кроме того, мы стараемся вызвать и развивать в них многие из перечисленных взглядов и импульсов, которыми у неудовлетворенных сопровождается самопроизвольный отказ от себя. Короче, мы попытаемся показать, что техника активного массового движения состоит в основном во внедрении и культивировании склонностей и реакций, характерных для неудовлетворенного ума.

Думаю, что читатель этой части книги будет со многим не согласен. Ему, вероятно, покажется, что многое здесь преувеличено, а многое упущено. Но книга эта — не учебник. Это книга размышлений, и она не избегает полуправд, если они могут подсказать новый подход к проблеме и поставить новые вопросы. “Иллюстрируя принцип, — говорит Vaguehot, — вы должны многое преувеличить, а многое упустить”.

Способности к объединенному действию и самопожертвованию почти всегда движутся вместе. Когда мы слышим о группе, презирающей смерть, то обычно имеем основание заключить, что это тесно связанная и крепко объединенная группа². И с другой стороны, когда мы встречаем члена тесно сплоченной группы, имеем основание предполагать, что он презирает смерть. И объединенное действие, и самопожертвование требуют самоуничижения. Чтобы стать частью единого целого, личности приходится от многого отказаться. Она должна отказаться от частной жизни, от своего мнения, а часто — и от лич-

ного имущества. Таким образом, подготовка человека к объединенному действию — есть не что иное, как подготовка его к актам самоотречения. Человек, практикующий самоотречение, как бы сбрасывает с себя твердую скорлупу, отделяющую его от других, чтобы соединиться с ними. Все, что объединяет, способствует самопожертвованию и наоборот. Факторы, способствующие тому и другому, в последующих разделах книги для удобства разделены, но двойственная функция каждого из них подразумевается.

Здесь стоит еще набросать план следующих разделов — 44—63, посвященных теме самопожертвования.

Техника выработки готовности к борьбе и смерти состоит в том, чтобы отделить личность от ее внутреннего “я”, т. е. чтобы не разрешать личности быть собой. Это достигается полным слиянием личности с коллективом (разделы 44—46) или наделением ее воображаемым вторым “я” (раздел 47); или внушением ей презрения к существующему настоящему и устремлением ее на несуществующее будущее (разделы 48—55); затем — путем создания завесы, отделяющей личность от действительности (доктрина) и непроницаемой для фактов (разделы 56—59); или путем нарушения внутреннего равновесия индивидуума, разжигая в нем разные страсти (разделы 60—63).

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ САМОПОЖЕРТВОВАНИЮ

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЦЕЛЫМ

44

Для того чтобы человек созрел для самопожертвования, он должен быть лишен своей индивидуальности и своих особенностей. Он должен перестать быть Джорджем, Иваном или Тадао, перестать быть человеческим атомом, существование которого ограничено его рождением и смертью. Наиболее прямой путь для этого — растворение личности в коллективном целом. Полностью ассимилированная личность ни себя ни других не считает за отдельных самостоятельных людей. Когда такого человека спрашивают: кто он такой? — тот автоматически отвечает, что он немец, русский, японец, христианин, мусульманин, член такого-то племени и семьи. У такого человека нет целей, ценностей и судьбы вне коллектива; и пока коллектив этот живет, живет и человек.

Для человека, совершенно лишенного чувства принадлежности к чему-либо, значение имеет только его личная жизнь. Это единственная реальность в вечном Ничто, и он цепляется за нее с бесстыдным отчаянием. Достоевский описал это состояние в “Преступлении и наказании” (часть 2, глава 6). Студент Раскольников в невменяемом состоянии бродит по улицам Петербурга. Несколько дней тому назад он топором убил двух старух. Он чувствует себя отделенным от всего человечества. Когда он проходит возле Сенного рынка через квартал, где живут проститутки, то думает: “Если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, — а кругом будут пропасти, океан, веч-

ный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше так жить, чем сейчас умирать! Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить, — только жить!”.

Личные особенности должны быть стерты дотла. В каждом поступке, как бы он ни был незначителен, человек должен любым способом связывать себя с конгрегацией, с племенем, партией и т. п. Его радости и печали, его гордость и уверенность должны исходить из будущего и из возможностей целой группы, а не из его личных перспектив и способностей. Самое главное — он никогда не должен чувствовать себя одиноким. Даже выброшенный на пустынный остров, он должен чувствовать на себе взгляд своей группы. Быть выброшенным из группы для него — быть отрезанным от жизни.

Это, конечно, примитивная форма бытия, и наилучшие примеры его можно найти в среде примитивных племен. Массовые движения стараются приблизиться к такому примитивному совершенству, но мы этого не видим, хотя чувствуем, что антииндивидуалистические тенденции современных массовых движений ведут назад, к примитивизму.

45

Чем сильнее личность отождествляет себя с группой, тем выше ее способность противостоять насилию. Люди, легче пережившие нацизм, были членами или единой партии (коммунисты), или церкви (священники и высшее духовенство), или тесной национальной группы. Индивидуалисты, какой бы они не были национальности, не выдерживали. Западноевропейский еврей оказался самым незащитным: отвергнутый неевреями (даже в концлагерях) и не имея связей с еврейской общиной, он оказался перед своими палачами один-одинешенек, поки-

нутый всем человечеством. Теперь понятно, что средневековое гетто было для евреев скорее крепостью, чем тюрьмой: без ощущения крепкого единства и особенностей, налагавшихся на них гетто, евреи не смогли бы выдержать насилия и унижений тех темных столетий. Когда средние века вернулись на короткое десятилетие в наше время, они настигли еврея без древних мер защиты и раздавили его.

Неизбежный вывод, очевидно, таков: когда человек стоит перед лицом пыток и гибели, он не может надеяться на свои собственные силы. Единственно возможный для него источник силы — не в том, чтобы быть самим собою, а в том, чтобы быть частью чего-то могучего, великого и неистребимого. Вера тут, прежде всего, — процесс отождествления — процесс, когда личное перестает быть самим собой и становится частью чего-то вечного. Вера в человечество, в потомство, в судьбу “моей” религии, народа, расы, партии или семьи — это не что иное, как светлое видение того вечного, к которому мы присоединяем свое “я”, неизбежно обреченное на истребление.

Страшно подумать, что современные диктаторы пользуются этим источником отчаянной храбрости не только для укрепления духа своих последователей, но и для того, чтобы сломать дух своих противников. В своих “чистках” старых большевистских вождей Сталину удалось превратить гордых и храбрых людей в раболепных трусов, лишив их возможности отождествлять себя с партией, которой они служили всю свою жизнь, и с народными массами России. От человечества за пределами России они — старые большевики — отрезали себя давным-давно. Они питали бесконечное презрение к прошлому и истории, которую продолжало творить капиталистическое человечество. От Бога они отреклись. У них не было ни прошлого, ни будущего, ни памяти,

ни славы вне границ Святой Руси и коммунистической партии, которые целиком и безвозвратно были в руках Сталина. Они чувствовали себя, по словам Бухарина, “изолированными от всего, что составляет суть жизни”. Поэтому, то они и “сознавались”. Но, унижая себя перед коллективом верующих, они как бы вырывались из своей изоляции. Они возобновили общение с вечным целым тем, что оговорили себя, обвинили себя в чудовищных и невероятных преступлениях, — этим они как бы публично сбрасывали с себя свои личные “я”.

Те же самые русские, раболепствующие перед сталинской тайной полицией, проявили — в одиночку или группой — невероятное мужество перед лицом вторгшихся нацистов. Причина этого, на первый взгляд, противоречивого поведения не в том, что “органы” Сталина были более жестокими, чем армия Гитлера, а в том, что перед лицом сталинских палачей русский человек чувствовал себя только маленьким индивидуумом, тогда как перед лицом немцев он чувствовал себя членом могучей расы, со славным прошлым и еще более славным будущим.

То же самое и в случае с евреями: по их поведению в Европе невозможно было представить их поведение в Палестине. Политика британских колониальных чиновников в Палестине была логична, но не проницательна. Они рассуждали так: если Гитлер сумел истребить шесть миллионов евреев, не встретив при этом серьезного сопротивления, то будет не так уж трудно справиться с шестьюстами тысячами евреев в Палестине. Но они убедились, что евреи в Палестине, когда бы они туда ни попали, оказались страшными врагами: храбрыми, стойкими и находчивыми. Еврей в Европе стоял перед врагом одинокой, изолированной личностью, живой пылинкой в вечном “Ничто”. В Палестине — он чувствовал себя не человеческим атомом, а членом вечной расы, с

историческим прошлым и захватывающим дыхание будущим.

46

Кремлевские теоретики, вероятно, знают, что, для того, чтобы держать русские массы в состоянии подчинения, нельзя этим массам давать возможность отождествлять себя с каким-либо коллективом вне России. Цель “железного занавеса”, вероятно, — больше для того, чтобы лишить народные массы СССР возможности тянуться к внешнему миру даже мысленно, чем для предотвращения проникновения в СССР шпионов и диверсантов. Это и физический, и психологический занавес. Полная невозможность эмиграции (не выпускают даже русских женщин, вышедших замуж за иностранцев) делает представление о людях внешнего мира весьма туманным. С таким же успехом можно мечтать и думать о бегстве на другую планету. Психологический барьер тоже очень важен: бесстыдная пропаганда Кремля старается внушить русским, что за пределами Святой Руси нет ничего достойного и вечного, ничего заслуживающего уважения и преклонения, ничего, с чем стоило бы людям отождествлять себя.

ПРИТВОРСТВО

47

Умирать и убивать легче, когда это часть ритуала, церемонии, драматического представления или игры. Чтобы встретить смерть бесстрашно, требуется некое притворство. Для наших реальных обнаженных “я” нет ничего ни на земле, ни на небе такого, ради чего стоило бы умирать. Только тогда, когда мы видим себя как бы со стороны, актерами в поставленном (а потому нереальном) спектакле, тогда смерть утрачивает свой ужас, свое

значение конца и становится актом притворства и театральным жестом. Одно из главных качеств настоящего вождя — умение скрывать от своих последователей жестокую реальность смерти или убийства с помощью иллюзии участия в грандиозном спектакле: в торжественном, веселом или драматическом представлении.

Гитлер одел 80 миллионов немцев в костюмы и заставил играть в грандиозной, героической и кровавой опере. В России, где даже для строительства общественных уборных требуется от людей доля самопожертвования, вот уже 30 лет жизнь идет, как непрерывная душераздирающая драма, и ей не видно конца. Жители Лондона во время второй мировой войны вели себя героически под градом бомб, потому что Черчилль наделил их ролями героев. Они исполняли свои героические роли перед гигантской аудиторией — из предков, современников и потомков, — на сцене, освещенной пожарами горящего мирового города, под музыку лающих зениток и воющих бомб. Очень сомнительно, чтобы в нашем современном мире с его индивидуальным дифференцированием можно было бы добиться всеобщего самопожертвования без театрального представления и фейерверка. Поэтому трудно себе представить, как правительство Рабочей партии в Англии сможет провести в жизнь свою программу социализации, требующей от каждого британца известного самопожертвования, в серой и совсем не драматической атмосфере социалистической Великобритании. Отсутствие качеств актерства у большинства вождей английских социалистов подтверждает их честную прямоту и целостность, но оно мешает им проводить национализацию, которая, несомненно, является главной целью их жизни¹.

Необходимость театра в мрачной обстановке смерти и убийств особенно наглядна в армии. Мундиры, флаги,

эмблемы, парады, музыка, тщательно разработанный порядок чинов и ритуал — все это существует для того, чтобы отгородить солдата от плоти и крови его собственного “я”, чтобы скрыть от него неумолимую реальность жизни и смерти. Ведь мы даже говорим: “театр военных действий” или “батальная сцена”. В боевых приказах военачальники неизменно напоминают солдатам, что взоры всего мира устремлены на них, что их предки следят за ними, а потомство услышит о них. Великий полководец может создать аудиторию даже из песков пустыни и волн океана.

Слава — это, в первую очередь, театральное понятие. Стремления к славе не может существовать без яркого представления о некоей аудитории — без мысли о том, что о наших славных подвигах узнают современники или же “те, кто придет”. Мы готовы жертвовать нашим живущим, но преходящим “я” ради мнимого вечного “я”, которое мы сами героическими подвигами создаем в представлении и воображении других.

В практике массовых движений “театр для себя” играет, пожалуй, более постоянную роль, чем какой-либо другой фактор. Даже когда исчезают вера и возможности убеждения или принуждения, театр сохраняется. И нет сомнения, что постановки массовых движений — демонстрации, парады, церемонии, ритуал — в каждом сердце находят отклик. Зрелище массового спектакля захватывает даже наиболее уравновешенных людей. Не только участников его, но и зрителей. Очень возможно, что неудовлетворенные люди сильнее реагируют на мощь и блеск массового спектакля, чем люди, духовно удовлетворенные. Желание убежать от своего неполноценного “я” или хотя бы замаскировать его развивает у неудовлетворенных людей актерство и одновременно — готовность отдаться полностью импонирующему им массовому зрелищу.

НЕДООЦЕНКА СУЩЕСТВУЮЩЕГО

48

При возникновении массового движения кажется, что оно борется за настоящее против прошлого. Оно рассматривает существующие порядки и привилегии как вмешательство дряхлого отвратительного прошлого в чистое настоящее. Но чтобы освободиться от мертвой хватки прошлого, требуется предельное единство и безграничное самопожертвование. Это значит, что народ, призванный свергнуть прошлое для освобождения настоящего, должен с энтузиазмом навсегда и во всем отказаться от настоящего. Абсурдность такого положения очевидна. Поэтому с дальнейшим развитием неизбежен перенос удара: первоначальная цель — настоящее снимается со сцены, а его место занимает потомство — будущее. Больше того, настоящее отталкивают назад, как нечисть, и валят в одну кучу с ненавистным прошлым. Таким образом проводится граница борьбы между тем, что было и что есть, с одной стороны, и тем, что будет, — с другой.

Потерять жизнь — значит потерять только настоящее, а когда теряется исковерканное, ничего не стоящее настоящее, то ясно, что теряется немногое.

Массовое движение не только изображает настоящее чем-то ничтожным и жалким, но и умышленно делает его таким. Оно выкраивает образчик индивидуального существования — сурового, тяжелого, полного запретов и скучного; осуждает удовольствия и комфорт и превозносит суровую жизнь. Массовое движение рассматривает самое обыкновенное настоящее как нечто тривиальное и даже недостойное, а поиски личного счастья изображает чем-то безнравственным. Наслаждаться — по установке массового движения — значит иметь дело с врагом, т. е. с настоящим. Главная цель проповедуемого

большинством движений аскетического идеала — распространение презрения к настоящему. Кампания против семьи и обыкновенных человеческих желаний — это очередные попытки оторвать пальцы человека от настоящего, за которое он цепко держится. И когда такая жизнь, безрадостная в личном отношении, проходит на ярком и драматическом фоне грандиозного коллективного зрелища, — это еще больше подчеркивает никчемность и ничтожность личной жизни.

Невыполнимость многих целей, которые ставит себе массовое движение, тоже является частью похода против настоящего. Ведь все, что практически возможно и выполнимо, есть часть настоящего. И предлагать что-нибудь практически выполнимое — значит обещать что-то в настоящем, т. е. примирять нас с ним. Вера в чудеса, например, заключает в себе отказ от настоящего и вызов ему. Когда Тертулиан сказал о Христе: “И Он был похоронен и потом воскрес; это — правда, ибо такое невозможно”, — тем самым он показал кукиш настоящему. Накопец и мистицизм массового движения — тоже средство принижения настоящего. Мистицизм этот рассматривает настоящее как смутное и искаженное отражение огромной неизвестной жизни, которая находится позади нас; настоящее же — тень и иллюзия.

49

Пренебрежительного отношения к настоящему не может быть без твердой надежды на лучшее будущее. Как бы ни жаловались на низость нашего времени, мы неизбежно вынуждены мириться с нашим существованием, каким бы трудным и убогим оно ни было, если наше будущее не обещает быть лучше настоящего.

Все массовые движения стараются унижить настоящее, изображая его ничтожным шагом к славному будущему, простым половичком на пороге золотого века. Для

религиозного движения настоящее — что-то вроде места ссылки, юдоль печали, ведущая в царство небесное; для социальной революции — это убогая почтовая станция на пути к Утопии; для национального движения — это недостойный эпизод, предшествующий конечному триумфу.

Конечно, верно, что позитивная надежда, вызываемая яркой картиной великолепного будущего, более могучий источник смелости и самозабвения, чем негативная критика настоящего. Массовое движение даже тогда, когда оно не ведет борьбы не на жизнь, а на смерть с существующими порядками и положениями, настраивает сердца и умы своих последователей на будущее. Самопожертвование, требующееся для объединенных действий и взаимной помощи, невозможно без надежды. Если у нас ничего нет, кроме настоящего, мы захватываем все, что можем, и стараемся это удержать. Мы плаваем по океану, имя которому Ничто, цепляемся за любую крохотную щепку так, как будто это древо жизни. С другой стороны, когда у нас все еще впереди, нам легче делиться тем, что имеем, и отказываться от общедоступных преимуществ. Поведение членов группы Доннера* во времена, когда у них была надежда, и позднее, когда они ее утратили, хорошо иллюстрирует зависимость духа коллективности и солидарности от надежды. Те, у кого нет надежды, разделены и гонимы к крайнему эгоизму. Общее страдание само по себе, когда оно не сопровождается надеждой, не объединяет и не вызывает взаимного сочувствия. Евреи в египетском рабстве были “сбродом задир и сплетников”, и чтобы их объединить, Моисей должен был дать

* В 1846 г. группа эмигрантов, включая семью Доннера из штата Иллинойс, решила переселиться в Калифорнию, но застряла в снегах Сьерра Невады. Из 87 человек выжило только 47. — *Прим. переводчика.*

им надежду на обетованную землю. Тридцать тысяч очаявшихся людей в концлагере Бухенвальда не смогли создать никакой формы объединенного действия и не проявили никакой готовности к самопожертвованию. Там, в Бухенвальдском концлагере, было больше жадности и безжалостного эгоизма, чем в отравленном жадностью свободном обществе. “Вместо выяснения способов, какими можно было бы помогать друг другу, они употребляли всю свою изобретательность на то, чтобы властвовать и угнетать друг друга”².

50

Для умаления настоящего может использоваться и прославление прошлого. Но только это прославление должно быть связано с большими надеждами на будущее, в противном случае прославление прошлого может привести к осторожному отношению к настоящему, а не к тому крайнему отрицанию настоящего, которого хочет массовое движение. Таким образом, сначала массовое движение поворачивается к прошлому спиной, но в конце концов оно рисует яркую картину далекого великого прошлого, картину чаще неверную, хотя и правдоподобную. Религиозные движения возвращаются в прошлое до дня сотворения мира; социальные революции говорят о золотом веке, когда люди были свободны, равны и независимы; националистические движения воскрешают или просто придумывают воспоминания о прошлом величии. Такое ударение на прошлом происходит не от одного желания показать законность движения и незаконность предшествующего ему порядка, но также из стремления показать настоящее как простой переход от прошлого к будущему³.

Знакомство с историей дает нам чувство исторической преемственности. Имея яркое представление о прошлом и будущем, истинноверующий видит себя частью

чего-то такого, что бесконечно простирается назад и вперед — чего-то вечного. За настоящее он может не держаться (как и за собственную жизнь) не только потому, что оно ничего не стоящая вещь, за которую и держаться-то нечего, но еще и потому, что оно не начало и не конец всего. К тому же яркое представление прошлого и будущего лишает настоящее его реальности: настоящее превращается как бы в звено процессии или парада. Последователи массового движения видят себя марширующими с барабанным боем, с развернутыми знаменами. Они — участники волнующей драмы, разыгрываемой перед гигантской аудиторией: перед прошлыми и будущими поколениями. Это позволяет им ощущать, что они больше себе не принадлежат, что они актеры, играющие роль, а дела их — не действительность, а “представление”. Их собственная смерть становится для них жестом, актом притворства.

51

Пренебрежительное отношение к настоящему способствует пророчеству. Из хорошо приспособленных к жизни людей выходят плохие пророки. С другой стороны, те, кто воюет с настоящим, лучше замечают ростки будущего и лучше видят семена перемены и возможности небольших начинаний.

Приятная жизнь не позволяет нам заметить возможность резких перемен. Мы крепко держимся за то, что называем нашим здравым смыслом, нашим практическим взглядом на вещи. Фактически это только названия нашей всепоглощенности настоящим. Ощущение собственного приятного, безоблачного существования так сильно, что другие реальные вещи, непосредственно нам угрожающие, кажутся смутными и невозможными. Когда же случается, что привычный уклад жизни ломается, именно они, так называемые практичные люди, захваченные

врасплох, выглядят нереалистами-мечтателями, цепляющимися за уже несуществующее.

С другой стороны, те, кто отвергает настоящее и направляет свои взоры и помыслы на будущее, обладают способностью замечать в окружающем зародыши будущей опасности или будущей выгоды. Вот почему из неудовлетворенной личности и из истинноверующего получаются лучшие пророки, чем из тех, кто имеет основания желать сохранения статус-кво. “Не всегда тонкие души, а чаще фанатики находят правильные решения для будущего”⁴.

52

Интересно сравнить отношение консерваторов, либералов, скептиков, радикалов и реакционеров к настоящему, будущему и прошлому.

Консерватор сомневается, что настоящее можно улучшить, и старается придать будущему образ настоящего. Чтобы убедиться в своей правоте относительно настоящего, он обращается к прошлому: “Я хотел бы иметь чувство преемственности и уверенности в том, что наши сегодняшние грубые ошибки просто свойственны человеческой натуре, что наши модные новшества, по сути, — те же древние ереси и что любые ценности, которые сегодня находятся под угрозой, не менее угрожающе шатались и в прошлом”⁵. Но до чего же консерватор похож на скептика! “Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это — новое; но оно уже было в веках, бывших прежде нас”⁶. Для скептика существующее настоящее есть сумма всего, что было и что будет. “Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем”⁷.

Либерал смотрит на настоящее как на законного потомка прошлого, постоянно растущего и развивающегося в направлении лучшего будущего: повредить на-

стоящему — значит искалечить будущее. Эти трое берегут настоящее, и, естественно, им не может очень нравиться идея самопожертвования. Их позиция в отношении самопожертвования лучше всего выражена скептиками: “Живому псу лучше, чем мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают... и не имеют никакого представления о том, что делается под солнцем”⁸.

Радикал и реакционер ненавидят настоящее. Оба считают его ненормальностью и уродом. Оба готовы обращаться с ним безжалостно и без церемоний, и оба восприимчивы к идее самопожертвования. В чем же они расходятся? В первую очередь, во взглядах на то, насколько можно изменить человеческую натуру. Радикал страстно верит в безграничную способность человеческой природы совершенствоваться. Он верит, что, изменив окружающую человека среду и усовершенствовав технику формирования человеческой души, можно создать совершенно новое, небывалое общество. А реакционер не верит, что в человеке заложены неизвестные возможности к хорошему. И если надо создать прочное здоровое общество, то создавать его надо по испытанным образцам прошлого. Реакционер видит будущее как великолепную реставрацию, а не как невиданное новшество.

В действительности ясной границы между радикалом и реакционером нет. Реакционер, например, восставляя свое идеальное прошлое, проявляет радикализм. Его представление о прошлом основано не только на том, что в действительности было, сколько на том, что он хочет видеть в будущем. Он больше новаторствует, чем реставрирует. То же самое происходит и с радикалом, когда он собирается строить свой новый мир. Но так как он отвергает и разрушает настоящее, то вынужден связывать этот новый мир с какой-то точкой в прошлом. Если,

строя новое, ему приходится применять насилие, то его взгляд на человеческую натуру мрачнеет и приближается ко взгляду реакционера.

Смесь реакционера и радикала особенно видна в тех, кто занимается национальным возрождением. Последователи Ганди в Индии и сионисты в Палестине хотели бы возродить великое прошлое и одновременно создать невиданную Утопию. Пророки тоже были смесью реакционера и радикала. Они проповедовали возврат к древней вере и грезили о новом мире и новой жизни.

53

Совпадение пренебрежительного отношения к настоящему со стороны массовых движений с отношением к нему неудовлетворенных — очевидно. Удивляет только огромная радость, которую испытывают неудовлетворенные, когда поносят настоящее и все его дела. Только жалуюсь, такого наслаждения получить нельзя. Здесь должно быть нечто большее, чем простая жалоба. Так оно и есть на самом деле. Когда неудовлетворенные распространяются по поводу неискоренимой низости и подлости своего времени, они этим как бы смягчают свои чувства неудачи и изолированности. Они как будто говорят: “Не только наши жизни, но жизни всех современников — даже самых удачливых и, казалось бы, счастливых — разбазарены впустую и ничего, собственно, не стоят”. Таким образом, оговаривая настоящее, они получают смутное чувство равенства.

Поэтому и средства, которые массовое движение употребляет для оговора настоящего (раздел 48), нравятся неудовлетворенным. Самообладание, требующееся для подавления нормальных желаний, дает им иллюзию силы. Они чувствуют себя так, словно в своих желаниях овладели миром. Им нравится в массовых движениях то, что они выступают и за непрактичное и за невозможное.

Неудачники в повседневных делах обычно тянутся за невозможным — это способ маскировать свою неполноценность, ибо когда мы терпим неудачу при попытке достичь возможного, то вина только наша, но когда терпим неудачу с невозможным, мы ее можем отнести на счет сложности и трудности задачи. При попытке достичь невозможного меньше шансов дискредитировать себя, чем при попытке достичь возможного. Отсюда следует один из выводов: неудача в повседневных делах часто порождает непомерную смелость.

Получается, что неудовлетворенный извлекает столько же удовлетворения — если не больше — от средств массового движения, сколько и от конечных целей движения. Наслаждение, которое получают неудовлетворенные от хаоса и падения счастливых и преуспевающих, исходит не из иступленного сознания, что этим очищается почва для небесного града. В их драматическом крике “все или ничего!” — в слове “ничего”, возможно, больше страстного желания, чем в первом.

“ВЕЩИ, КОТОРЫХ НЕТ”

54

Один из выводов, вытекающих при рассмотрении факторов, способствующих самопожертвованию: мы менее готовы умирать за то, чем обладаем и чем являемся, нежели за то, кем хотим быть и что хотим иметь. В этом есть горькая, ставящая в тупик правда: люди, когда они имеют “нечто стоящее, чтобы за это сражаться”, желания сражаться за это не испытывают. Живущие полнокровной и полноценной жизнью люди обычно не хотят умирать ни за собственные интересы, ни за родину, ни за какое-либо “священное дело”⁹. Не обладание ценностями, а страстное желание — вот мать полной неразумывающей самоотдачи. “Вещи, которых

нет”, на самом деле сильнее “вещей, которые есть”¹⁰. Во все времена люди отчаянно сражались за прекрасные города, еще не выстроенные, за сады, еще не посаженные. Сатана знал, что говорил, когда утверждал: “За жизнь свою человек отдает все, что у него есть”¹¹. Да, — все, что он имеет. Но скорее умрет, чем отдаст то, чего еще не имеет.

В самом деле, странно: люди, которые придерживаются настоящего и изо всех сил цепляются за него, меньше всех способны защищать его. С другой стороны, те, кто с презрением отвергает настоящее и отряхивает его с себя, должны иметь все его дары и сокровища, которые непременно сыплются на них, как из рога изобилия.

Мечты, видения и непомерные надежды — все это могучее оружие и настоящие инструменты. Подлинный вождь-реалист отлично понимает ценность этих инструментов для дела. Понимает потому, что презирает настоящее. А настоящее презирает потому, что не способен к практическим делам. Преуспевающий деловой человек часто оказывается не способным к роли общественного руководителя, потому что ум его настроен на “вещи, которые есть”, а сердце направлено на то, чего можно достичь в настоящее “наше” время. Неудачливость в практических делах, по-видимому, является условием успеха в общественных делах. Может быть, хорошо, что некоторые непокорные натуры, потерпев поражение в деловом мире, не чувствуют себя раздавленными, а наоборот, загораются — на первый взгляд, нелепой — уверенностью, что они особенно компетентны в управлении городом, а то и страной.

Не так абсурдно, как кажется, что люди готовы умереть за пуговицу, за флаг, за слово, за мнение, за миф и т. д. Напротив, самое неразумное — это отдать жизнь за

нечто такое, что стоит иметь. Несомненно, жизнь человека — наибольшая реальность из всех реальностей; без нее не может быть и речи о каких-то вещах, которыми стоит обладать. Самопожертвование не может быть проявлением конкретной личной заинтересованности. Даже в случае, когда мы рискуем своей жизнью, защищая ее, наша готовность бороться зависит не столько от личной заинтересованности, сколько от чего-то неуловимого, вроде традиции, привычки, чести (честь — ведь это только слово) и главным образом — надежды. Когда нет надежды, люди убегают или позволяют убить себя без боя. Они будут цепляться за жизнь, но так, как будто их оглушили. Чем иным можно объяснить факт, когда миллионы европейцев позволили себя посадить в лагеря смерти, в газовые камеры, зная при этом, что их ведут на смерть? Одной из могучих сил, которыми обладал Гитлер, при этом не самой малой, было его умение лишить своих противников надежды (по крайней мере, на европейском континенте). Его фанатическая вера в то, что он строит новый порядок, который будет длиться тысячелетие, передавалась как его последователям, так и противникам. Первым она внушала чувство, что в борьбе за Третий рейх они в союзе с вечностью, вторым, — что бороться против Гитлера все равно, что бросать вызов неизбежной судьбе.

Интересно, что евреи, покорно шедшие на убой в гитлеровской Европе, отчаянно боролись в Палестине. И хотя говорят, что в Палестине они сражались потому, что у них не было иного выхода — иначе арабы перерезали бы им всем горла, — тем не менее верно, что их отвага и готовность к самопожертвованию были не от отчаяния, а от горячей заботы возродить свою древнюю страну и древний народ. И они, действительно, умирали за города, еще не построенные, за сады, еще не посаженные.

ДОКТРИНА

56

Готовность к самопожертвованию в человеке тем выше, чем более далек он от действительности. Делаящий выводы на основе своего личного опыта и своих наблюдений обычно не восприимчив к идее мученичества. Самопожертвование — шаг неблагоприятный. И оно не может быть итогом размышлений и обдумывания. Все массовые движения поэтому стараются отгородить своих приверженцев от действительности непроницаемой для фактов завесой. Делают они это обычно утверждением, что окончательная и абсолютная истина выражена в их доктрине, что вне ее нет ни правды, ни истины. Факты, на которых основывает свои заключения истинноверующий, берутся не из его личного опыта и наблюдений, а из священного писания движения. “Так крепко должны мы держаться за каждое слово, открытое нам в Евангелии, что если бы я увидел всех ангелов небесных, слетевших ко мне, чтобы сказать что-то другое, я не только не испытал бы искушения усомниться хотя бы в едином слове, — я закрыл бы свои глаза и заткнул уши, ибо ангелы не заслуживали бы, чтобы их видеть и слушать”¹². Полагаться на свидетельства чувств и разума — ересь и измена. Невольно подумаешь, как много нужно неверия, чтобы поверить. То, что мы понимаем под слепой верой, поддерживается бесчисленными невериями. Фанатичные японцы в Бразилии годами отказывались верить, что Япония потерпела поражение. Фанатичный коммунист отказывается верить любому неблагоприятному России сообщению, он даже отказывается верить собственным глазам, когда воочию видит жестокую нищету в советской обетованной земле.

Способность истинноверующего “закрывать глаза и затыкать уши” на факты, которые, по его мнению, не за-

служивают того, чтобы их видели или слышали, является источником непревзойденной силы духа истинноверующего. Он не боится опасности, он не падает духом перед препятствиями, его не сбить с толку противоречиями — и все потому, что он отрицает их существование. Сила веры, как сказал Бергсон, не в том, чтобы ею двигать горы, а в том, чтобы не видеть, когда горы двигаются на самом деле!¹³ Уверенность истинноверующего в безошибочности собственной доктрины делает его недоступным для всего, что есть неясного, непредвиденного и неприятного в действительности окружающего мира.

Таким образом, действенность доктрины следует оценивать не ее глубиной и возвышенностью, не обоснованностью истин, в ней заключенных, а тем, насколько хорошо она отгораживает личность от себя самой и от мира такого, каков он есть. Слова Паскаля по поводу любой действенной религии справедливы и в отношении любой действенной доктрины: она должна “идти наперекор природе, здравому смыслу и наперекор человеческому удовольствию”¹⁴.

57

Действенность доктрины заключается не в ее смысле, а в ее несомненности. Никакая доктрина — как бы глубока и высока ни была — не будет действенна, если она не представлена как воплощение одной единственной истины. Она должна быть тем единым словом, от которого произошло и говорит все сущее¹⁵. Явные нелепости, тривиальный вздор, высокие истины — все одинаково хорошо подготавливает людей к самопожертвованию, лишь бы люди все это принимали за единственную вечную истину.

Самоочевидно: для доктрины, чтобы быть действенной, главное не то, чтобы ее понимали, а чтобы в нее верили. Мы можем быть абсолютно уверены только в тех

вещах, которые не понимаем. Понятая доктрина теряет свою силу. Как только что-нибудь постигаем, нам начинает казаться, что это мы сами родили. А это значит, что люди, которых просят отказаться от самих себя и принести себя в жертву, не видят вечной истины в том, что родилось в них самих. Как только они поняли что-то, оно теряет для них и убедительность, и несомненность.

Истинноверующих всегда убеждают искать истину сердцем, а не разумом. “Бог познается сердцем, а не разумом”¹⁶. Рудольф Гесс, принимая в 1934 году присягу от членов нацистской партии, призывал своих слушателей: “Не ищите Адольфа Гитлера умом; вы все найдете его силой ваших сердец”¹⁷. Когда же движение начинает улучшать свою доктрину, делать ее более понятной, это верный признак того, что период его бурного развития кончился. Ныне оно больше всего заинтересовано в своей стабилизации. Ниже (раздел 106) будет показано, что для прочности режима ему требуется преданность интеллигенции, для чего доктрину делают понятной, — делают не для того, конечно, чтобы вызвать самопожертвование в массах, а чтобы привлечь к себе интеллигенцию. Когда доктрина перестает быть непонятной, она должна быть хотя бы неясной: если же она становится и понятной, и ясной, она должна быть хотя бы недоступной для проверки. Ведь для того, чтобы проверить действенность доктрины, надо попасть или в рай, или в далекое-далекое будущее. Когда становится сравнительно доступной для понимания какая-нибудь часть доктрины, среди истинноверующих начинает действовать тенденция запутывать эту часть. В их обращении самые простые слова искажаются так, что начинают казаться символами каких-то секретных кодов: от самого образованного истинноверующего начинает отдавать безграмотностью. Он пользуется словами так, как будто их подлинный смысл

ему неизвестен. Отсюда его придирчивость к словам, склонность к мелочному педантизму, к схоластической извилистости.

58

Тому, кто думает, что он обладает абсолютной истиной, кажется, что ему доступна вечность. В мире не существует ни случайностей, ни неизвестного. На все вопросы ответы найдены, все решения приняты, все возможные случаи предвидены. Истинноверующий не удивляется и не колеблется. “Кто знает Иисуса, тот знает смысл всех вещей”¹⁸. Правильная доктрина — ключ ко всем мировым проблемам. С ее помощью можно по частям разобрать мир, а потом сложить. Официальная история коммунистической партии гласит: “Сила марксистско-ленинской теории заключается в том, что она дает партии возможность правильно ориентироваться в любой обстановке, понимать внутреннюю причинность текущих событий, предвидеть их ход и указывать не только как и в каком направлении они развиваются в настоящее время, но и как и в каком направлении они будут развиваться в будущем”¹⁹.

Истинноверующий берет на себя смелость браться за неведомое и невозможное не только потому, что его доктрина дает ему чувство всемогущества, но и потому, что доктрина эта дает ему полную уверенность в будущем.

Активное массовое движение отвергает настоящее и интересуется только будущим. Именно из такого отношения к настоящему вытекает сила движения: оно может не считаться с настоящим — со здоровьем своих последователей, с их средствами и самой их жизнью. Движение должно только действовать так, словно ему книга будущего известна до последнего слова. Свою доктрину оно провозглашает как ключ к этой книге будущего.

Поддаются ли неудовлетворенные более легкой обработке, чем довольные? Разве они более легковерны? Паскаль думал, что “человек понимает Священное Писание лучше, когда он ненавидит себя”²⁰. По-видимому, имеется связь между неудовлетворенностью самим собой и легковерием. Желание бежать от самого себя равносильно желанию избежать рационального и явного. Отказ принимать самих себя такими, какими мы есть на деле, развивает в нас отвращение к фактам и к холодной логике. Для неудовлетворенных нет надежды в существующем и возможном. Спасение может прийти только от чудесного, которое просачивается через трещины в железной стене неумолимой действительности. Они сами как бы напрашиваются быть обманутыми. То, что сказал Штреземан о немцах, верно по отношению ко всем обманутым: “Они молятся не только о своем ежедневном хлебе насущном, но и о каждодневной иллюзии”²¹. Правило, по-видимому, таково: кто легко обманывает самого себя, легко поддается обману и со стороны. Таких легче убедить и увлечь.

Удивительно в доверчивости то, что она часто соединена со склонностью к актерству. Вера в соединении с ложью характерна не только для детей. Нежелание или неумение видеть вещи такими, какими есть, способствует легковерию и шарлатанству.

ФАНАТИЗМ

В разделе 1 было предположено, что массовые движения часто необходимы для решительных и крутых перемен. Кажется странным, что даже необходимые и осуществимые перемены, как, например, обновление косных обществ, для своего осуществления требуют атмо-

сферы бурного увлечения со всеми ошибками, нелепостями активного массового движения. И все потому, что главная забота активного массового движения — все-таки в своих последователей умение объединенно действовать и жертвовать собою, что ему и удастся путем лишения каждой человеческой единицы персональных особенностей и независимости и превращения в безличную частицу без собственной воли и собственного мнения. В результате создаются не только единые и бесстрашные последователи, но и однородная масса, из которой можно лепить что угодно. Можно утверждать поэтому, что для осуществления решительных и энергичных перемен необходима человеческая податливость и что она — побочный продукт процесса объединения и воспитания чувства самопожертвования.

Самое важное — это то, что отчуждение от самого себя, являющееся предварительным условием как податливости, так и обращения в веру, почти всегда проходит в обстановке распаленных страстей. Разжигание страстей помогает нарушить внутреннее равновесие человека, а после потери им внутреннего равновесия страсти разгораются еще больше. Как бы спокойно ни проходило самоотчуждение, страсти распалются все равно. Только внутренне уравновешенная личность может, несмотря ни на что, спокойно судить о мире. Человек после нарушения своего внутреннего равновесия начинает или отрекаться от самого себя, или не доверять себе, или отвергать себя — он как бы превращается в химический элемент с высокой способностью к реакциям соединения. Подобно такому элементу человек жаждет соединения со всем, что ему встречается. Он не может спокойно и независимо оставаться в стороне, но должен всем сердцем принадлежать той или другой стороне.

Разжигая и раздувая разнузданные страсти в сердцах своих последователей, массовые движения мешают

установлению в них внутреннего равновесия. Затем принимаются меры к закреплению внутреннего разлада. Независимое самостоятельное существование изображается не только убогим, бесполезным и ничтожным, но и развратным и порочным. Человек сам по себе — бесполезное, убогое и грешное создание. Его единственное спасение — в отказе от самого себя и переходе в новую жизнь в лоне священного коллективного целого, будь то церковь, страна или партия. Это самопоношение держит страсти в состоянии белого каления.

61

Фанатик всегда чувствует себя неполноценным человеком и живет в состоянии неуверенности. Из своих собственных ресурсов, т. е. из своего “я”, от которого он сам же отказался, получить уверенность в себе он не может — ее он может найти, только цепляясь изо всех сил за любую внешнюю поддержку, за которую можно ухватиться. Это цепляние фанатика и есть суть его слепой верности и религиозности, и в нем он видит источник любой добродетели и силы. Единственное, за что он может держаться, — это его собственная самоотдача; но на себя он смотрит как на опору “священного дела”, за которое и цепляется. Поэтому он готов пожертвовать жизнью, чтобы доказать себе и другим, что именно такова его роль. Он жертвует жизнью, чтобы доказать свою ценность.

Ясно без слов, что фанатик убежден в том, что дело, за которое он держится, монолитно и вечно — скала времен. Однако это чувство уверенности вытекает из его страстной привязанности к “священному делу”, а не из преимуществ самого дела. Фанатик далеко не так принципиален, как принято считать. Он посвящает себя делу не в силу веры в его справедливость, а из собственной крайней нужды за что-нибудь держаться: часто бывает,

конечно, что именно эта нужда и превращает в его глазах какое-нибудь дело, за которое он ухватился, в “священное”.

Фанатика невозможно оторвать от его дела призывами к разуму или морали. Он боится компромисса, и поэтому его невозможно поколебать в уверенности, что его “священное дело” право на все сто процентов. Но фанатику совсем не трудно внезапно перевернуться от одного “священного дела” к другому. Его страстная привязанность более значительна, чем содержание самого дела, к которому он привязан.

62

Представление, что фанатики разных оттенков должны находиться на разных полюсах, не соответствует действительности: все они принадлежат к одному лагерю. Только фанатик и умеренный находятся на противоположных полюсах и встретиться не могут. Фанатики разных оттенков смотрят друг на друга с подозрением и готовы каждую минуту вцепиться друг другу в горло. Но они соседи и почти родственники. Они ненавидят друг друга ненавистью братьев. Они так далеки друг от друга и так близки, как Савл и Павел. И для фанатика-коммуниста легче стать фашистом, шовинистом или католиком, чем трезвым либералом²².

Противоположность религиозного фанатика — совсем не фанатик-атеист, а благодушный циник, которому совершенно все равно — есть ли Бог или нет. Атеист — человек религиозный. Атеизм для него — новая религия, в которую он поверил²³. Атеист — человек благочестивый и набожный. Согласно Ренану: “День спустя после того, как мир перестанет верить в Бога, атеисты будут несчастнейшими из людей”²⁴. Точно так же противоположность шовинисту — не изменник, а разумный гражданин, любящий настоящее, без склонности к почестям

и героическому жесту. А изменник — будь он радикал или реакционер — обычно фанатик, который переходит на сторону врага с тем, чтобы ускорить падение ненавистного ему мира. Большинство изменников во время второй мировой войны были из числа крайних правых, т. е. из числа крайних национал-изоляционистов. “Крайний, отчаянный национализм и государственную измену разделяет очень узкая граница”²⁵.

Сходство между реакционерами и радикалами было рассмотрено в разделе 52. Все мы, пережив гитлеровские времена, знаем, что реакционер и радикал имеют между собой больше общего, чем тот и другой — с либералом или консерватором.

63

Очень сомнительно, чтобы фанатик, покинувший свое “священное дело” или неожиданно оказавшийся в положении покинутого, — смог бы приспособиться к независимому самостоятельному существованию. На больших дорогах мира он появляется как бездомный и просится в любое проносящееся мимо “священное дело”. Индивидуальное существование, даже целеустремленное, кажется ему пустым, бессмысленным и грешным. Жить без страстной преданности — значит для него быть сорванным с якоря и брошенным. В терпимости он видит признак слабости, легкомыслия и невежества. Он жаждет глубочайшей уверенности, которая может прийти только вместе с полной самоотдачей, с жаждой прильнуть всем сердцем к символу веры и священному делу. Суть здесь не в содержании этого “дела”, а в полной самоотдаче и в общении с другими верующими. Он готов присоединиться даже к крестовому походу против своего прежнего “священного дела” при условии, если это будет действительно настоящий крестовый поход, — бескомпромиссный, беспощадный — поход во имя одной единственной истины.

Именно поэтому миллионы бывших фанатиков в побежденных странах — Германии и Японии — более восприимчивы к пропаганде коммунизма и воинствующего католицизма, чем к усвоению демократического образа мысли. Огромный успех коммунистической пропаганды в этих странах нельзя считать доказательством ее высокого уровня, он объясняется особенностями психологии послевоенных немцев и японцев. Дело в том, что выступающие в этих странах за демократию не предлагают им ни “священного дела”, за которое можно ухватиться, ни коллективного целого, в котором можно раствориться. Коммунистическая Россия может легко обратить японских военнопленных в фанатичных коммунистов, в то время как никакая американская пропаганда, как бы она ни была тонка и совершенна, обратить их в свобододолюбивых демократов не сможет.

МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ И АРМИИ

64

Прежде чем покончить с темой о самопожертвовании, хорошо было бы рассмотреть здесь сходство и различие между массовыми движениями и армиями — проблему, уже затронутую нами в разделах 35 и 47.

Сходств много: как массовое движение, так и армия — коллективное целое; оба лишают личность ее особенностей и отличительных черт; оба требуют самопожертвования, беспрекословного повиновения и безусловной преданности; оба всячески развивают в человеке склонности к притворству, чтобы повышать храбрость и тягу к объединенному действию (смотри раздел 47); оба служат убежищем для неудовлетворенных, которым невтерпёж самостоятельное существование. Войска типа Иностранного легиона привлекают многих людей, которые обычно стремятся примкнуть к новому движению. Офи-

цер по вербовке солдат, коммунист-агитатор и миссионер часто ловят рыбку в тех же сточных ямах ночлежных домов.

Есть, конечно, и разница между массовым движением и армией, и при этом весьма существенная: армия не удовлетворяет нужду человека в новом образе жизни; армия — не дорога к спасению. Армию можно только использовать как палку в руке надсмотрщика для того, чтобы навязать новый образ жизни и насильно заставить его придерживаться. Армия — это главным образом инструмент для сохранения или распространения установленного порядка, старого или нового. Это временный инструмент — его по желанию можно собрать и разобрать. Массовое движение, с другой стороны, кажется орудием вечности, и если к нему присоединяются, то на всю жизнь. Бывший солдат — это ветеран, иногда герой, а бывший истинноверующий — это ренегат, отступник. Армия — это инструмент для опоры, защиты и расширения настоящего. Массовое движение приходит, чтобы разрушить настоящее. Оно озабочено будущим и из этой заботы черпает свои силы и энергию. Когда массовое движение начинает интересоваться настоящим, значит, оно достигло власти, перестало быть движением, а превратилось в официальную организацию, в учреждение — наподобие церкви, правительства или армии (из солдат или рабочих). Народная армия, часто являющаяся конечным продуктом массового движения, сохраняет от движения много внешнего: боевые кличи, лозунги, девизы, священные символы; но, как всякая армия, она держится меньше на вере и энтузиазме, чем на бездушном механизме строевого устава, на духе традиционности и принуждении. Она скоро теряет дух аскетизма и религиозности массового движения и начинает проявлять интерес и вкус к временным наслаждениям, характерным для всех армий.

Являясь инструментом настоящего, армия имеет дело главным образом с реальными категориями. Вожди ее на чудеса не рассчитывают. Даже охваченные пламенной верой, они готовы идти на компромисс. Они считаются с возможностью поражения и знают, как сдаваться. А вождь массового движения питает непреодолимое презрение к настоящему — ко всем его фактам и затруднениям, даже к географии и погоде. Он надеется на чудеса. Когда положение становится безнадежным, его ненависть к настоящему (его нигилизм) усиливается. Он скорее разрушит свою страну, погубит свой народ, чем сдастся.

Дух самопожертвования в армии поддерживается воинским долгом, притворством, военными традициями, уставами, верой в полководца, муштрой, духом приключений и жаждой славы. Все это в отличие от факторов, используемых в массовом движении, исходит не от умаления настоящего и не от отвращения к своему собственному нежеланному “я”; поэтому оно в отличие от массового движения разворачивается в трезвой атмосфере. Фанатичный солдат — это обычно фанатик, ставший солдатом, а не солдат, превратившийся в фанатика. Армейский дух самопожертвования лучше всего выражен в обращении Сарпедона к Главку, когда они брали приступом троянскую стену: “О, друг мой, если бы мы, бросив эту войну, могли тем самым избежать старости и смерти, то я не бился бы здесь впереди всех; но когда над нами висит столько разных смертей, избежать которых нет никакой надежды, ринемся вперед — сотворим другим славу или добудем ее для себя”²⁶.

Наиболее поразительная разница между массовыми движениями и армиями заключается в их отношении к толпе и сброду. Де Токвиль замечает, что солдаты — “это люди, которые легче всего теряют голову и оказываются слабее других в дни революции”²⁷. Для типичного генерала толпа — это нечто такое, во что превратилась

бы его развалившаяся армия. Он лучше понимает непостоянство толпы и ее стремление к анархии, чем ее готовность к самопожертвованию. Он видит в толпе скорее конечный ядовитый продукт распавшегося коллектива, чем сырье для создания нового мира. Эта генеральская точка зрения — смесь страха и презрения. Он знает, как подавлять толпу, но не знает, как овладеть ею. С другой стороны, вождь массового движения — от Моисея до Гитлера — извлекает вдохновение из моря обращенных к нему лиц, и рев толпы звучит для его слуха как глас Божий. Вождь массового движения чувствует эту всепобеждающую, ему доступную силу, которую только он может обуздать. Этой силой он сметет империю, армии и всемогущество настоящего. Массы — это то, из чего он подобно Богу в день творения создаст новый мир.

ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

НЕНАВИСТЬ

65

Ненависть — самый доступный и наиболее объемлющий из всех объединяющих элементов. Ненависть отрывает и уносит человека от его “я”, он забывает про свое благо и свое будущее и освобождается от мелочной зависти и корысти. Он превращается в безымянную частицу, трепещущую от страстного желания раствориться и слиться с ему подобными в одну кипящую массу. Гейне говорил: то, чего не может сделать христианская любовь, можно добиться всеобщей ненавистью¹.

Массовые движения могут появиться на свет и распространиться без веры в Бога, но без веры в дьявола не могут никогда! Сила массового движения обычно пропорциональна яркости и конкретности своего дьявола. Когда Гитлера спросили: думает ли он, что евреи должны быть истреблены, он ответил: “Нет... Тогда нам пришлось бы изобрести еврея. Очень важно иметь конкретного врага, а не только абстрактного”². Ф. А. Фойгт рассказывает о японской миссии, прибывшей в Берлин в 1932 году для изучения национал-социалистского движения. Когда Фойгт спросил одного члена миссии, что он думает об этом движении, тот ответил: “Это великолепно. Я хотел бы, чтобы мы имели у себя в Японии нечто подобное, только это невозможно, потому что у нас нет евреев”³.

Может быть, верно, что проницательность и хитрость людей, знающих, как поднять массовое движение или как его поддерживать, проявляется не в том, что они знают не только какую выбрать доктрину и какую принять программу, но и какого выбрать врага. Кремлев-

кие теоретики, едва дождавшись, пока остыли орудия второй мировой войны, выбрали себе удобного врага — демократический Запад и особенно Америку. Весьма сомнительно, чтобы проявление доброй воли или какая-либо уступка с нашей стороны уменьшили размер и злобность нападков на нас со стороны Кремля.

Одним из самых больших недостатков Чан Кайши было его неумение найти подходящего нового дьявола после того, как в конце войны враг — японец исчез со сцены. Честолюбивый и недалекий генерал был, пожалуй, слишком большого мнения о себе, чтобы понять, что это вовсе не он, а японский дьявол порождал в китайских массах единство и готовность к самопожертвованию.

66

Общая ненависть объединяет самые разнородные элементы. Разделить общую ненависть даже с врагом — значит заразить его чувством родства и таким образом подорвать силы его сопротивляемости. Гитлер использовал антисемитизм не только для объединения всех немцев, но и для того, чтобы подорвать решимость антисемитской Польши, Румынии, Венгрии и даже Франции. Таким же образом он использовал и антикоммунизм.

67

Выходит, что, подобно идеальному божеству, идеальный дьявол — един. Мы знаем от Гитлера, лучшего знатока дьяволов, что гениальность великого вождя — это умение сосредоточивать всю ненависть против одного врага так, чтобы “под категорию этого врага попали самые разные противники”⁴. Когда Гитлер своим дьяволом объявил еврея, он почти весь мир вне Германии как бы заселил евреями и работающими на евреев. “За

спиной Англии стоит Израиль, за спиной Франции и за спиной США — то же самое”⁵. Сталин придерживается того же монотеистического принципа, когда выискивает себе дьявола. Раньше этим дьяволом был фашист, теперь — американский плутократ.

Идеальный дьявол подобно идеальному божеству — всесилен и вездесущ. Когда Гитлера спросили не придает ли он евреям слишком большого значения, он воскликнул: “Нет, нет и нет!... Преувеличить опасность евреев как врага невозможно”⁶ Каждое затруднение и неудача движения объясняется работой дьявола, каждый успех — триумф против происков дьявола⁷.

В конце концов выходит, что идеальный дьявол — иностранец. Чтобы выдать домашнего врага за дьявола, надо приписать ему иностранное происхождение. Гитлеру было нетрудно наклеить на немецких евреев ярлык иностранцев. Русские революционные агитаторы делали упор на иностранное происхождение правящей аристократии (варяги, татары, западноевропейцы)⁸. В дни Французской революции на иностранцев смотрели как на “потомков варваров-германцев, тогда как нетитулованные французы были потомками цивилизованных галлов и римлян”⁹. В пуританской революции на роялистов навешивали бирку “норманны”, т. е. потомки иностранных захватчиков¹⁰.

68

Когда мы любим, обыкновенно не ищем себе союзников. Наоборот, часто видим соперников и посягателей на наши права в тех, кто любит то же, что и мы. Но, когда ненавидим, мы всегда ищем союзников.

Вполне понятно, что мы ищем союзников, которые станут на нашу сторону, если мы имеем справедливые претензии и желаем отплатить причинившим нам зло. Странно в этом только одно: чем меньше наша ненависть

имеет справедливых оснований, тем настойчивее наше желание иметь союзников. Необоснованная ненависть главным образом и гонит нас слиться с теми, кто, как и мы, ненавидит. Подобная ненависть и есть один из наиболее цементирующих элементов для слияния.

Откуда она берется, эта ничем не оправданная ненависть, и как объяснить ее объединяющий эффект? В ненависти выражаются отчаянные усилия подавить сознание нашей собственной недостаточности, никчемности, вины и других недостатков. Здесь презрение к самому себе переходит в ненависть к другим, но при этом делается все, чтобы скрыть, замаскировать этот переход. Лучшая маскировка — найти как можно больше соратников по ненависти. В этом больше чем в другом нам нужно общее согласие, и обращение в свою веру состоит, пожалуй, не в том, чтобы заразить человека нашей верой, а скорее нашим видом необоснованной ненависти.

Даже в случаях справедливых претензий наша ненависть исходит меньше из действительно нанесенной нам обиды, чем из сознания нашего бессилия, нашей неполноценности и трусости, иначе говоря: из презрения к самим себе. Когда мы чувствуем себя выше наших мучителей, мы презираем их, даже жалеем, но не ненавидим¹¹. Зависимость между нашей претензией, обидой и нашей ненавистью не всегда простая и прямая. Это видно из того, что зародившаяся ненависть не всегда направляется против наших обидчиков. Часто обиженные кем-либо, мы начинаем ненавидеть совершенно не причастного к этому другого человека или группу людей. Русские, запуганные секретной полицией Сталина, легко воспламеняются ненавистью против капиталистических “поджигателей войны”; немцы, угнетенные Версальским договором, отомстили тем, что истребили евреев; угнетенные бурами зулусы режут индусов; чернь из белых, эксплуатируемая политиками Юга, линчует негров.

Чувство самоунижения вызывает в человеке “страсти преступные и несправедливые по отношению к другим: в нем нарождается жгучая ненависть к горькой для него правде”¹².

69

Тесная связь между ненавистью и нечистой совестью видна из того, что ненависть чаще возникает из презрения к самому себе, чем из законной претензии.

Для того чтобы люто возненавидеть кого-либо, нет, пожалуй, более верного средства, как совершить по отношению к нему грубую несправедливость. Мы скорее ненавидим тех, кто справедливо недоволен нами, чем тех, кем мы справедливо недовольны. Нельзя сделать людей смиренными и кроткими тем, что мы укажем им на их вину и заставим стыдиться. Этим мы, скорее, сделаем их высокомернее и безрассудно агрессивнее.

Винить во всем других — это громко шуметь с целью заглушить внутренний голос собственной вины. За каждым бесстыдным словом или действием, за каждой попыткой оправдать себя, сваливая вину на других, — всегда стоит нечистая совесть.

70

Причинять зло тем, кого мы ненавидим, это значит подливать масла в огонь нашей ненависти. И, наоборот, поступать с врагом великодушно — значит притуплять нашу ненависть к нему.

71

Самый лучший способ заставлять молчать нашу совесть — все время убеждать себя и других в том, что люди, перед кем мы виновны, на самом деле развратники, заслуживающие всяческого наказания, даже ликвидации. Жалеть тех, кого мы обидели, не можем. Безразлично

относиться к ним мы тоже не можем. Мы должны или ненавидеть их и преследовать, или же останется открытой дверь к презрению самих себя.

72

Возвышенная религия неизбежно порождает в человеке сильное чувство вины. Неизбежен конфликт между высоким духом этой религии и несовершенством верующего в жизни. Логично, что чувство виновности способствует ненависти и бесстыдной злобе. Получается: чем выше и чище вера, тем злобнее ненависть, порождаемая этой верой.

73

Легче ненавидеть врага, в котором много хорошего, чем врага насквозь дурного. Кого мы презираем, того ненавидеть не можем. Японцы имеют перед нами преимущество: они уважают нас больше, чем мы их. Американцы в международной политике не умеют ненавидеть благодаря врожденному чувству превосходства надо всеми иностранцами. Ненависть американца к американцу (например, к Гуверу или Рузвельту) куда более злобна и опасна, чем его антипатия к иностранцу. Интересно отметить, что отсталый Юг проявляет больше ксенофобии, чем остальная часть страны. Если бы американцы начали ненавидеть иностранцев, это был бы признак того, что они утратили веру в собственный образ жизни.

В ненависти есть скрытая доля восхищения, проявляющаяся в склонности подражать тем, кого ненавидим. Таким образом, каждое массовое движение складывается по подобию своего дьявола. Христианство в дни своего расцвета приняло образ антихриста. Якобинцы прибегли ко злу тирании, против которой они восстали. Советская Россия является величайшим примером чистейшего монополистического капитализма. Гитлер взял

“Протоколы сионских мудрецов” как учебное пособие для руководства и следовал им “вплоть до малейшей детали”¹³.

Просто поразительно наблюдать, как угнетенные стараются почти всегда принять образ своих ненавистных угнетателей. Зло, которое совершают люди, продолжает жить и после их смерти, и объясняется это частично тем, что другие люди, имеющие больше всех оснований ненавидеть это зло, большей частью формируются по образу этого зла и тем самым увековечивают его. Поэтому влияние фанатика значительно больше, чем его способности. Обращая людей в свою веру или отталкивая их от нее, он создает мир по своему подобию. Фанатичное христианство оставило свой след на античном мире как привлечением приверженцев, так и тем, что вызвало в своих оппонентах-язычниках несвойственную им нетерпимость и жестокость. Гитлер навязал себя миру распространением нацизма и тем, что заставил демократии сделаться нетерпимыми, одержимыми и безжалостными. Коммунистическая Россия создает своих сторонников и своих противников по своему образцу.

Таким образом, хотя ненависть — удобное орудие для мобилизации общества в целях самозащиты, в конечном счете обходится она обществу не дешево. Мы расплачиваемся за ненависть тем, что теряем все или многие ценности, которые старались защитить.

Гитлер, догадавшийся, что в ненависти заключена и доля восхищения, пришел к замечательному выводу. Крайне важно, говорил он, чтобы национал-социалисты добивались жгучей ненависти своих врагов. Такая ненависть докажет превосходство национал-социалистской веры. “Наилучшее мерило ценности его (национал-социализма) позиции, искренности его убеждений и силы его воли — это враждебность, которую он вызывает у... врага”¹⁴.

Когда мы угнетены сознанием нашей никчемности, то считаем себя не просто ниже людей определенной категории, а самыми что ни на есть низкими во всем человечестве. Тогда мы ненавидим мир и готовы гнев свой излить на все мироздание. Неудовлетворенных укрепляет падение счастливых и позор праведных. Во всеобщем падении они видят приближение всеобщего братства. Хаос, как и смерть, уравнивает всех. Пламенное убеждение неудовлетворенных в том, что новая жизнь и новый порядок будут построены, подкрепляется сознанием, что старое надо разрушить до основания, прежде чем может быть построено новое. Их вопль о пришествии полон ненависти ко всему существующему и полон тяги к концу мира.

Страстная ненависть может придать значение и цель даже пустой жизни. Таким образом, люди, угнетенные бесцельностью своей жизни, пытаются найти для нее новое содержание, не только посвящая себя “священному делу”, но и воспитывая в себе фантастические требования к жизни. А массовое движение предоставляет им неограниченные возможности и для того и для другого.

Паскаль говорит, что “все люди от природы ненавидят друг друга” и что любовь и милосердие — только “притворство и фальшивая личина, потому что, по сути, они — та же ненависть”¹⁵. Правда это или нет, но нельзя не заметить, что ненависть — постоянный ингредиент в соединениях и комбинациях нашей внутренней жизни. Все виды нашего энтузиазма, наши привязанности, увлечения, страсти, надежды, если разложить их на составные части, выделяют ненависть. С другой стороны, энтузи-

азм, привязанность, надежду можно составить путем синтеза, активизируя ненависть. Мартин Лютер говорил: “Когда мое сердце холодно и я не могу как следует молиться, я бичую себя мыслью о греховности и неблагодарности моих врагов: папы римского с его сообщниками и паразитами и Цвингли, так что сердце мое переполняется справедливым негодованием и ненавистью, и я могу сказать горячо и страстно: “Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя!; и чем больше я распаляю себя, тем горячей становится моя молитва”¹⁶.

77

Единение и самопожертвование, даже когда они воспитываются самыми благородными средствами, сами по себе порождают ненависть. Даже тогда, когда люди объединяются вместе, чтобы способствовать терпимости и миру на земле, и тогда они часто проявляют нетерпимость по отношению к тем, кто с ними расходится во мнениях.

Отчуждение от самого себя, без чего не может быть ни самопожертвования, ни полного слияния личности с коллективом, приводит, как уже упомянуто¹⁷, к страстным чувствам, в том числе и к страстной ненависти. Имеются, конечно, и другие факторы, способствующие росту ненависти в обстановке единства и самопожертвования. Акт самоотречения, по-видимому, дает нам право относиться сурово и беспощадно к другим людям. Преобладает почему-то мнение, что истинноверующий, особенно религиозный человек, — личность смиренная. На самом деле самоотречение и самоунижение порождают гордость и надменность. Истинноверующий склонен видеть в себе одного из избранных, соль земли, светоч мира, князя, прикрытого смирением, но предназначенного унаследовать и эту землю и царство небесное¹⁸. Каждый, кто не при-

надлежит к его вере, порочен; кто не желает слушать его, обречен на гибель.

Существует еще и другое мнение: когда отрекаемся от себя и становимся частью единого целого, мы не только отрекаемся от личной выгоды, но и от личной ответственности. Невозможно предвидеть, до какой крайней жестокости и безжалостности может дойти человек, когда он освобожден от страха колебаний, сомнений и совестливости — того, что нормально для сознания самостоятельной личности. Когда теряем нашу личную независимость в коллективности массового движения, мы находим для себя новую свободу — свободу ненавидеть, запугивать, лгать, мучить, убивать, предавать без стыда и зазрения совести. В этом и есть часть того, чем притягивает массовое движение. Мы находим в этом “право на позор”, имеющее — по Достоевскому — непреодолимый соблазн¹⁹. Гитлер презрительно говорил о зверстве отдельной личности: “Всякий акт насилия, не имеющий крепкой духовной основы, полон колебаний и неуверенности. Ему не хватает твердости, которая возможна только в фанатической перспективе”²⁰.

Таким образом, ненависть — не только средство для объединения, но и продукт объединения. Ренан говорит, что мы никогда, начиная с сотворения мира, не слышали о милосердной нации²¹. Можно добавить: мы никогда не слышали также о милосердной церкви или о милосердной революционной партии. Ненависть и жестокость, берущие свое начало в себялюбии и эгоизме, не идут ни в какое сравнение по эффективности со злобой и безжалостностью, порождаемыми самоотверженностью.

Когда нам приходится наблюдать кровопролитие, террор, разрушение во имя таких благородных порывов, как любовь к Богу, ко Христу, нации, народу, к эксплуатируемым и тому подобному, мы обычно приписываем это постыдное извращение властолюбивому и циничному

руководству. В действительности же не манипуляции вождей, а процесс объединения, начавшийся во имя благородных целей, превращает благородные побуждения в ненависть и насилие. Деиндивидуализация — необходимое условие полной интеграции и самоотверженной преданности — в значительной степени является и варварским процессом. Камера пыток — это корпоративное учреждение.

ПОДРАЖАНИЕ

78

Подражание — один из необходимых факторов объединения. Создание единой группы без распространения единообразия невозможно. Единомыслие и Gleichschaltung* высоко ценятся каждым массовым движением и достигаются как подражанием, так и послушанием. Само по себе послушание есть не что иное, как подражание и следование предписаниям.

Хотя подражание присуще всем людям, но у одних оно сильнее, у других слабее. Вопрос заключается в том: обладают ли неудовлетворенные, у которых существует склонность к объединенному действию и которые снабжены механизмом для его реализации (как об этом говорилось в разделе 43), развитой способностью подражать? Является ли подражание в каком-либо роде средством для бегства от неудовлетворенности?

Главное для неудовлетворенного — его сознание своего изуродованного и бесплодного “я”; основное желание — оторваться от нежеланного “я” и начать новую жизнь. Это желание он пытается осуществить либо приобретением нового лица, либо стремлением затушевать и замаскировать характер своей личности: достигнуть того и другого можно подражанием.

* Унификация (нем.).

Чем больше мы недовольны собой, тем больше хотим стать похожими на других. Поэтому мы готовы подражать скорее тем, кто отличается от нас, чем тем, кто на нас похож. Всем хорошо известна способность подражания у угнетенных, например у негров и евреев.

Чтобы заглушить себя или замаскироваться, следует подражать, т. е. стать как можно больше похожим на других. Желание чему-то принадлежать есть частично желание в чем-то затеряться.

Наконец, отсутствие уверенности в себе, типичное для неудовлетворенных, также усиливает их желание подражать. Чем больше мы не доверяем своему суждению и счастью, тем больше готовы следовать примеру других.

79

Простой отказ от своего “я”, даже без поисков нового “я” для себя, может усилить склонность к подражанию. Отвергнутое “я” перестает заявлять о своих правах, и ничто больше не мешает его склонности подражать. Это как у детей и у бесхарактерных взрослых, у которых собственной индивидуальности не хватает для охраны разума от влияний извне.

80

Чувство собственного превосходства противодействует подражанию. Если бы миллионы эмигрантов, приехавших в нашу страну, были бы “сливками” народов тех стран, откуда они приехали, не было бы единых США, а была бы разноязычная мозаика из разных по культуре групп. Но миллионы разноплеменных пришельцев перемешались быстро и до конца благодаря тому, что большинство из них были выходцами из среды низших и беднейших классов, презираемых и отверженных. Они приехали сюда со страстным желанием сбросить с себя свою принадлежность к старому миру и переродиться к

новой жизни, потому они автоматически были снабжены безмерной способностью подражать и усваивать новое²². Чужое в новой стране скорее привлекало их, чем отталкивало. Они жадно хотели приобрести новое лицо и устроить новую жизнь, и чем непривычнее был для них новый мир, тем больше отвечал их желанию. Очень возможно, что для всех неангосаксов чужой язык являлся добавочной приманкой: необходимость его изучить усиливала иллюзию перерождения.

81

Имитация часто — кратчайший путь к решению. Мы подражаем тогда, когда нам не хватает желания, умения или времени для того, чтобы добиться независимого решения. Спешащие люди охотнее подражают, чем люди на досуге. Иными словами, спешка ведет к единообразию. Непрерывная занятость помогает соединять отдельные личности в сплоченную группу.

82

Само по себе объединение, созданное путем убеждения, насильно или добровольно, обычно усиливает подражательность. Гражданин, призванный в армию, зачисленный в члены сплоченного воинского соединения, подражает значительно больше, чем в гражданской жизни. Личность, став членом какого-нибудь объединения, не имеет собственного определенного “я”; неполноценная и незрелая, она не может сопротивляться внешним влияниям. Сильно развитая склонность к подражанию у примитивных людей объясняется, может быть, не столько их примитивностью, сколько принадлежностью к компактному роду или племени.

Развитая способность подражания у людей, объединенных между собою, является и преимуществом, и опасностью для массового движения. Верных людей всегда

легко воспитывать, но они тоже поддаются внешним влияниям. Получается, что крепко связанную между собой группу легко соблазнить и совратить. Учения всех массовых движений изобилуют предостережениями против подражания иностранным образцам, против “подражания их мерзостям”. Подражание чужим проклинается как измена и отступничество. “Всякий, кто копирует иноземца, виновен в нанесении оскорбления нации, подобно шпиону, впускающему врага через потайную дверь”²³. Используются все меры, чтобы оградить истинноверующих от неверующих. Некоторые массовые движения впадают в крайность: они заводят своих последователей в пустыни, чтобы внешние влияния не мешали укреплению нового образа жизни.

Презрение к внешнему миру, конечно, самая лучшая защита против подражания. Однако активное массовое движение ценит ненависть выше пассивного презрения; ненависть не подавляет подражания, а частично возбуждает (смотри раздел 73). Презрение к окружающему как метод изоляции принимается только в случае, когда малые коллективы, желающие сохранить свои особенности, окружены морем иноземцев. Но подобное положение ведет к замкнутости, исключающей приток свежих сил — приток новых последователей.

Большая склонность к подражанию у членов тесно объединенной группы придает этой группе гибкость и приспособляемость. Она усваивает нововведения и меняет ориентацию с поразительной быстротой. Быстрая модернизация объединенной Японии, а также Турции находится в резком контрасте с медленными и мучительными поисками путей для нового в Корее, Иране и в других странах, не охваченных духом единства. Объединенная Советская Россия имеет лучшие шансы для усвоения новых методов и новых путей жизни, чем это было в слабо связанной царской России. Совершенно оче-

видно, что примитивный народ с неповрежденным коллективным хребтом легче и быстрее модернизируется, чем такой же народ с разрушенными родовыми или общинными устоями²⁴.

УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ

83

В наше время мы склонны преувеличивать эффективность убеждения как средства внушать мысли и направлять поведение. В пропаганде мы видим могучий инструмент. Искусному применению пропаганды приписываем многие поразительные успехи современных массовых движений. Мы стали бояться слова так же, как меча.

На самом же деле сказочные результаты, приписываемые пропаганде, совсем не похожи на падение стен Иерихона, приписываемое трубным звукам Иисуса Навина. Будь пропаганда сама по себе хотя бы на одну десятую так сильна, как ее изображают, тоталитарные режимы России, Германии, Италии, Испании были бы значительно мягче. Они были бы крикливыми и бесстыдными, но без страшных зверств секретной полиции, без концлагерей, без массового истребления людей.

Правда заключается, по-видимому, в том, что одна пропаганда не может насильно овладеть не принимающими ее умами; пропаганда не способна внедрять совершенно новое, а потерявших веру привести к ней не может. Пропаганда проникает в уже открытые умы и утверждает в них не новые мысли, а только оформляет те, которые уже существовали. Умелый пропагандист заставляет кипеть мысли и страсти, бродившие в умах слушателей. Он только отзывается на их сокровенные чувства. Добровольно верить можно заставить только в то, что люди уже “знают”.

Пропаганда в чистом виде имеет главным образом успех у неудовлетворенных. Их страхи, надежды и страсти толпятся у “выхода” чувств и не позволяют этим людям видеть внешний мир. Они видят только то, что уже вообразили себе, а то, что они слышат в горячих речах пропагандиста, — только музыка их собственных душ. В самом деле, неудовлетворенным легче открывать свои собственные фантазии и слышать эхо от собственных грез в запальчивом наборе слов и громких фраз, чем в точных словах, связанных безукоризненной логикой.

Сама по себе пропаганда, как бы ни была искусна, не может удерживать людей в каком-либо убеждении, если они перестали верить. Поэтому массовое движение устанавливает такой порядок, при котором, если люди перестают верить, их заставляют верить силой²⁵.

Как мы увидим дальше (в разделе 104), слова — только необходимый инструмент для подготовки почвы массового движения. Как только движение осуществлено, все, еще полезные слова перестают играть решающую роль. Такой признанный мастер пропаганды, как Геббельс, в минуту откровенности признал: “За пропагандой, чтобы она была эффективной, всегда должен стоять острый меч”²⁶. Потом, будто извиняясь, добавил: “Отрицать нельзя: с помощью хорошей пропаганды можно сделать больше, чем без пропаганды вообще”²⁷.

84

Против всех ожиданий, пропаганда становится более горячей и настойчивой, когда сопровождается принуждением, а не тогда, когда полагается на самое себя.

Те, кто обращает других в новую веру, как и те, кого обращают в веру насильно, нуждаются в горячем убеждении, что вера, которую они навязывают или которая им навязывается, является единственно истинной. Без такого убеждения террорист, обращающий других в веру,

вероятно, будет чувствовать себя преступником, а принужденный к вере будет считать себя трусом, продавшим, чтобы выжить, душу свою.

Таким образом, пропаганда служит больше для собственного оправдания, чем для убеждения; и чем больше у нас оснований чувствовать себя виноватым, тем сильнее наша пропаганда.

85

Вероятно, верно, что сила порождает фанатизм, но верно и то, что фанатизм порождает насилие. Очень часто невозможно сказать, что появляется раньше и что после. Ферреро говорит о террористах Французской революции: “Чем больше они проливали крови, тем больше должны были верить в свои принципы как в абсолютные истины. Только абсолют мог оправдать их в собственных глазах и поддерживать их отчаянную энергию. Пропливали они кровь не потому, что верили в принципы народовластия, как в религиозную истину, наоборот, они старались верить в народовластие, как в религиозную истину, потому что их собственный страх заставил их пролить столько крови”²⁸. Истинноверующий пользуется практикой террора не только для запугивания и подавления своих врагов, но и для укрепления и усиления своей собственной веры. Каждое линчевание на нашем Юге не только запугивает негров, но и усиливает фанатичное убеждение белых в их превосходстве.

У принявших веру под давлением насилия также может появиться фанатизм. Имеется не мало доказательств тому, что новообращенный в веру путем принуждения бывает так же, а иногда и более фанатичен, чем новообращенный путем убеждения. Не всегда верно, что “тот, кто соглашается против воли, остается внутри при своем мнении”. Ислам навязывал свою веру насильно, однако ставшие мусульманами по принуждению прояв-

ляли более горячую веру, чем арабы, начавшие движение ислама. По Ренану, ислам получил от насильно обращенных “веру, которая все время усиливалась”²⁹. Фанатичная ортодоксальность в массовых движениях появляется позднее, когда движение достигает власти и может свою веру навязывать не только убеждением, но и насильем.

Таким образом, беспощадное и настойчивое принуждение обладает невероятной убедительностью, и не только для простых людей, но и для тех, кто гордится силой и целостностью своего мышления. Когда очередное кремлевское постановление заставляет ученых, писателей, художников отречься от своих убеждений и каяться в грехах, очень возможно, что эти отречения и раскаяния не только словеса, но искренние. Оправдать свою трусость помогает фанатичная вера.

86

Вряд ли возможно такое массовое движение — широкое, хорошо организованное, — которое возникло путем одного убеждения. Ортодоксальный христианский историк, профессор К. С. Латуретт допускает, что “как бы ни были несовместимы дух Иисуса Христа и вооруженная сила, и как не неприятно признать это, но история показывает, что вооруженная сила часто делала возможным дальнейшее существование духа Иисуса”³⁰. Мировой религией христианство сделал мирской меч. Завоевание и крещение шли рука об руку, причем второе часто служило для оправдания первого и было его оружием. Там, где христианству не удавалось заручиться поддержкой государственной власти, оно не получило широкого распространения и долго не удерживалось. “В Персии.... христианство столкнулось с государственной религией, поддержанной короной, и не стало верой для большинства”³¹. В феноменальном распространении ислама завоевание было

главным фактором, а обращение в веру — побочным. “Наибольший расцвет магометанства совпадает во времени с его наибольшей политической властью”³². Реформация имела успех только там, где она заручалась поддержкой монарха или местного правительства. Меланктон, самый умный из помощников Лютера, говорил: “Без вмешательства гражданских властей чем бы стали наши заповеди? — Платоническими законами”³³. Там, где государственная власть была против Реформации, например во Франции, движение было потоплено в крови и никогда больше не поднималось. Что касается Французской революции — “это были революционные армии, а не революционные идеи, которые прошли через всю Европу”³⁴. Главным было не идейное влияние. Дюмурье протестовал, когда Франция провозгласила священный закон о свободе “подобно Корану — с мечом в руке”³⁵. Угроза коммунизма в настоящее время — не от силы его учения, а от того, что его поддерживает одна из сильнейших армий на земле.

Получается так: когда массовое движение имеет выбор — убеждать или принуждать, — оно предпочитает принуждение. Убеждение — метод неудобный и его результаты ненадежны. Испанец св. Доминик сказал еретикам: “В течение многих лет я тщетно убеждал вас — мягкостью поучений, наставляя вас молитвами и слезами. Но, как говорит поговорка моей родины, если молитва не помогает, поможет битье. Мы поднимаем на вас принцев и прелатов, которые — увы! — вооружают народы и царства против этой страны... Удары помогут там, где благословение и милосердие оказались беспомощны”³⁶.

Утверждение, что массовое движение нельзя остановить силой, не совсем точно. Силой можно остановить и раздавить даже самое мощное движение. Но для этого

сила должна быть жестокой и неистовой. И вот тут-то и необходима вера, ибо безжалостное и упорное преследование может проистекать только из фанатичного убеждения. “Всякий акт насилия, не опирающийся на крепкую духовную основу, не имеет твердости и полон колебаний. У него нет крепости, которая возможна только при фанатичной точке зрения”³⁷. Терроризм, опирающийся на личную жестокость, не идет далеко и не длится долго. Такой террор имеет спорадический характер и зависит от личных настроений и колебаний. “Но как только насилие ослабевает и начинает чередоваться с терпимостью, доктрина, против которой это насилие направлено, будет всякий раз расти и извлекать новые выгоды из каждого преследования”³⁸. Священный террор беспроделен и никогда не слабеет.

Таким образом, очевидно, что мы нуждаемся в пламенной вере не только для сопротивления насилию³⁹, но и для применения насилия.

88

Откуда появляется желание обращать в свою веру других?

Сила убеждения не есть главный фактор, заставляющий движение распространять свою веру на все страны света: “религии большой интенсивности часто ограничивают себя сами — они разрушают или, в лучшем случае, осуждают все чужое”⁴⁰. Импульс обращать в свою веру не вытекает из переизбытка сил, которые, по словам Бэкона, “подобно могучему потоку неизбежно превратятся в наводнение”⁴¹. Миссионерское рвение, по сути, выражает глубокое опасение, какое-то упорное чувство недостаточности. Обращение в свою веру является скорее страстными поисками чего-то еще не найденного, чем желанием подарить миру нечто, что мы уже имеем. Это поиски окончательного и неопровержимого доказатель-

ства того, что наша истина является действительно единственной. Фанатик, обращающий других в веру, укрепляет этим и свою веру. Вера, к догматам которой легко придраться, особенно активна в обращении других. Сомнительно, чтобы движение, не основанное на какой-либо невероятной иррациональной догме, могло настойчиво стремиться к тому, чтобы “либо привлечь людей, либо разрушить мир”. Похоже на то, что движение с большими внутренними противоречиями между теорией и практикой, т. е. с сильным чувством вины, будет больше стараться навязывать свою веру другим. Чем меньше коммунизм окажется подходящим для России, чем больше советские вожди будут идти на компромисс и разбавлять свою первоначальную веру, — тем более наглыми и вызывающими будут их нападки на неверующий, по их мнению, мир. Рабовладельцы Юга стали более агрессивными в распространении своего образа жизни, когда стало ясно, что их позиции в современном мире обречены. Если бы частное предпринимательство, основанное на личной собственности, превратилось в “священное дело”, это было бы явным признаком, что все его преимущества перестали быть очевидными, а оно перестало быть выгодным.

Страсти обращать людей в свою веру и господствовать над миром являются, пожалуй, симптомом серьезного внутреннего недостатка движения. И апостолы и конкистадоры, как и беженцы, отправлявшиеся в далекую страну, — все они, по сути дела, бежали от обреченности у себя дома. И в самом деле, как часто эти три категории людей встречаются, перемешиваются и меняются ролями.

РУКОВОДСТВО

Как бы значительна ни была роль руководства в массовом движении, но нет сомнения, что сам вождь не мо-

жет создать условий, делающих движение возможным. Он не может, как волшебник, создать движение из ничего. До появления движения и вождя должно существовать страстное желание следовать и подчиняться и активное недовольство существующим порядком. Если эти условия еще недостаточно созрели, то потенциальный вождь, как бы он одарен ни был, и его “священное дело”, каким бы оно великим ни было, останутся без последователей. Первая мировая война и ее последствия подготовили почву для подъема большевистского, фашистского и нацистского движений. Если бы война была предотвращена или отложена лет на 10—20, то судьба Ленина, Муссолини и Гитлера не отличалась бы от судьбы блестящих интриганов и агитаторов XIX века, которым не удалось развить частые беспорядки и кризисы того времени в массовые движения. Чего-то недоставало. Европейские массы, вплоть до катастрофических событий первой мировой войны, не особенно отчаивались в своем настоящем и потому не были склонны жертвовать им ради новой жизни и нового мира. Даже вожди националистов того времени, имевшие больший успех, чем революционные вожди, не сумели превратить национализм во всеобщее “священное дело”, которым стал национализм позднее. Воинствующий национализм и воинствующая революционность оказались современниками.

В Великобритании вождь тоже должен был ждать, пока время не созрело и он смог бы играть свою роль. В 1930-е годы потенциальный вождь — Черчилль был известен всем, к его голосу прислушивались, но не было кому следовать за ним. И только когда над Англией разразилась беда, потрясая страну до основания, когда жизнь независимого гражданина была поставлена под угрозу, — только тогда Черчилль стал вождем.

Период закулисного ожидания, часто весьма долгий, характерен для всех больших вождей, появление кото-

рых на сцене кажется нам решающим моментом в процессе массовых движений. Происшествия и деятельность других людей готовят декорации на сцене, прежде чем появится вождь и начнет исполнять свою роль. “Руководитель в исторический день кажется лишь последним происшествием в целой серии”⁴².

90

Когда декорации на сцене установлены, то появление выдающегося вождя необходимо. Без него никакого движения быть не может. Созревшее время не вызовет автоматически движения; ни выборы, ни законы, ни административные учреждения родить движения не могут. Только Ленин заставил события войти в русло большевистской революции. Если бы он умер в Швейцарии или на пути в Россию в 1917 году, другие видные большевики, почти наверно, вошли бы в коалиционное правительство. В результате в России была бы более или менее либеральная республика, управляемая главным образом буржуазией. Что касается Муссолини и Гитлера, доказательства еще более убедительны: без них не было бы ни фашистского, ни нацистского движений.

События в Англии также доказывают, что для кристаллизации массового движения необходим одаренный вождь⁴³. Подлинный вождь — социалистический Черчилль! — во главе Рабочего правительства, провел бы коренные реформы национализации не в серой обстановке недраматических социалистических ограничений, а в распаленной атмосфере массового движения. Он дал бы британскому рабочему роль героического производителя или пионера подлинно научной промышленности. Он заставил бы британцев почувствовать, что главная их задача — показать всему свету (Америке и России в особенности), что может сделать по-настоящему цивилизованная нация при современных методах про-

изводства, когда эта нация свободна от неразберихи, расточительства и жадности капиталистического управления и от византизма, варварства и невежества большевистской бюрократии. Он знал бы, как вселить в британский народ такую же гордость и надежду, какие поддерживали его в самые мрачные дни войны.

Нужна железная воля, смелость и дальновидность выдающегося вождя, чтобы мобилизовать и соединить существующие точки зрения и импульс в коллективную энергию массового движения. Вождь воплощает в себе правоту веры, величие, а также вызов власти. Он находит слова для выражения накопленных в душах обид и находит оправдание для неудовлетворенных. Он рисует картину необыкновенного будущего для того, чтобы оправдать жертву кратковременному настоящему. Он подготавливает мировой спектакль, необходимый для самопожертвования и объединенного действия. Он вызывает энтузиазм общения — чувство освобождения от мелочного и бессильного личного существования.

Какие таланты нужны для роли вождя?

Исключительный ум, благородство и оригинальность характера, по-видимому, не необходимы и, возможно, даже нежелательны. Главные требования, очевидно, следующие: смелость и восторг полного неповиновения, железная воля; фанатичная убежденность в том, что ему известна единственная истина, вера в свое призвание и свое счастье; способность страстно ненавидеть; презрение к настоящему; понимание людей; любовь к символам (представлениям и церемониям); безмерная наглость, проявляющаяся в игнорировании последовательности и справедливости; сознание, что глубочайшее желание приверженцев — это неутолимое желание общения; умение привлечь и удерживать группу преданных и способных помощников. Последнее — одна из самых необходимых и неуловимых черт. Свои почти сверхъестествен-

ные силы вождь проявляет не столько в его властвовании над массами и влиянии, сколько в умении очаровывать небольшую группу способных людей и господствовать над нею. Люди этой небольшой группы помощников вождя должны быть бесстрашны, горды, умны и искусны в организации и ведении мероприятий большого масштаба; вместе с тем они обязаны беспрекословно подчиняться воле вождя и радоваться, получая от этого подчинения вдохновение и энергию.

Не все перечисленные качества одинаково необходимы вождю массового движения. По-видимому, наиболее решающие — смелость, фанатичная вера в свое “священное дело”, сознание важности коллективного духа и, самое важное, умение вызвать горячую преданность группы способных помощников. Недостаток Троцкого как вождя был тот, что он не создал или не мог создать аппарат способных и преданных помощников. Он не вызывал личных симпатий, а если вызывал, то не мог удерживать их. Дополнительным его недостатком являлось неискоренимое уважение к личности, особенно творческой. Он не был убежден в грешности и бесплодности существования независимой личности и не постиг всей важности чувства общности для массового движения. Сун Ятсен “привлекал к себе... невероятно много способных и преданных последователей, зажигая их воображение своими мыслями о новом Китае и вызывая у них преданность и самопожертвование”⁴⁴. В отличие от него Чан Кайши не хватает, по-видимому, самых необходимых качеств вождя массового движения. Вот де Голль, несомненно, — человек будущего. Вожди коммунистических партий вне России со своим раболепством перед Сталиным и Политбюро не могут быть причислены к подлинным вождям: они способные помощники. Если коммунизм хочет стать эффективным движением в какой-либо западной стране в настоящее время, то должно произой-

ти одно из двух противоположных явлений: личность Сталина следует сделать живой и близкой, чтобы она могла действовать как катализатор, или местная компартия должна освободиться от России и, по принципу Тито, щеголять вызовом капитализму и сталинизму. Если бы Ленин был только эмиссаром вождя и Политбюро, находящихся где-то в далекой стране, очень сомнительно, — оказал ли бы он судьбоносное влияние на ход событий в России.

91

Незрелые идеи многих современных вождей преуспевающих массовых движений приводят к заключению, что известная доля незрелости, отсутствие тонкости ума являются качествами руководства. Однако не умственная грубость Эме Макферсона или Гитлера привлекла и удержала их последователей, а бесконечная самоуверенность этих вождей, которая побудила их провозглашать свои нелепые идеи. Будь на их месте действительно мудрый вождь, который поступал бы соответственно своей мудрости, он имел бы такой же шанс на успех. Повидимому, качество идей играет небольшую роль в руководстве массовыми движениями. Значение имеют: величественный жест, полное пренебрежение к мнению других, единоличный вызов миру.

Для того чтобы успешно руководить, необходимо и некоторое шарлатанство. Без преднамеренного искажения фактов массовое движение существовать не может. Никакие реальные серьезные преимущества движения не могут удерживать последователей движения, делать их горячими и на смерть преданными движению. Вождь должен быть практичным и реалистичным, но говорить он должен языком провидца и идеалиста.

Оригинальность, как уже было сказано, не является необходимым качеством руководителя массового движе-

ния. Одна из самых поразительных черт вождя преуспевающего движения — его готовность подражать: другу и врагу, образцам прошлого и образцам настоящего. Смелость, необходимая такому типу вождя, состоит из небоязни подражать и из решимости бросить вызов всему миру. Большие способности к подражанию и настойчивое следование образцу для подражания, может быть, и являются ключом к карьере любого героя. Чрезмерная способность подражать свидетельствует о том, что герой не является вполне развитой личностью. В нем много зачаточного и подавленного. Сила его — в слепоте и в концентрации на одной цели.

92

Полное самоподчинение — необходимая предпосылка для достижения единства и самопожертвования. Для такой капитуляции нет, наверно, более короткого пути, как слепое повиновение. Когда Сталин принуждает ученых, писателей, художников ползать на животах и отказываться от собственного мышления, чувства красоты и моральных понятий, — делает это он не из садизма, а провозглашает слепое повиновение высшей добродетели. Все массовые движения считают слепое повиновение одной из наивысших добродетелей и ставят его на один уровень с верой: “Общее согласие требует не только соответственного слияния в единой вере, но и полного подчинения и послушания воле церкви и римскому папе, как самому Богу”⁴⁵. Повиновение — это не только первый закон Бога, но и первый принцип революционной партии и горячего национализма. “Не спрашивай — почему?” — тот, кто следует этому принципу, считается человеком сильным и благородным.

Беспорядок, кровопролитие, разрушение отмечают путь растущего массового движения и заставляют нас считать последователей движения по натуре людьми буй-

ными и непослушными закону. На самом деле массовые зверства не всегда результат индивидуального беззакония. Агрессивные личности настроены обычно против объединенных действий. Такие личности предпочитают действовать сами и для себя. Они осваивают новые земли или становятся авантюристами. Истинноверующий, как бы ни были его действия буйны и насильственны, в основном человек послушный и покорный. Новообращенные христиане, напавшие на университет в Александрии и линчевавшие там профессоров, заподозренных в ереси, были покорными членами единой церкви. Коммунист — активный участник уличных беспорядков — раболепный член партии. Японские и нацистские задиры и буяны были самыми дисциплинированными людьми, каких только знал свет. У нас в Америке работодатель часто находит в фанатике-расисте, склонном к массовому насилию, послушного и смиренного рабочего, а в армии такой человек — особенно дисциплинированный солдат.

93

Люди, влачащие бесплодное, неустойчивое существование, повинуются охотнее, чем люди самостоятельные и уверенные. Неудовлетворенных людей свобода от личной ответственности привлекает больше, чем свобода от запретов. Они охотно отдают свою независимость за свободу от собственной воли, от самостоятельных решений, от ответственности за неизбежные неудачи. Они охотно отказываются от права распоряжаться своей жизнью в пользу тех, кто планирует, командует и всю ответственность берет на себя. Более того, идеал неудовлетворенных — равенство всех перед верховным вождем.

Во время таких бедствий, как кризисы, наводнения, землетрясения, эпидемии, депрессии, войны, усилия отдельной личности бесполезны, и люди всех типов и катего-

рий готовы повиноваться и следовать за вождем. Тогда послушание является единственной твердой опорой в хатическом повседневном существовании.

94

Вероятно, из неудовлетворенных выходят самые стойкие последователи движений. Замечательно, что при объединенном усилии самые несамостоятельные по характеру люди менее других падают духом при поражениях. Они присоединяются к другим в общем деле не столько для успеха дорогого им предприятия, сколько для того, чтобы избежать личной ответственности в случае неудачи. Даже терпя неудачу, общее дело скрывает их личные недостатки, т. е. то, чего они больше всего боятся. Вера их остается нетронутой, и они страстно желают проделать новую попытку.

Неудовлетворенные следуют за вождем не столько потому, что они верят, что он ведет их в обетованную землю, сколько потому, что они как бы чувствуют, что он ведет их прочь от их нелюбимых “я”. Отдача себя вождю — это не средство для достижения цели, а исполнение желания. Куда их ведут — дело второстепенное.

95

Вероятно, имеется существенная разница между вождем массового движения и вождем в свободном обществе. В более или менее свободном обществе вождь может удержать свою власть над народом, только если он слепо верит в мудрость и доброту народа. Второсортный вождь, проникнутый этой верой, продержится дольше, чем первосортный вождь, лишенный такой веры. Это значит, что в свободном обществе вождь следует за народом даже тогда, когда он ведет народ. Он должен, как сказал кто-то, угадать, куда идет народ, чтобы вести его. Если вождь в свободном обществе начинает презирать

народ, то рано или поздно он начинает действовать по губительной для него теории, что все люди дураки, и в конце концов терпит поражение. Совсем иначе обстоит дело там, где вождь может пользоваться жестокостью и насилием. Там, где вождь может требовать слепого повиновения, как, например, в массовом движении, — он может действовать по безошибочной теории, что все люди трусы, и, поступая с ними соответственно, получит нужный для себя результат.

Одна из причин того, что коммунистические лидеры не имеют успеха в наших американских профсоюзах, заключается в том, что они, следуя генеральной линии партии и применяя ее тактику, поступают как вожди массовых движений и применяют их тактику в организациях, состоящих из свободных людей.

ДЕЙСТВИЕ

96

Действие объединяет. Настоящее действие у такого человека, как строитель, солдат, спортсмен и даже ученый, имеет меньше индивидуальных черт, чем у мыслителя или у человека, чья творческая способность рождается от общения с самим собою. У людей, живущих по поговорке “волка ноги кормят”, очень многое обречено на застой. Человеку, не снявшему пальто, драться неудобно, — так и в жизни: для действия надо “скинуть” свое неудобное “я”. Активный народ всегда склонен к однообразию. Сомнительно, чтобы без действия такого огромного масштаба, как освоение целого континента, наша нация эмигрантов могла бы достигнуть в такой короткий срок своей потрясающей однородности. Тот, кто прибыл в эту страну, чтобы “делать деньги”, быстрее и полнее американизировался, чем тот, кто приехал сюда с целью осуществить какой-нибудь высокий идеал. Люди первой

категории сразу же почувствовали родство с миллионами, захваченными тем же делом. Это было как бы их присоединение к братству. Они быстро поняли, что для успеха нужно смешаться с другими, действовать как все, говорить на их общем языке и играть по принятым правилам. Но сумасшедшая гонка, в которую они включились, мешала развитию их личности, так что, если бы и хотели, они не могли бы сопротивляться влиянию новой среды⁴⁶. Те, кто прибыл в эту страну для осуществления какого-нибудь своего идеала (свободы, справедливости, равенства) измеряли окружающую действительность мерками своего идеала и находили ее дефектной. Они чувствовали себя выше и неизбежно изолировали себя от новой среды.

97

Люди мысли редко дружно работают вместе, тогда как между людьми дела легко устанавливается товарищество. Бригадная, совместная работа редко встречается на предприятиях умственного или художественного труда, но почти неизбежна для людей дела. Крик: “Будем строить себе город и башню”⁴⁷ — типичный призыв к объединенному действию. Коммунистический комиссар в промышленности имеет, пожалуй, больше общего с капиталистическим промышленным деятелем, чем с коммунистическим теоретиком. Подлинный интернационал — это интернационал людей дела.

98

Все массовые движения пользуются активным действием как средством для объединения. Конфликты, которые массовое движение находит и создает, служат не только для поражения врагов, но и для того, чтобы лишить своих последователей их характерной индивидуальности, чтобы они полнее растворились в коллектив-

ной среде. Освоение целины, строительство городов, новые открытия, промышленные гигантские стройки — все служит той же цели. Даже простое хождение строем может объединять: нацисты широко пользовались этим нелепым вариантом объединения. Герман Раушнинг, считавший вначале вечное марширование бессмысленной тратой времени и энергии, позднее признал его тонкий эффект. “Марширование в строю рассеивает мысли у людей, оно убивает мысль. Марширование приканчивает индивидуальность”⁴⁸.

Неудовлетворенные всегда отзываются на зов массового движения, потому что в его действии видят средство от всего, что их мучит. Действие массового движения приносит самозабвение и дает им целеустремленность и чувство собственного достоинства. Действительно, похоже, что неудовлетворенность происходит главным образом от невозможности действовать и что наиболее остро неудовлетворенные — это те люди, которые по своим талантам и характеру идеально созданы для деятельной жизни, а обстоятельства заставляют их прозябать в бездействии. Как иначе объяснить тот поразительный факт, что ленины, троцкие, муссолини и гитлеры, потратившие лучшую часть своих жизней на разговоры до упаду в кафе и на митингах, вдруг проявляют себя как самые способные и настойчивые деятели своего времени?

Вера организует и снаряжает душу человека для действия. Обладание одной единственной истиной, отсутствие сомнений в своей правоте, чувство поддержки таинственной силы, — будь то Бог, судьба или исторический закон, уверенность, что противники твои — исчадие зла и должны быть сокрушены, радость от самоотречения и собственной преданности делу, — таковы замечательные качества для решительных и безжалостных действий на

любом поприще. Этими качествами обычно обладали распеваящие псалмы солдаты, осваиватели новых земель, предприимчивые купцы и даже спортсмены. Революционный и националистический энтузиазм имеет такой же эффект: он способен обратить серых, инертных людей в бойцов и строителей. Это еще одна причина кажущейся необходимости массового движения при модернизации отсталых и застывших стран.

Однако необыкновенная способность истинноверующего к деятельной жизни может быть и опасной, а не только полезной для массового движения. Открывая широкое поле для лихорадочной деятельности своих последователей, массовое движение может ускорить свой собственный конец. Действие, сопровождаемое успехом, имеет тенденцию становиться самоцелью. Всю энергию и энтузиазм оно направляет в свои собственные каналы. Вера в “священное дело” перестает быть высшей целью и становится простым смазочным материалом для машины действия. Истинноверующий, преуспевающий во всем, что он делает, становится уверенным в себе и примирится сам с собой и с настоящим. Он перестает видеть единственное спасение для себя в растворении в едином коллективе, становясь безличной частицей без собственной воли, без своего суждения и без собственной ответственности. Он начинает искать и находит спасение в действии, показывая всем, на что он способен, и доказывая свое превосходство. Действие не ведет его к развитию способностей, но он легко и быстро находит в нем самооправдание. Если он продолжает держаться за свою веру, то только для того, чтобы подкрепить уверенность в себе и закрепить свой успех. Таким образом, постоянные успехи действий становятся губительными для самого духа коллективности. Привыкшие к действию люди, вероятно, наименее религиозны, наименее революционны и менее всего шовинисты. Социальная устойчивость, по-

литическая и религиозная терпимость англосаксонских народов частично объясняются их волей к действию, их умением и возможностями действовать. Действие замесило им массовое движение.

Конечно, есть постоянная опасность, что если пути к действию окажутся закрытыми жестокой депрессией или поражением на войне, то последовавшее за этим отчаяние будет, возможно, настолько сильным, что почти всякое массовое движение найдет подготовленную почву для своего распространения. Взрывоопасную обстановку в Германии после первой мировой войны можно частично объяснить бездеятельностью, навязанной народу, прекрасно сознававшему свою способность к действию. А Гитлер дал ему массовое движение. И, что было, вероятно, более важно, открыл перед немцами неограниченные возможности для напряженного, постоянного и грандиозного действия. Неудивительно, что они приветствовали его как своего спасителя.

ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ

100

Как мы видели, неудовлетворенный ум выделяет некую горькую смесь, состоящую главным образом из страха и злой воли, но действующую все-таки как замечательное вещество для цементирования единого целого из озлобленных и недовольных. Одной из составных частей этой горькой смеси является подозрительность, которая тоже может действовать как объединяющий элемент.

Сознание своих собственных недостатков склоняет неудовлетворенных людей видеть в других недоброжелательность и низость. Презрение к себе, как бы смутно оно ни было, обостряет наше зрение в отношении недостатков других. Мы стараемся обычно открыть у других те же самые недостатки, какие скрываем в себе. Вот поче-

му, когда неудовлетворенные соединяются в массовом движении, окружающая атмосфера насыщается подозрительностью. Идет повальное подглядывание и шпионаж, беспрестанная слежка за другими и напряженное сознание, что и за тобой следят. Удивительно, что такое патологическое недоверие в рядах движения ведет не к расколу, а к строгому единству в поведении последователей движения. Истинноверующий, зная, что за ним следят, старается избегать подозрения, горячо исполняет предписываемые правила поведения и так же горячо придерживается установленных мнений. Строгая ортодоксальность — результат горячей веры и взаимной подозрительности.

Массовое движение широко пользуется подозрительностью в работе своих аппаратов власти. Рядовым членам нацистской партии давали чувствовать, что они находятся под постоянным наблюдением, их держали в состоянии страха и напряженной совести⁴⁹. Страх перед соседями, друзьями, даже родственниками — общее правило для всех массовых движений. Для поддержания всеобщей подозрительности время от времени умышленно обвиняются и приносятся в жертву ни в чем неповинные люди. Оппозиционеров всех видов сваливают в одну кучу с внешним врагом и тем самым тоже обостряют подозрительность. Враг — этот дьявол каждого массового движения — вездесущ. Он ведет свои происки вне рядов и среди истинноверующих. Его голос звучит из уст раскольников, уклонисты — его подручные. Когда что-нибудь в движении идет не гладко, — это дело рук врага. Священный долг истинноверующего — быть бдительным, т. е. подозрительным. Истинноверующий обязан постоянно и везде искать диверсантов, шпионов, предателей.

Коллективное единство — не результат братской любви истинноверующих друг к другу. Истинноверующий

предан единому целому — церкви, партии, нации, а не другому истинноверующему. Подлинная преданность между людьми возможна только в свободном, даже относительно свободном обществе. Как Авраам, чтобы доказать свою преданность Иегове, должен был быть готовым принести в жертву своего единственного сына, так и фанатичный нацист или коммунист должен быть готов принести в жертву своих родственников, друзей, чтобы доказать свою полную преданность “священному делу”. Активное массовое движение смотрит на личные связи — кровные или дружественные как на помеху своей коллективной сплоченности. Таким образом, всеобщая подозрительность в рядах массового движения не только совместима с мощью коллектива, но, можно сказать, является почти обязательным предварительным условием этой мощи. “Люди строгих убеждений и сильных страстей, объединяясь, следят друг за другом с подозрительностью и в этом получают силу, так как взаимная подозрительность создает взаимный страх и связывает их как бы железными цепями, и служит профилактикой против дезертирства, а также укрепляет каждого в момент слабости”⁵⁰.

Частью грандиозности истинного массового движения и прославляемого им самопожертвования является принесение в жертву некоторых наших природных нравственных принципов. “Усердие наше может делать чудеса, когда оно совпадает с нашей ненавистью, жестокостью, честолюбием, жадностью, склонностью все ругать и бунтовать”⁵¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ

102

Завершившееся объединение — путем ли добровольного согласия, или путем убеждения или принуждения,

или по необходимости, или по привычке, а то и по нескольким из этих причин, вместе взятым, — имеет тенденцию развивать и усиливать склонности и взгляды, способствующие единству. Мы уже видели, что объединение усиливает чувство ненависти (раздел 77) и способность к подражанию (раздел 82). Верно и то, что коллективизированная личность более легковерна и более послушна, чем потенциальный истинноверующий, остающийся независимой частной личностью. Хотя руководство коллектива обычно поддерживает ненависть в состоянии белого каления, поощряет подражание, воспитывает послушание, но объединение само по себе, без манипуляций руководства, усиливает реакции всех объединяющих элементов.

На первый взгляд, это кажется невероятным фактом. Мы видели, что наиболее объединяющие элементы берут свое начало в отказе неудовлетворенной личности от своего ненавистного “я” и от своих безнадежных позиций. Но дело в том, что истинноверующий, полностью слившийся с единым коллективом, уже не есть неудовлетворенная личность. Он нашел себе новую личность и новую жизнь. Теперь он один из избранных, поддерживаемый и защищенный непобедимыми силами — он назначен унаследовать землю. И хотя состояние его ума прямо противоположно состоянию ума неудовлетворенного, все-таки в нем со все возрастающей силой проявляются все реакции, которые являются симптомами внутреннего напряжения и внутренней неуверенности.

Что происходит с объединенной личностью?

Объединение скорее процесс вычитания, а не сложения. Для того, чтобы слиться с коллективом, человек должен лишиться своей индивидуальности и своих особенностей. Он должен быть лишен свободы выбора и независимости суждения. Многие его естественные наклонности и импульсы должны быть подавлены или

притуплены. Все это — акты уменьшения. Элементы, которые ему придаются в коллективе — вера, надежда, гордость, уверенность, — по своему происхождению отрицательные. Экзальтация — возбуждение истинно-верующего — не из запасов сил и мудрости, а от чувства освобождения: он был освобожден от бессмысленной тяжести самостоятельного существования. “Мы, немцы, так счастливы: мы свободны от свободы”⁵². Счастье это и мужество произошли оттого, что он перестал быть самим собой. Нападки его больше не трогают. Сила его выдержки, когда он попадает во власть беспощадного врага или стоит перед лицом нестерпимых обстоятельств, превосходит стойкость самостоятельной личности. Но эта стойкость зависит от жизненности связей между ним и коллективом. Пока он чувствует себя частью целого и ничем больше, он бессмертен и нетленен. Поэтому его пылкость и фанатизм зависят от связи с коллективом. Его стремление к предельному единству сильнее смутного желания неудовлетворенного бежать от самого себя. Неудовлетворенный человек имеет все же выбор: он может найти новую жизнь, не только превратившись в часть коллектива, но и путем перемены среды или же окунувшись с головой в какое-нибудь захватывающее предприятие. Коллективизированный человек этого выбора не имеет. Он должен держаться за коллектив или, подобно опавшему листу, вянуть и засыхать. Сомнительно, чтобы отлученный от церкви священник, исключенный из партии коммунист или ренегат-шовинист могли бы когда-либо найти душевный покой в самостоятельной жизни. На собственных ногах они стоять не могут и должны припасть к новому “священному делу”, пристать к новой группе.

Истинноверующий обречен на неполноценность, на отсутствие твердой почвы под ногами.

Интересно отметить те средства, какими массовое движение усиливает и закрепляет индивидуальную неполноценность. Превознося догму выше разума, движение мешает уму отдельной личности стать самостоятельным. Централизованная экономика поддерживает экономическую зависимость тем, что намеренно создает нехватки самого необходимого. Социальной независимости мешает перенаселение в домах и коммунальных квартирах, а также обязательные общественные нагрузки. Безжалостная цензура литературы, искусства, музыки, наук не дает самостоятельно жить даже немногочисленным творческим личностям. Внедряемая и вколачиваемая преданность — церкви, партии, родине, вождю — и вера тоже закрепляют неполноценность личности. Ибо любая преданность отнимает что-то у человека.

Таким образом, люди, выросшие в атмосфере массового движения, становятся неполноценными, зависимыми существами, даже если от природы они созданы для самостоятельной жизни. Хотя они не знают неудовлетворенности и обиды, все-таки и у них проявляются особенности людей, желающих потерять себя и освободиться от существования, непоправимо испорченного.

Часть четвертая

НАЧАЛО И КОНЕЦ

ЛЮДИ СЛОВА

104

Массовое движение обычно не появляется до тех пор, пока не дискредитирован, не опорочен существующий порядок. Дискредитация эта не присходит автоматически, в результате грубых ошибок и злоупотреблений власть имущих, а является результатом преднамеренной работы недовольных “людей слова”. Там, где “людей слова” нет или где они не проявляют недовольства, существующий порядок, даже несостоятельный и отравленный коррупцией, может долго сохраняться, пока не разрушится и не падет сам по себе. С другой стороны, безусловно ценный и энергичный строй может быть сметен, если он не добьется преданности небольшого меньшинства “людей слова”¹.

В разделах 83 и 86 показано, что реализация и сохранение массового движения зависят от насилия. Народившееся массовое движение — явление жестокое, и управляется оно безжалостными фанатиками, пользующимися словом только для того, чтобы придать видимость добровольности и согласия тому, что в действительности достигнуто насилием. Но фанатики эти взяться за дело и принять на себя руководство могут только после того, как существующий порядок дискредитирован и лишился поддержки широких народных масс. Эта предварительная работа, т. е. подрыв существующего порядка, а также ознакомление масс с идеей перемены и создание в стране атмосферы, благоприятной для новой веры, — могут быть проведены только “людьми слова”, прежде всего общепризнанными говорунами и писателями. Пока существующий порядок функционирует более или менее исправно, массы в основном остаются кон-

сервативными. Они могут думать о реформах, но не о полной перемене. Фанатичный экстремист, как бы он хорошо ни говорил, в глазах масс — опасный или непрактичный человек, предатель, а то и сумасшедший. Массы его и слушать не хотят. Даже Ленин признавал, что там, где почва для коммунистов не подготовлена, — им “трудно подойти к массам... и добиться внимания масс”². Ко всему, власть, даже слабая и терпимая, будет определенно сильно реагировать на яростные призывы фанатика и может из его деятельности извлечь для себя новые силы.

Совсем иная картина получается с типичным “человеком слова”. Массы его слушают, так как знают, что его слова, как бы они ни были своевременны, не могут дать немедленных результатов. Власть или игнорирует его, или с помощью мягких методов надевает на него намордник. Таким образом “человек слова” незаметно подрывает существующий порядок, опорочивает власть имущих, ослабляет установленные взгляды, подрывает авторитеты — в общем, подготавливает обстановку для появления массового движения.

Различие между “людьми слова”, фанатиками и “людьми действия” — условное, оно описывается в следующих разделах. Такие люди, как Ганди и Троцкий, оказываются вначале “непрактичными людьми слова”, а потом обнаруживают исключительные административные и полководческие таланты. Магомет начал как “человек слова”, а потом превратился в неукротимого фанатика и наконец проявил свой изумительный практический ум. Фанатик Ленин был несравненным “человеком слова” и несравненным “человеком действия”. Классификация эта нужна для понимания, что почва для массового движения подготавливается лучше всего “людьми слова”. Выращивание движения требует характера и качеств фанатика, а закрепление движения — делом главным образом практиков, “людей действия”.

Появление небольшого меньшинства, состоящего из “людей слова” там, где его раньше не было, — уже явно революционный шаг. Западные державы, совсем того не желая, косвенным образом помогли рождению массовых движений в Азии тем, что возбудили там против себя недовольство и создали своей филантропической деятельностью по просвещению меньшинства “людей слова”. Многие революционные вожди Индии, Китая, Индонезии получили образование в консервативных учебных заведениях Запада. Американский колледж в Бейруте, руководимый и содержащийся консервативными американцами, на деле — школа революционеров в неграмотном арабском мире. Несомненно, что и богобоязненные учителя миссионерской школы в Китае тоже попали в число тех, кто подготовил почву для китайской революции.

105

“Люди слова” бывают разных типов: священники, писцы, пророки, писатели, художники, профессора, студенты, вообще интеллигенция. Там, где чтение и письмо — трудное искусство, например в Китае, простая грамотность уже дает право на звание “человека слова”. Так было и в Древнем Египте, где искусство иероглифов было монополией немногих.

Для “людей слова” всех родов характерна жажда всеобщего признания, которая определяет их отношение к существующему порядку. Наполеон сказал: “Тщеславие сделало Революцию, свобода была только предлогом”. По-видимому, внутри каждого интеллигента, будь он человеком творческим или нетворческим, находится некая неизлечимая неуверенность. Даже самые одаренные и плодовитые люди сомневаются в своей ценности и каждый день должны искать новых доказательств. Сказанное Ремюза о Тьере, пожалуй, применимо к большин-

ству “людей слова”. “У него гораздо больше тщеславия, чем честолюбия, и он предпочитает уважение покорности; он предпочитает власти ее видимость. Спрашивайте постоянно у него совета, а потом делайте, как вам угодно. Он обратит больше внимания на ваше почтительное к нему обращение, чем на ваши действия”³.

В карьере почти каждого, даже щепетильного “человека слова”, появляется момент, когда почтительный или примирительный жест со стороны власти имущих может привлечь его на их сторону. В известный период своей жизни многие “люди слова” готовы стать оппортунистами и придворными. Сам Иисус не стал бы, может быть, проповедовать свое учение, если бы фарисеи приняли Его к себе, назвали бы Его Учителем и слушали Его с почтением. Если бы Лютера в подходящий момент сделали епископом, очень возможно, что это охладило бы пыл и Лютера, и всей Реформации. Молодого Карла Маркса, наверно, можно было привлечь на сторону Пруссии, если бы ему дали титул и ответственный пост в правительстве; то же — и Лассалья, если бы он получил титул и придворный мундир. Но, с другой стороны, как только “человек слова” определит свою философию и свою программу, он начинает их отстаивать тверже, а сам становится менее восприимчив к лести и заманиванию.

Как бы настойчиво ни выдавал себя протестующий “человек слова” за защитника угнетенных и оскорбленных, на самом деле он движим мотивами личного характера (за очень немногими исключениями). Его сострадание к другим исходит из его личной ненависти ко власти имущим⁴. “Только немногие, исключительно редкие люди питают к человечеству тот вид любви, который делает их не способными терпеть общую массу зла и страданий, не обращая никакого внимания на последствия их личной жизни”⁵. Это подтверждает со страстной убежденностью, Торо: “Я убежден, что то, что так удручает реформиста —

совсем не его сострадание к собратьям, а его личная боль — даже если он самый святой из всех святых; и будь это исправлено, он бросит своих великодушных братьев без малейшего сожаления”⁶. Как только “человек слова” получает признание со стороны власть имущих, он обычно находит высокопарные доводы для того, чтобы стать на сторону сильных против слабых. Лютер, вначале бросивший вызов господствующей церкви и сочувственно говоривший о “бедном, простом, не знатном народе”⁷, позже, когда объединился с германскими князьками, провозгласил: “Бог предпочел бы существование правительства, даже самого дурного, чем позволить толпе буйствовать, как бы она ни была при этом права”⁸. Бурк, которому покровительствовали лорды и знать, говорил о “свинской черни” и рекомендовал бедным “терпение, труд, бережливость и религию”⁹. Избалованные славой и лестью “люди слова” в большевистской России, как раньше в нацистской Германии, не чувствуют потребности стать на сторону преследуемых и терроризованных против безжалостных вождей и их секретной полиции.

106

Когда основы власти разрушены, но она продолжает существовать, это значит, что общество не имеет образованного слоя или между властью и “людьми слова” установился тесный союз. Там, где все ученые — священнослужители, церковь неприступна; а там, где ученые — служащие или где образование дает человеку высокое положение в обществе, — существующий порядок обычно свободен от широкой критики и протеста.

Католическая церковь в X веке при папе Иоанне XII пережила самые тяжелые времена: тогда она была гораздо больше отравлена коррупцией и более неуспешной, чем во времена Реформации. Но в X веке все ученые люди были священнослужителями, тогда как в XV веке

в результате изобретения печатной машины и бумаги образование перестало быть монополией церкви. Авангард Реформации составили светские гуманисты. Ученые же, связанные с церковью, или ученые, пользовавшиеся покровительством пап, как, например, в Испании, “в основном относились терпимо к существовавшему порядку, в том числе и к злоупотреблениям церкви, и в общем им было безразлично, как долго подлое стадо будет пребывать в темной суеверии, соответствующем положению этого стада”¹⁰.

Устойчивость Китайской империи, как и Древнего Египта, объясняется тесным союзом между правящей бюрократией и учеными. Любопытно, что Тайпинское восстание — единственное серьезное массовое движение в Китае во времена империи — было поднято молодым ученым, несколько раз провалившимся на государственном экзамене на высшее звание мандарина¹¹.

Долгое существование Римской империи до некоторой степени обязано тесному сотрудничеству римских правителей с греческими “людьми слова”. Побежденные греки чувствовали, что они передали законы и цивилизацию своим завоевателям. Тяжело читать, как развратного урода Нерона, без конца твердившего о своем безграничном восхищении Элладой, истерически приветствовали греки во время его приезда в Грецию в 67 году по Р. Х. Они встречали его от всего сердца, принимая за друга, интеллектуала и артиста: “чтобы доставить ему удовольствие, в один год были сыграны все игры. Все города прислали ему призы и трофеи своих состязаний. Комитеты ожидали его, упрасивали приехать в их города, чтобы там петь”¹². Нерон, в свою очередь, на Истминских играх даровал грекам привилегии и провозгласил свободу Греции.

В своем “Изучении истории” профессор Арнольд Тойнби цитирует латинские гекзаметры, написанные

Клавдианом Александрийским в честь Рима почти 500 лет спустя после завоевания Цезарем Египта; А. Тойнби сокрушенно добавляет: “Нетрудно доказать, что британское владычество во многих отношениях было более благоприятным, пожалуй, более благотворным режимом, чем власть Римской империи, но как трудно найти клавдианов в Александрии Индостана”¹³. Не так уж нелепо думать, что не воспитывай англичане в Индии магараджей, набобов и т. п., а попытайся привлечь на свою сторону индийского интеллигента, обходясь с ним как с равным, ободряя и поощряя его в работе, предоставляя ему место у своего стола, — они, пожалуй, сохранили бы свое господство еще долго. На деле же британцы, правители Индии, не умели вообще уживаться с интеллигенцией любой страны, а особенно Индии. Они были “людьми действия”, пропитанными убеждением во врожденном превосходстве британцев. Индеец-интеллигента они большей частью презирали — и как “человека слова”, и как индеец. Право на деятельность в Индии англичане пытались сохранить за собой. Они не поощряли индеец становиться инженерами, агрономами или техниками. Созданные англичанами учебные заведения выпускали только “непрактичных” “людей слова” — и эта система по иронии судьбы вместо того чтобы обеспечить британское господство, приближала его конец.

Неудача англичан в Палестине тоже частично объяснима отсутствием понимания между типичными британскими колониальными чиновниками и местными “людьми слова”. Большинство палестинских евреев, хотя и весьма деловых, по воспитанию и традиции были “людьми слова”, а ко всему — болезненно обидчивы. Они все остро страдали от презрительного отношения к ним британских чиновников, которые на евреев смотрели как на стадо трусливых неблагодарных задир, как на легкую добычу для воинственных арабов, если Анг-

лия уберет свою охраняющую евреев руку. Для евреев унижительным казалось и то, что их опекали посредственные чиновники, ниже их и по опыту, и по уму. Будь тогда среди англичан люди такого масштаба, как Джулиан Хаксли, Гарольд Никольсон или Ричард Кроссман, возможно, они спасли бы Палестину для Британской империи.

И у большевистского, и у нацистского режимов имеется тонкое понимание важности взаимоотношений между “людьми слова” и государством. В большевистской России писатели, художники, ученые пользуются привилегиями правящего слоя. Все они — высшие гражданские служащие. Правда, они обязаны следовать партийной линии, но это только дисциплина, которой подчиняется вся элита. Что касается Гитлера, то он имел дьявольски реальный план: все области знания сделать монополией элиты, которая и должна была управлять его мировой империей; остальные безымянные массы Гитлер собирался держать полуграмотными.

107

Французские писатели XVIII века представляют собой наиболее характерный пример пионерства интеллигенции в массовом движении. Нечто похожее можно наблюдать в периоды, предшествующие большинству движений. Для Реформации почва была подготовлена людьми, высмеивавшими и обвинявшими духовенство в популярных памфлетах, и литераторами подобно Иоганну Рейхлину, боровшемуся против курии римского папы. Быстрое распространение христианства в Римской империи было частично результатом того, что христианство старалось вытеснить языческие культы, совершенно дискредитированные греческими философами, которым надоело ребячество этих культов и они разоблачали и высмеивали их в своих школах и на городских улицах.

Наименьший успех христианство имело среди евреев, потому что еврейские “люди слова” были горячо преданы еврейской религии. Раввины и их ученики занимали высокое положение в еврейской жизни того времени, когда школа и книги заменяли храм и родину. В любом общественном строе, где “люди слова” принадлежат к правящему слою, оппозиция изнутри появиться не может, а иноземное массовое движение опоры себе там не найдет.

В наше время массовые движения — социалистические и националистические — неизменно подготавливались деятельностью поэтов, писателей, историков, педагогов, философов и т. п. Связь между мыслителями-теоретиками и революционными движениями в подчеркивании не нуждается. Верно и то, что все националистические движения, начиная от культа “Родины” в революционной Франции, вплоть до последнего националистического восстания в Индонезии, были задуманы не “людьми действия”, а недовольными интеллигентами. Генералы, промышленники, землевладельцы и деловые люди — те, кого принято считать столпами патриотизма, на самом деле присоединяются к движению позднее, когда оно уже развилось. Самое большое напряжение в начальной фазе движения состоит в том, чтобы убедить и привлечь на сторону движения этих будущих столпов патриотизма. Чешский историк Полацкий сказал, что обвалился потолок комнаты, в которой он с кучкой друзей однажды обедал, — и не было бы национального движения чехов¹⁴. С таких небольших групп “людей слова” начинались все национальные движения. Немецкие интеллигенты начали немецкий национализм так же, как еврейские интеллигенты положили начало сионизму. Активное стремление “человека слова” к заметному положению делает его чрезмерно чувствительным к любому унижению своей группы или своего общества

(расы, нации, религии) даже тогда, когда он принадлежит к ним формально. Унижение, которому подверг Наполеон немцев, особенно пруссаков, толкнуло Фихте и немецких интеллигентов обратиться к немецким массам с призывом объединиться в одну могучую нацию, которая доминировала бы в Европе. Т. Герцль и еврейские интеллигенты не могли не прийти к сионизму из-за огромных унижений миллионов евреев в России и из-за клеветы, какой подвергались евреи в остальной континентальной Европе в конце XIX века. Национальное движение, вытеснившее из Индии англичан, в какой-то степени началось из-за унижения щуплого очкастого индийского “человека слова” Южной Африки.

108

Нетрудно заметить, как критический “человек слова” путем постоянного высмеивания и обличения подрывает общепринятые взгляды и авторитеты и знакомит массы с идеей перемены. Труднее проследить, как эта дискредитация существующих взглядов и устоев делает возможным появление новой фанатичной веры. Весьма характерно, что воинствующий “человек слова”, который “как бы замеряет глубину падения существующего порядка, чтобы показать его несостоятельность и несправедливость”¹⁵, часто подготавливает почву не для общества свободомыслящих индивидуумов, а для коллективистского общества, где больше всего ценятся предельное единство и слепая вера. Таким образом, широкое распространение недоверия к авторитетам, неуважения к ним очень часто приводит к неожиданным результатам. Свободомыслие Ренессанса было прелюдией к новому фанатизму — Реформации и контрреформации. Французы эпохи Просвещения, развенчивавшие церковь и корону, проповедовавшие разум и терпимость, вызвали взрыв революционного и национального фанатизма, не-

утихающего и поныне. Маркс и его последователи, дискредитировавшие религию, национализм, страстное увлечение бизнесом, вызвали к жизни новый фанатизм — социализма, коммунизма, сталинского национализма и стремления к мировому владычеству.

Развенчивая фанатическую веру или предрассудок, мы фанатизм не вырываем с корнем. Мы только мешаем ему появляться в одном месте, и в результате он появляется в другом. Таким образом, осуждая и разрушая принятые взгляды и авторитеты, воинствующий “человек слова” бессознательно создает в разочарованных массах жажду веры, ибо большинство людей не может выносить бесплодной и бесполезной жизни, если у них нет чего-то такого, чему они могли бы быть горячо преданными, с чем они могли бы слиться. Вот почему критический “человек слова”, часто вопреки самому себе, становится предтечей новой веры.

Настоящий “человек слова” сам по себе может спокойно жить без веры в абсолютное. Он ценит поиски истины не меньше самой истины. Он получает удовольствие от борьбы и столкновений мысли. Если он формулирует какую-нибудь философию или доктрину, то это больше проявление ума и упражнение в диалектике, чем программа действий и догматы веры. Правда, тщеславие часто побуждает его защищать свои умозаключения яростно и зло, но обычно обращается он при этом к разуму, а не к вере. Но фанатики и жаждущие веры массы эти умозаключения часто принимают как положения некоего священного писания и делают их первоисточником новой веры. Вот почему Иисус не был христианином, а Маркс — марксистом.

Подведем итог: воинствующий “человек слова” подготавливает почву для появления массового движения: 1) путем дискредитации общепринятых взглядов и устоев, путем уничтожения преданности им народа; 2) не-

вольным созданием жажды веры в сердцах тех, кто не может жить без веры, так что когда появляется новая вера, то она находит незамедлительный отклик у разочарованных масс; 3) составлением доктрины и лозунгов новой веры; 4) путем подрыва убеждений “лучших людей общества” — тех, кто может жить и без веры: когда новый фанатизм появляется на горизонте, они бессильны оказать ему сопротивление — не видят смысла умирать за свои подорванные убеждения и принципы и подчиняются новому порядку без борьбы¹⁶.

Итак, когда критический, беспокойный интеллигент сделал свое дело:

“Лучшим не хватает убежденности,
Худшие полны страстной устремленности,
Должно быть, какое-то откровение вот-вот появится,
Должно быть, Второе Пришествие вот-вот придет”¹⁷.
Сцена для фанатиков приготовлена.

109

Трагическими фигурами в истории массового движения часто становятся его интеллигентные предтечи, доживающие до падения старого порядка под давлением масс.

Мнение, что массовые движения, в частности революции, рождаются из решимости масс ниспровергнуть порочную угнетающую тиранию и завоевать себе свободу действия, слова и совести, берет начало в той словесной шумихе, которую поднимают интеллигенты из числа зачинателей движения в своей стычке с существующим порядком. То обстоятельство, что поднявшееся массовое движение часто дает меньше личной свободы¹⁸, чем давал вытесненный движением строй, — обычно приписывается властолюбивой клике, которая в критический момент обманом захватывает движение и лишает массы завоеванной свободы. Но в действительности обмануты

только интеллигенты из числа предвестников движения. Они первыми поднялись против установленного порядка, они раскритиковали его глупость и неспособность, они изобличили его в незаконности и несправедливости и выступили с требованием свободы действия и свободы слова. И они, само собой разумеется, считают, что массы, ответившие на их призыв и следовавшие за ними, хотя того же самого, что и они. Однако свобода, к которой стремятся массы, это не свобода слова и действий, а свобода от невыносимо тяжелого бремени самостоятельного существования. Они хотят свободы от “страшного бремени свободы выбора”¹⁹, свободы от трудной ответственности за бездействующее “я”, свободы от необходимости принять на себя вину за собственную бесполезность. Массам не нужна свобода совести, а нужна вера, слепая авторитарная вера. Они сбрасывают старый порядок не для того, чтобы создавать общество свободных и независимых людей, а чтобы установить единообразие, индивидуальную безличность и новую систему совершенного единства. Массы восстают не против порочности старого режима, а против его слабости; не против его притеснений, а против его неумения сковать их воедино, в крепкое могучее целое. Сила убедительности демагога-интеллигента не в том, что ему удастся доказать порочность существующего порядка, а в том, что ему удастся продемонстрировать бессилие этого порядка. Непосредственный результат массового движения обычно соответствует тому, чего хотят народные массы. В этом их никто не обманывает.

Причина трагической судьбы акушеров массового движения — интеллигентов — в том, что они, сколько бы не проповедовали и ни прославляли объединенное усилие, остаются, в сущности, индивидуалистами. Они верят в личное счастье и в ценность личного мнения и личной инициативы. Но как только движение становится на рель-

сы, власть переходит в руки тех, кто не верит в личность и не уважает ее. Эти люди побеждают не столько потому, что их неуважение к человеческой личности придает им жестокость, сколько потому, что их сущность вполне соответствует главной страсти масс.

ФАНАТИКИ

110

Когда назрел момент, только фанатик может разбудить подлинно массовое движение. Массовое недовольство, вызванное воинствующими “людьми слова”, без фанатика остается ненаправленным и может вылиться только в бессмысленный бунт, который легко подавить. Без фанатика начатые реформы, даже очень крутые и решительные, не меняют старого образа жизни и всякая перемена государственной власти обычно сводится только к переходу правления от одних “людей действия” к другим. Без фанатика, видимо, действительно новые начинания невозможны.

Когда старый порядок начинает распадаться, многие из горластых “людей слова”, которые так давно молились о наступлении таких дней, падают духом; первые признаки анархии пугают их насмерть. Они забывают все, что говорили о “бедном простом народе”, и бегут просить помощи у сильных “людей действия” — у монархов, генералов, администраторов, банкиров, землевладельцев, — бегут к тем, кто умеет обращаться с чернью, умеет сдерживать подступающий хаос.

Фанатик совсем иной. Хаос — его стихия. Когда старый порядок начинает трещать, фанатик, очертя голову, бросается в борьбу, чтобы покончить с ненавистным настоящим. От вида конца мира он приходит в восторг. Долой реформы! Все существующее — хлам, и какой смысл этот хлам реформировать. Свое стремление к анархии фанатик объясняет внешне весьма правдоподобным утверждением, что никакого нового начинания быть не может, пока на земле старый беспорядок. Испуганных,

оставшихся еще “людей слова” он отталкивает в сторону, хотя продолжает превозносить их доктрины и изрекать их лозунги. Только фанатик знает сокровенное стремление масс к действию: стремление к взаимному общению, к сплоченным рядам, к растворению проклятого индивидуализма во славу великого могучего целого. Парадом начинает командовать будущее, и горе тем, кто — в самом ли движении или вне его — цепляется за настоящее.

111

Откуда берется фанатик? Большей частью из рядов нетворческих “людей слова”. “Люди слова” делятся на две группы: на тех, кто находит удовлетворение в творческой работе, и на тех, кто его не находит. Творческий “человек слова”, как бы резко ни критиковал и ни высмеивал существующий порядок, по сути, привязан к настоящему. У него желание исправить, а не разрушать. Когда массовое движение целиком попадает в его руки, он делает его более мягким. Намеченные им реформы — неглубокие, и жизнь движется без неожиданных остановок. Такое движение жизни возможно только тогда, когда нет анархических действий масс, которые немислимы, потому что старый порядок уступает без борьбы или потому, что “люди слова” соединились с сильными “людьми действия” в момент, когда угрожал разразиться хаос. Когда же борьба со старым порядком принимает ожесточенный и хаотический характер и победа над ним может быть одержана с помощью тесной сплоченности и самопожертвования, тогда творческий “человек слова” обычно выбрасывается вон и дело переходит в руки нетворческих “людей слова”, — в руки вечных неудачников, фанатично отрицающих настоящее¹.

Человек, имеющий желание написать великую книгу или великую картину, или создать архитектурный ше-

девр, или стать великим ученым, но в то же время знающий, что свое сокровенное желание он не выполнит во веки вечные, — такой человек не может найти покоя в любом прочном общественном строе — старом или новом. Он видит, что жизнь его непоправимо исковеркана и в мире тоже всегда что-нибудь не так. Только в хаосе он чувствует себя как дома. Даже тогда, когда он подчиняется железной дисциплине или когда навязывает ее другим, — он только подчиняется инструменту для постоянного изменения и становления или сам создает такой инструмент. Только занимаясь переменной, он ощущает свободу и чувствует, как растет и развивается сам. А так как он никогда не может быть доволен самим собой, то боится всякой определенности и прочного порядка вещей. Марат, Робеспьер, Ленин, Муссолини, Гитлер — выдающиеся примеры фанатиков, вышедших из среды нетворческих “людей слов”. Петер Вирек указывает, что у большинства нацистских главарей были неудовлетворенные художественные и литературные амбиции. Гитлер пробовал заниматься живописью и архитектурой, Геббельс пробовал драму, роман, поэзию, Розенберг — архитектуру и философию, Бальдур фон Ширах — поэзию, Функ — музыку, Штрейхер — живопись. “Почти все были неудачники, не только в смысле обычного успеха, но и в смысле собственной художественной оценки”. Их художественные и литературные амбиции “вначале были гораздо глубже, чем их политические амбиции: их художественные амбиции были интегральной частью их личности”².

Творческий “человек слова” в атмосфере активного движения чувствует себя неловко. Он чувствует, что водоворот движения и разгоревшиеся страсти подрывают его творческую энергию. Пока он чувствует в себе творческий поток, он не найдет удовлетворения в руководстве миллионами людей и в одержании политических

побед. Вот почему, как только движение становится на колеса, творческий “человек слова” сам добровольно уходит или его устраняют. Более того, поскольку настоящий “человек слова” не может искренне и долго подавлять свои критические способности, он неизбежно попадает в еретики. Таким образом, если творческий “человек слова” не задушит новорожденное движение в союзе с “людьми действия” или если сам не умрет в нужное время, то он, наверно, кончит в одиночестве, или в ссылке, или под пулями у стенки.

112

Для развития массового движения фанатик опасен тем, что не может остановиться. После победы, когда новый порядок начинает выкристаллизовываться, фанатик превращается в элемент напряженности и разложения на составные части. Вкус к сильным ощущениям гонит его на поиски тайн, еще не разгаданных, секретных дверей, еще не открытых. Он продолжает тянуться к крайностям.

Таким образом, буквально на следующий день после победы большинство массовых движений оказываются в тисках разногласий. Страстность, находившая себе выход вчера в борьбе не на жизнь, а на смерть с внешним врагом, начинает проявляться в ожесточенных диспутах и фракционной борьбе. Выработалась привычка ненавидеть, и, когда для уничтожения не остается под рукой внешних врагов, фанатики обрушивают свою ярость на других. Гитлер — сам фанатик — с точностью ставил диагноз умонастроений фанатиков, замышлявших против него заговор в рядах национал-социалистской партии. После чистки Рема в 1934 году в приказе новому начальнику штурмовых отрядов Гитлер говорит о тех, кто не желал остановиться: “...Не сознавая этого, они нашли в нигилизме конечное исповедание веры... Их бес-

покойство и тревога могут удовлетвориться только в конспиративной деятельности ума, в постоянных интригах против любого существующего порядка, каким бы он ни был”³. Как это часто случалось с Гитлером, его обвинения по адресу противников (как внутри рейха, так и вне его) часто были откровениями. Он сам, особенно в последние дни, находил в нигилизме свою “последнюю философию и свое прощальное слово”⁴.

Если дать фанатикам волю, они могут расколоть движение, вызвать схизмы или ереси, угрожающие его существованию. Даже когда фанатики не содействуют разногласиям, они все еще могут разрушить движение, увлекая его включиться в неосуществимое. Только появление практичного “человека действия” может спасти достижения движения.

ПРАКТИЧНЫЕ “ЛЮДИ ДЕЙСТВИЯ”

113

Дорогу массовому движению прокладывают “люди слова”, осуществляют движение фанатики, закрепляют “люди действия”.

Для движения выгодно, да, пожалуй, и необходимо для его продолжения, чтобы эти роли выполняли разные люди — один за другим по порядку. Когда случается, что движение с его зачатия до зрелости возглавляется одним и тем же человеком или одними и теми же людьми (или людьми одного и того же типа), то движение обычно кончается крахом. Фашистское и нацистское движения не имели последовательного изменения в руководстве и оба окончились катастрофой. Фанатизм Гитлера, его неспособность остановиться, неспособность к роли практичного “человека действия” погубили движение. Умри Гитлер в середине 1930-х годов, — движение, без сомнения, возглавил бы “человек действия” типа Геринга и движение выжило бы.

Существует, конечно, возможность перемен в характере вождя: “человек слова” может превратиться в настоящего фанатика и практичного “человека действия”. Но, как показал опыт, такие метаморфозы бывают обычно временными: рано или поздно он превращается в того, кем был с самого начала. Троцкий был типичным “человеком слова” — тщеславным, блестящим индивидуалистом до мозга костей. Катастрофическое крушение Российской империи и могучая воля Ленина привели Троцкого в лагерь фанатиков. Во время гражданской войны он проявил необыкновенные таланты организатора и военачальника. Но когда в конце гражданской войны

напряжение спало, Троцкий снова стал “человеком слова” — без жестокости, без подозрительности, с расчетом на слово, а не на грубую силу и позволил хитрому фанатику Сталину устранить себя.

Сам Сталин — комбинация фанатика и “человека действия” с преобладанием черт фанатика. Его грубые, с тяжелыми последствиями ошибки — бессмысленная ликвидация “кулаков” и их потомства, террор “чисток”, пакт с Гитлером, бестактное вмешательство в творчество писателей, художников и ученых, — все это грубые ошибки фанатика. Пока фанатик Сталин у власти, очень мало шансов на то, что русские вкусят прелести жизни.

Гитлер тоже был главным образом фанатиком, и этот фанатизм свел на нет его удивительные достижения как “человека действия”.

Существуют, конечно, такие редкие вожди, как Линкольн, Ганди, даже как Ф. Д. Рузвельт, Черчилль, Неру: они, не колеблясь, запрягли в колесницу “священного дела” и голод, и страх людей, но в отличие от Гитлера и Сталина или даже в отличие от Лютера и Кальвина¹ они не поддались искушению использовать души недовольных для строительства нового мира. Уверенность в собственных силах этих редких вождей происходит от веры в человечество, — и она сливается с этой верой воедино, ибо они знали или знают, что никто не может быть достойным человеком, если сам не уважает человеческого достоинства.

“Человек действия” спасает движение от убийственных противоречий и безрассудства фанатиков. Но его появление в роли руководителя движения обычно означает конец динамичной фазы движения. Война с настоящим закончена. Истинный “человек действия” стремится уже не к обновлению мира, а к обладанию им. Движущи-

ми силами движения в его активной фазе были протест и стремление к коренной перемене; в своей конечной фазе движение занято главным образом администрированием и сохранением достигнутой власти.

С появлением на сцене “человека действия” взрывчатая сила движения бальзамируется и скрепляется священными установлениями. Религиозное движение кристаллизуется и каменеет в церковной иерархии и ритуалах; революционное — в органах бдительности и администрации; националистическое — в правительственных и патриотических учреждениях. Основание церкви означает конец проповеднического духа; органы восторжествовавшей революции ликвидируют революционный дух и революционную методику; правительственные учреждения новой или возрожденной нации кладут конец шовинистической воинственности. Учреждения замораживают формы для объединенного действия. После оформления единого коллектива предполагается, что действовать он будет как один человек: до своего оформления, до своего узаконения коллектив состоял из людей, добровольно вошедших в него, но после оформления коллектив стал состоять из разных людей. Их объединяет уже только общая принадлежность к коллективу и общее нерассуждающее послушание — всякая личная непосредственность кажется подозрительной, и потому должен цениться выше преданности.

Главная забота “человека действия” после того, как он взял в свои руки руководство восторжествовавшим движением, — закрепить единство и сохранить самопожертвование участников движения. Его идеал — автоматически работающее компактное могущественное целое. Для достижения этой цели полагаться на энтузиазм нельзя, ибо энтузиазм — это нечто эфемерное и непосто-

янное. Метод убеждения тоже ненадежен. Поэтому “человек действия” приходит к выводу, что полагаться надо главным образом на принуждение и муштровку. Он считает, что утверждение “все люди — трусы” более подходяще, чем “все люди — дураки”. По словам сэра Джона Майнарда, “человек действия” предпочитает строить новый порядок скорее на шеях людей, чем в их сердцах². Настоящий “человек действия” — это не человек веры, а человек закона. Тем не менее он благоговейно перед огромными достижениями непосредственной веры в ранний период движения, когда словно из ничего на свет появилось могучее орудие власти. И так как память обо всем этом очень жива, “человек действия” делает все, чтобы в новых учреждениях власти сохранить внушительный фасад веры, и поддерживает непрерывный поток пламенной пропаганды, хотя на самом деле полагается больше на убедительность силы. Его приказы и постановления излагаются старыми словами веры, старые формулы и лозунги не сходят у него с языка, символы веры тщательнейшим образом сохраняются, и им положено поклоняться. “Люди слова” и фанатики — участники движения раннего периода — канонизируются. И хотя стальные руки принуждения дают о себе знать повсеместно и во всем: делается ударение на послушание в плане дисциплины, благочестивые фразы и горячая пропаганда придают принуждению видимость убеждения, а привычке — видимость добровольности.

Новый строй всячески представляется как великое завершение надежд и борьбы раннего периода движения. Чтобы придать новому порядку крепость и долговечность, “человек действия” широко пользуется заимствованными методами. Заимствует он отовсюду: и из близкого и далекого, и от друзей и врагов. Он даже обращается к прошлому и порядку, свергнутому его движением, и широко пользуется многими старыми мето-

дами для сохранения режима, тем самым невольно устанавливая связь с прошлым. Приемы абсолютной диктатуры очень характерны для этого этапа движения и являются не столько методом, сколько жаждой власти. Византизм в движении обычно встречается дважды: при подъеме и в период упадка. Он является выражением желания добиться устойчивых форм и может быть применен для того, чтобы придать форму бесформенному или чтобы удержать вместе то, что распадается на части. Непогрешимость папы римского была предложена Иринеем во II веке — в самом начале папства и потом папой Пием IX уже в 1870 году, когда папство, казалось, было на краю ликвидации.

Таким образом, порядок, создаваемый “человеком действия”, — работа лоскутная, вроде лоскутного одеяла. Сталинская Россия состоит из лоскутов большевизма, царизма, национализма, панславизма, диктатуры, из заимствований у Гитлера и монополистического капитализма. Гитлеровский Третий рейх был конгломератом из национализма, расизма, пруссачества, диктатуры и заимствований у фашизма, большевизма, синтоизма, католицизма и древнего иудаизма. Христианство — то же самое: после конфликтов, распрей и раздоров первых пяти веков выкристаллизовалось в единую авторитарную церковь и стало лоскутной смесью из старого и нового, из заимствований у друзей и врагов. Христианство скопировало свою иерархию с бюрократического аппарата Римской империи, частично переняло античный ритуал, разработало положение об абсолютном вожде и делало все возможное, чтобы усвоить все существующие элементы жизни и власти³.

Под руководством “человека действия” массовое движение перестает быть убежищем от агонии и тяжести

индивидуального существования, а становится средством осуществления стремлений честолюбивых. Движение начинает сильно привлекать людей, захваченных своей личной карьерой, а это ясно указывает на крутую перемену в характере движения и на то, что оно примирилось с настоящим. Ясно, что наплыв “карьеристов” ускоряет превращение движения в предприятие. Гитлер, у которого было ясное представление о ходе движения в целом, когда он еще нянчил свое детище, национал-социализм, — предупреждал, что движение может сохранить свою силу лишь до поры, пока оно ничего не может предложить в настоящем, а только “честь и славу в глазах потомков”, но когда оно наводнено людьми, которые хотят извлечь из настоящего как можно больше, то “миссия такого движения кончена”⁴.

Что касается неудовлетворенных, то движение в этой стадии заботится о них, но не затем, чтобы пользоваться их недовольством в смертельной борьбе с настоящим, а в целях примирить их с настоящим и сделать их терпеливыми и послушными. Движение предлагает неудовлетворенным надежду на далекое будущее, мечту-видение⁵. Таким образом, в конце своего активного периода движение превращается в орудие власти для преуспевающих людей — с одной стороны, и в опиум для народа — с другой.

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ

НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ И БЕСПЛОДНОСТЬ АКТИВНОЙ ФАЗЫ

117

В этой книге рассматривается главным образом активная фаза массовых движений, во время которой в движении доминирует истинноверующий. Именно в этой фазе массовых движений всех типов обычно проявляются те общие черты, которые мы пытались описать. Теперь видно, что как бы ни была благородна первоначальная цель движения, каким бы благотворным ни выглядел конечный результат движения, активная фаза его отталкивает нас, как неприятность, если не зло. Фанатик, олицетворяющий эту фазу движения, обычно весьма непривлекательный тип. Он жесток, мнителен, ханжа, спорщик, мелочен и груб. Он часто приносит в жертву своему “священному делу” родственников и друзей. Абсолютное единство и готовность к самопожертвованию, придающие активному движению непреодолимую энергию, позволяющие ему браться за невозможное, обычно достигаются ценой гибели многого из того, что так ценно и так радует в отдельной человеческой личности. Добрым движение быть не может, какой бы возвышенной ни была вера, как бы достойна ни была цель движения, если его активная фаза тянется слишком долго, в особенности если она продолжается и после того, как движение полностью овладело властью. Массовые движения, которые мы считаем более или менее благотворными — Реформация, Пуританская, Французская и Американская революции и многие из национальных движений за последние сто лет, — имели сравнительно короткую активную фазу, хотя

и носили в разной степени отпечаток фанатизма. Вождь массового движения, приносящий пользу своему народу и всему человечеству, умеет не только поднять движение, но знает подобно Ганди, как и когда закончить его активную фазу.

Там, где массовое движение в течение поколений сохраняет формы, созданные в период его активной фазы (как, например, у воинствующей церкви в течение средних веков), или где ортодоксальность движения не уменьшается благодаря все новому и новому пополнению фанатических новообращенных (как в случае ислама¹), — там наступают застои и темные времена. Где бы мы ни находили периоды подлинного творчества, связанные с массовыми движениями, — это, почти везде и всегда, — перед активной фазой движений или, чаще всего, после нее. Когда активная фаза движения не слишком длинна и в течение ее не было чрезмерных кровопусканий и разрушений, ее окончание, особенно неожиданное, часто освобождает силы для творческого взрыва. Это происходит в случаях и когда движение кончается триумфом (например, восстание за независимость Голландии), и когда оно кончается поражением (например, Пуританская революция). Причины любого культурного возрождения, которое может возникнуть вслед за массовым движением, кроются не в идеях и внутреннем пыле движения, а, скорее, во внезапном смягчении общей дисциплины и в освобождении личности от удушающей атмосферы слепой веры, презрения к собственному “я” и настоящему. Страстное стремление заполнить образовавшуюся после “священного дела” пустоту подчас становится творческим импульсом².

Активная фаза движения сама по себе бесплодна. Троцкий знал, что “периоды высокого напряжения социальных страстей оставляют мало места для созерцаний и размышлений. Всем музам — даже плебейской музе журнализма,

несмотря на крепкие ноги, — во время революции трудно ходить”³. С другой стороны, Наполеон⁴ и Гитлер были подавлены убожеством произведений литературы и искусства в годы их героических эпох и требовали шедевров, соответствующих великим делам своего времени. Они не имели ни малейшего представления о том, что атмосфера массового движения калечит и душит творческие таланты. Мильтон, который еще в 1640 году был многообещающим поэтом — уже носил в кармане первый вариант своего “Потерянного Рая”, — потратил 20 бесплодных лет на писание памфлетов, потому что был по горло погружен в “море шума и споров до хрипоты”⁵, которым и была Пуританская революция. Когда революция окончилась, а сам Мильтон попал в немилость, он написал “Потерянный Рай”, “Возвращенный Рай” и “Самсон-борец”.

118

Активное массовое движение по-разному глубоко мешает творческому процессу. 1) Оно разжигает страсти и тем самым отводит энергию от творческой работы — страстное участие в массовом движении для творчества подобно беспутному образу жизни. 2) Творческую работу подчиняет целям движения — литература, искусство, наука становятся или пропагандой, или обязаны служить узко практическим целям. Истинноверующий писатель, художник или ученый творит не для того, чтобы выразить самого себя, или чтобы спасти свою душу, или открыть новую истину и красоту; его задача, как он ее сам понимает, — предостерегать, советовать, уговаривать, прославлять или осуждать. 3) Творческая энергия уходит и туда, где массовое движение открывает широкое поле для деятельности (война, колонизация, индустриализация). 4) Фанатичное состояние ума само по себе душит все виды творческой работы; презрение фанатика к настоящему не позволяет видеть все сложности и не-

повторимости жизни; все, что волнует творческую фантасию, фанатику кажется обыкновенным или вредным. “Наши писатели должны шагать в сомкнутых рядах, тот, кто сходит с дороги и рвет цветы, — дезертир”. Эти слова Константина Симонова, как эхо, отражают мысли и подлинные слова фанатиков всех веков. В IV веке после Р. Х. раввин Иаков говорил: “Тот, кто по дороге к цели... прерывает изучение Торы, чтобы сказать: “как это дерево прекрасно!” или “как изумительно это запаханное поле!” — тот виноват перед своей душой”⁶. Св. Бернар Клервоский целыми днями ходил по берегу Женевского озера и не замечал его. В своей книге “Тонкость искусства” Давид Юм рассказывает о монахе, “из окна кельи которого открывался живописный вид, и который поэтому поставил условие своим глазам — никогда не смотреть в ту сторону”. Слепота фанатика, с одной стороны, — источник силы (он не замечает препятствий), но, с другой стороны, — причина его умственной бесплодности и эмоциональной серости.

Фанатик уверен, что все знает, поэтому не способен на новое. В основе его взглядов лежит убеждение, что жизнь и вселенная укладываются в простую формулу, ему известную. Поэтому у фанатика не бывает таких благотворных моментов, когда человек как бы останавливается, чтобы оглядеться вокруг, когда ум его как бы погружается в некий химический раствор, в котором получает способность к новым реакциям, новым соединениям и начинаниям.

Если случается, что активное массовое движение проявляет оригинальную особенность, то особенность эта обычно — в размерах движения и в применении методов. А принципы, методы, техника и т. п. — все, что применяет и чем пользуется массовое движение, являются

продуктом творения вне среды движения. Все активные массовые движения не стесняются подражать и напоминать поэтому, по нашему мнению, японцев. В области пропаганды, например, даже нацисты и коммунисты больше подражают, чем создают оригинальное: каждый торгует “священным делом” своего сорта точно так же, как капиталист рекламирует и продает какой-нибудь сорт мыла или папирос⁷. То многое, что поражает нас в новых методах нацистов и коммунистов, вытекает из факта, что они управляют (или стараются управлять) своими обширными по территории империями точно так же, как Форд или Дюпон управляют своими промышленными империями. Очень может быть, что успехи коммунистического эксперимента будут всегда зависеть от свободного творчества вне коммунистического мира. Когда бессовестные люди в Кремле говорят о длительном сосуществовании капитализма с коммунизмом, они будто предлагают капитализму некую концессию; а на самом деле, случись так, что за пределами коммунистической орбиты не стало бы свободных обществ, то им, коммунистам, возможно, пришлось бы установить их там особым указом.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ АКТИВНОЙ ФАЗЫ

120

Массовое движение с конкретной ограниченной целью, вероятно, будет иметь и более короткую активную фазу, чем движение с туманной и неясной целью. Туманная цель необходима, видимо, для развития в движении хронического экстремизма. Оливер Кромвель говорил: “Человек никогда так далеко не заходит, как тогда, когда он не знает, куда идет”⁸. Когда массовое движение поднимается для освобождения народа от тирании — либо от собственной, либо чужой, или чтобы дать отпор агрессо-

ру, или для обновления отсталого общества, — концом движения тогда, естественно, будет окончание борьбы или завершение реорганизации общества. С другой стороны, когда конечной целью является идеальное общество, в котором все едины и самоотверженны, — будь то Град Божий, или коммунистический рай на земле, или гитлеровское государство воинов, — активная фаза становится бесконечной. Там, где единство и самопожертвование требуются для нормального функционирования общества, повседневная жизнь, вероятно, будет “религиофицирована” (обыкновенные дела будут превращены в “священное дело”) или милитаризована. Во всяком случае формы, образовавшиеся во время активной фазы движения, будут закреплены. Яков Буркхард и Эрнест Ренан были, вероятно, одними из очень немногих, кто во второй, полной надежд, половине XIX века чувствовал зловещие признаки в приближавшемся земном рае. Буркхард предвидел милитаризованное общество: “У меня предчувствие, хотя и звучащее весьма глупо, но никак не покидающее меня: военное государство станет одной гигантской фабрикой... Логично, что тогда наступит определенный контролируемый период несчастий, все и вся будут разбиты на ранги и одеты в форменную одежду, день будет начинаться и кончаться под звуки барабана”⁹. Ренан смотрел гораздо глубже: он чувствовал, что на Запад надвигается новая религия — социализм, а так как социализм — это религия без Бога, то он приведет к “религиофикации” политики и экономики. Он боялся и возрождения католицизма как реакции против новой религии: “Бросает в дрожь. Может быть, в этот самый момент как раз создается религия будущего, а мы в этом не участвуем!.. Легкая вера имеет глубокие корни. Социализм с помощью католицизма может возродить новое средневековье — с варварами, церквями, с затмением свободы и индивидуальности, одним словом, — с затмением цивилизации”¹⁰.

Все-таки можно, пожалуй, усмотреть некоторую надежду в факте, что большинство попыток осуществления идеального общества, когда затянувшееся активное массовое движение породило безобразия и насилие, было произведено в широких масштабах при разноплеменном населении. Так было в случае распространения христианства и ислама, в случае французской, русской и нацистской революций. Подающие надежды кибуцы в маленьком Израиле и успешная социализация в небольших скандинавских странах свидетельствуют, пожалуй, что если попытка осуществить идеальное общество будет предпринята малой нацией с более или менее однородным населением, то она может завершиться успехом — в атмосфере, свободной от лихорадочности и принуждения. Тот факт, что малая нация боится разбазаривать свой драгоценный человеческий материал, что она действительно нуждается во внутренней гармонии и единстве для самозащиты от внешнего врага и, наконец, то обстоятельство, что малый народ чувствует себя одной семьей, — все это может создать готовность для совершенного полного сотрудничества, не прибегая к какой-либо “религиофикации” или милитаризации. Для Запада, наверное, было бы очень хорошо, если бы разработка крайних социальных экспериментов была целиком предоставлена малым государствам с однородным культурным населением. Метод экспериментальных цехов, практикуемый в крупном массовом производстве, пожалуй, нашел бы тогда применение и в осуществлении социального прогресса. Приготовление малыми нациями чертежа счастливого будущего для Запада было бы только продолжением традиции. Малые государства Среднего Востока, Греции, Италии дали нам и нашу религию, и основные элементы нашей культуры и цивилизации.

Существует еще и другая связь между состоянием масс, характером активного массового движения и его продолжительностью. Японцы, русские и немцы, у которых активные массовые движения продолжаются до бесконечности, без оппозиции, были приучены к покорности или к железной дисциплине за несколько поколений до появления в их странах этих движений. Ленин осознавал все огромные преимущества, которые давала ему покорность русских масс: “Как можно сравнивать, — восклицал он, — западноевропейские массы с нашим народом — терпеливым и привыкшим к нужде?”¹¹ Всякий, кто читал, что сказала о немцах мадам де Сталь более ста лет тому назад, не может не понять, какой идеальный материал представляют они для бесконечных массовых движений: “Немцы, — говорила она, — удивительно покорны. Они пользуются философскими рассуждениями, чтобы доказать самую нефилософскую вещь на свете: преклонение перед силой и страх, превращающий преклонение в восхищение”¹².

Утверждать с уверенностью, что в стране традиционной свободы невозможно появление какого-нибудь Гитлера или Сталина, невозможно. Единственно, что можно с некоторой долей уверенности утверждать, это то, что в традиционно свободной стране Гитлеру или Сталину было бы не слишком трудно достичь власти, но крайне трудно эту власть долго удерживать. Всякое заметное улучшение экономических условий почти несомненно возродило бы традицию свободы, которая в свою очередь является традицией восстания. В России, как показано в разделе 45, личности, выступающей против Сталина, не с кем себя отождествлять и ее способность сопротивляться насилию равна нулю. В традиционно свободной стране личность, восстающая против насилия, не чувствует себя одинокой либо изолированным человеческим атомом, а одним из членов могучей расы — расы своих революционных предков.

Личность вождя, вероятно, — решающий фактор для характера и сроков массового движения. Такие исключительные вожди, как Линкольн и Ганди, не только старались обуздать вредные стороны массового движения, но были готовы покончить с ним, когда цель движения была более или менее достигнута. Они из тех немногих, у кого “власть развила величие и щедрость души”¹³. Средневековый ум Сталина, его природная мстительность и жестокость стали главными факторами, удлинившими активный период коммунистического движения. Гадать, конечно, бесполезно, что случилось бы с русской революцией, проживи Ленин еще лет 10—20. Кажется, что в нем не было того варварства души, которое так очевидно у Гитлера и Сталина, — варварства, делающего, по словам Гераклита, наши глаза и уши “недобрыми свидетелями человеческих поступков”. Сталин подготавливает своих возможных преемников, похожих на него, и те же щи уготованы русскому народу, видимо, на десятилетия.

Со смертью Кромвеля закончилась Пуританская революция, но со смертью Робеспьера кончилась только активная фаза Французской революции. Умри Гитлер в середине 1930-х годов, нацизм, вероятно, претерпел бы под руководством какого-нибудь Геринга коренную перемену и можно было бы предупредить вторую мировую войну. Но памятник на могиле основателя нацистской религии Гитлера был бы, пожалуй, большим злом, чем все ужасы, вся кровь, все разрушения гитлеровской войны.

Формы начала массового движения тоже могут отразиться на сроке активной фазы движения и на том, чем эта фаза кончится. Реформация, Пуританская, Американская и Французская революции, а также многие национальные восстания завершились после сравнительно ко-

роткой активной фазы социальными порядками с сильно возросшей личной свободой и тем самым оправдали надежды и чаяния первых дней движений. Все они начались с открытого вызова устаревшей власти и завершились ее свержением. Чем ярче был этот начальный вызов и чем ярче осталась память о нем в народе, тем вероятнее, что движение приведет к личной свободе. Во время подъема христианства такого яркого вызова не было. Христианство не началось со свержения короля или иерархии, разрушения государства или церкви. Мученики в христианстве были, но не было людей, размахивающих кулаками перед носом надменных властей, бросая им вызов перед лицом всего мира¹⁴. Этим, пожалуй, и объясняется, что авторитарный порядок, установленный христианством, длится вот уже пятнадцать столетий без каких-либо попыток изменить его.

Эмансипация христианского духа в эпоху Ренессанса в Италии была вдохновлена не историей раннего христианства, а заразительным примером духа личной независимости и даже духа вызова личности в греко-римском прошлом. Драматизм личного вызова отсутствовал и при зарождении ислама, и японской коллективности, — даже теперь ни в одном из них нет и признаков настоящей свободы личности. Немецкий национализм в отличие от национализма большинства западных стран тоже начал не с яркого выступления против существовавшей власти. Немецкий национализм с самого начала был взят под крылышко прусской армии¹⁵. В Германии семена свободы личности таятся не в ее национализме, а в ее протестантизме. Реформация, Американская, Французская и русская революции, а также большинство национальных движений начались грандиозной увертюрой личного вызова, и память о нем ярка и поныне.

Основываясь на этом, можно надеяться, что когда-нибудь и в России утвердится свобода личности.

ПОЛЕЗНЫЕ МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ

124

В глазах истинноверующего люди вне “священного дела” не имеют твердого характера и потому могут быть легкой добычей верующих. С другой стороны, истинноверующие всяких оттенков, хотя и смертельно друг друга ненавидят и готовы вцепиться друг другу в горло, признают силу друг друга и ощущают взаимное искреннее уважение. Гитлер смотрел на большевиков как на равных себе и приказывал бывших коммунистов немедленно принимать в нацистскую партию. Сталин, в свою очередь, смотрел на нацистов и японцев как на единственно достойных уважения. Даже религиозные фанатики и воинствующие безбожники относятся друг к другу с уважением. Достоевский вкладывает в уста епископа Тихона следующие слова: “Крайний атеизм достоин уважения больше, чем светское безразличие... Совершеннейший атеист стоит на предпоследней ступеньке к совершеннейшей вере... Безразличный же человек никакой веры не имеет, кроме страха поганого”¹⁶.

Все истинноверующие нашего времени, будь то коммунисты, нацисты, фашисты, японские националисты или католики, многословно рассуждали (коммунисты продолжают делать это до сих пор) об упадке и декадентстве западных демократий. Смысл всех их разговоров по этому поводу заключается в том, что при демократии народ, мол, слишком мягок, слишком любит удовольствия и слишком любит себя, чтобы умирать за родину, Бога или за “священное дело”. Вот это отсутствие готовности умирать, говорят нам, и есть признак внутреннего гниения — моральное и биологическое разложение. Демократии, дескать, состарились, развратились, пришли в упадок. И соревноваться с мужественным союзом верующих, которым предстоит унаследовать землю, демократии не в силах.

Хотя в этих декларациях имеется зерно здравого смысла, но бессмыслицы гораздо больше. Готовность к объединенному действию и к самопожертвованию, как показано в разделе 43, — характерная черта массового движения. Демократическая нация в нормальное время — это объединение в рамках принятых законов более или менее свободных личностей. Когда их существованию угрожает опасность и требуются всеобщее объединение и дух крайнего самопожертвования, демократическая нация сама превращается в нечто вроде воинствующей церкви или революционной партии. Этот процесс “религиозификации”, часто весьма трудный и медленный, грубых изменений в жизнь не вносит. Истинноверующие хотя и твердят о “декадентстве” западных держав, но знают, что “декадентство” это не органическое разложение. По утверждению тех же нацистов, Германия 20-х годов была “декадентской”, а в 30-е годы — вполне мужественной: десятилетие, конечно, слишком краткое время для больших биологических или даже культурных изменений в многомиллионном населении.

Но верно то, что способность быстро организовать массовое движение в такое время, как при Гитлере, имеет большое значение для жизни нации. Владение искусством “религиозификации” является необходимым качеством для демократического вождя, даже если им никогда не придется пользоваться. Вот почему, пожалуй, правда, что крайняя интеллектуальная разборчивость или излишняя деловая практичность делают человека неподходящим для роли национального вождя. Ко всему прочему, в нормальной жизни демократической нации проявляются известные качества, которые могут помочь во время кризиса процессу “религиозификации” и потому являются элементом потенциального национального мужества. Степень этого потенциального мужества нации является как бы резервом ее возможностей. Слова Герак-

лита — “для человечества не было бы лучше, если бы все его желания сбывались” — применимы как к нациям, так и к отдельным людям. Когда нация перестает страстно стремиться к чему-либо или когда цель ее стремлений становится конкретной и ограниченной, потенциал ее мужества падает. Только цель, которую можно всегда улучшать, сохраняет потенциал национального мужества даже тогда, когда желания нации все время исполняются. При этом цель не обязательно должна быть слишком возвышенной. Низменный идеал все время растущего стандарта жизни сохранил американскую нацию довольно мужественной. Английский идеал собственности земли и французский — рантье — конкретны и ограничены. Эта определенность национальных идеалов, пожалуй, связана с уменьшением энергии обеих наций. В Америке, России и Германии идеалы неопределенные и неограниченные.

125

Как было сказано в разделе 1, массовые движения часто бывают фактором пробуждения и обновления закостенелых обществ. Утверждать, конечно, нельзя, что только массовые движения являются мощным орудием для возрождения, но все же очень похоже, что в таких крупных и разнородных социальных телах, как Россия, Индия, Китай, арабский мир и даже Испания, процесс пробуждения зависит от присутствия в них некоего широкого энтузиазма, который может породить и поддерживать, пожалуй, только массовое движение. Если обновление должно быть проведено немедленно, то массовые движения могут быть необходимыми и в небольших однородных обществах; поэтому неспособность вызвать к жизни вполне определенное массовое движение может стать крупным недостатком общественного организма. Одна из крупнейших бед Китая за последнее сто-

летие заключалась в том, что его массовые движения (Тайпинское восстание и революция Сун Ятсена) быстро выдыхались или были скоро подавлены. Китай не смог создать себе своего Сталина, Ганди или хотя бы Ататюрка, которые смогли бы поддерживать массовые движения достаточно долго, чтобы крутые реформы пустили корни.

Ортега-и-Гассет считает неспособность страны породить массовое движение неким этнологическим дефектом. Он говорит о своей родной Испании, что ее “этнологический рассудок всегда был атрофирован и никогда не имел нормального развития”¹⁷.

Пожалуй, для страны куда выгоднее, если ее власть начинает проявлять признаки хронической неспособности и ее свергает могучий массовый переворот (даже со значительными потерями в людях и богатствах), чем когда эта власть рассыпается сама по себе. Настоящее народное восстание часто бывает укрепляющим, обновляющим и объединяющим средством. Там, где власти разрешается умирать медленной смертью, часто наблюдаются застой и гниение, может быть, неизлечимое гниение. А так как в подъеме массового движения решающую роль обычно играют “люди слова”¹⁸, то, очевидно, наличие образованного меньшинства необходимо для поддержания энергии в общественном организме. Конечно, нельзя, чтобы “люди слова” были близкими союзниками власть имущих. Длительный социальный застой Востока — результат многих причин, но одна из самых серьезных, несомненно, та, что в течение столетий на Востоке было мало образованных людей, причем почти все они входили в правительства — были чиновниками или священниками.

О революционных последствиях работы западных колониальных держав по просвещению уже говорилось¹⁹. Спрашивается: если Индия смогла дать Ганди и Неру,

то было ли это результатом редких элементов индийской культуры или следствием долгого пребывания в Индии англичан? Иностранное влияние, по-видимому, — преобладающий фактор в процессе общественного возрождения. Еврейское и христианское влияния сказались при пробуждении арабского мира в эпоху Магомета. В пробуждении Европы от застоя и спячки средних веков мы находим чужеземное греко-римское и арабское влияния. Западные влияния ощутимы в пробуждении России, Японии и некоторых азиатских стран. Надо отметить, что иностранные влияния проявляются не прямо, а косвенно. Общественный организм встряхивает от застоя не подражание иностранным модам, внешним манерам, манере говорить, образу мышления или поведения. Чужеземное влияние сказывается главным образом в создании образованного меньшинства или, если такое меньшинство уже имелось, в его отчуждении от существующего порядка. Именно это меньшинство и выполняет работу возрождения, создавая массовое движение. Иными словами, иностранное влияние — только первое звено в цепи ряда процессов, последним звеном которой обычно бывает массовое движение, встряхивающее общественный организм от застоя. В случае с Арабским миром иностранное влияние сказалось в том, что “человек слова” Магомет отошел от существовавшего в Мекке строя. Магомет дал ход массовому движению (исламу), которое на время встряхнуло и объединило арабов. В эпоху Ренессанса иностранное влияние — греко-римское и арабское — способствовало появлению новых “людей слова”, не связанных с церковью, а многих бывших “людей слова” отгородило от преобладавшего католического влияния. Последовавшее массовое движение Реформации вывело Европу из ее оцепенения. В России европейское влияние (включая и марксизм) лишило Романовых преданности интеллигенции — больше-

вистская революция до сих пор обновляет обширную Московскую империю. В Японии иностранное влияние сказалось не на “людях слова”, а на редкой группе “людей действия”, куда входил и император Мейджи. Эти практичные “люди действия” оказались дальновиднее другого “человека действия”, Петра Великого: они преуспели в том, в чем он провалился. Они понимали, что только введение иностранных обычаев и заграничных порядков Японию не расшевелит, не поможет ей наверстать за десятилетия то, что было упущено за столетия; они поняли, что для такой огромной задачи необходимо искусство “религиофикации”. Они зародили одно из наиболее преуспевших массовых движений нашего времени. Зло от этого движения достаточно описано в этой книге, но все-таки сомнительно, чтобы какое-нибудь другое средство могло осуществить феноменальное дело обновления, имевшее место в Японии. В Турции иностранное влияние сказалось на “человеке слова” Ататюрке, — и последним звеном в цепи было массовое движение.

Д. Б. С. Хэлдейн считает фанатизм одним из четырех самых важных изобретений за период между 3000 годом до Р. Х. и 1400 годом после Р. Х.²⁰ Изобретение это иудейско-христианское. И кажется странным, что, получив душевную болезнь, мир приобрел и волшебный инструмент для воскрешения из мертвых целых обществ и наций.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая

ГЛАВА I

1. Carr E. H. *Nationalism and After* (New York: Mac-millan Company, 1945). P. 20.
2. См. конец раздела 104.
3. Thoreau Henry David. *Walden*, Modern Library edition (New York: Random House, 1937). P. 69.
4. Tocqueville Alexis de. *On the State of Society in France before the Revolution of 1789* (London: John Murray, 1888). P. 198 – 199.
5. Бытие — 11: 4, 6.
6. См. раздел 8.
7. Polanyi Karl. *The Great Transformation* (New York: Farrar and Rinehart, Inc., 1944). P. 36.
8. Ibid. P. 40.

ГЛАВА II

1. Hitler Adolph. *Mein Kampf* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1943). P. 105.
2. Rauschnig Hermann. *The Conservative Revolution* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1941). P. 189.

ГЛАВА III

1. Weizmann Chaim. *Trial and Error* (New York: Harper & Brothers, 1949). P. 13.
2. Rauschnig Hermann. *Hitler Speaks* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1940). P. 134.
3. Heiden Konrad. *Dcr Fiichrrr* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1944). P. 30.
4. Voigt Fritz August. *Unto Caesar* (G. P. Putnam's Sons, 1938). P. 283.
5. Becker Carl L. *The Heavenly City of the Eighteenth-Century Philosophers* (New Haven: Yale University Press, 1932). P. 133.

ПРИМЕЧАНИЯ

6. Mathiez A. *Les Origines des Cultes Revolutionnaires*. P. 31. Цитата из книги: Cariton J. H. Hayes, *Essays on Nationalism* (New York, Macmillan Company, 1926). P. 103.
7. Frantz Funck-Brentano. *Luther* (London: Jonathan Cape, Ltd., 1939). P. 278.
8. Wells H. G. *The Outline of History* (New York: Macmillan Company, 1922). P. 482—484.

Часть вторая

ГЛАВА IV

1. Пример того, как меняются формы под влиянием соединения наилучшего с наихудшим, наблюдается в случае с языком. Большая часть населения страны придерживается словаря. Нововведения исходят от наилучших: государственных деятелей, поэтов, писателей, ученых, специалистов, — наихудшие же являются творцами “слэнга” — жаргона.

ГЛАВА V

1. Charles A. and Beard Mary R. *The Rise of American Civilization* (New York: Macmillan Company, 1939). Vol. I. P. 24.
2. Balabanoff Angelica. *My Life as a Rebel* (New York: Harper & Brothers, 1938). P. 204.
3. Ross Edward A. *The Changing Chinese* (New York: Century Company, 1911). P. 92.
4. Tocqueville Alexis de. *On the State of Society in France Before the Revolution of 1789*. P. 149.
5. Ibid. P. 152.
6. Lyford O. Edwards. *The Natural History of Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1927). P. 70.
7. Послание к Римлянам Св. Апостола Павла. 8:25.
8. См. раздел 116.
9. Wylie I. A. R. *The Quest of Our Lives*//*Reader's Digest*. May, 1948. P. 2.
10. Brinton Crane. *A Decade of Revolution* (New York: Harper & Brothers, 1934). P. 161.
11. Renan Ernest. *The Hibbert Lectures, 1880* (London: Williams and Norgate, 1898). Preface.

12. Эпиктет. *Беседы*. Книга 1. Глава 2.
13. Hubbard Arthur J. *The Fate of Empires* (New York: Longmans, Green & Company, 1913). P. 170.
14. Евангелие от Матфея 10:35-37.
15. Там же. 12: 47—49.
16. Там же. 8:22.
17. Там же. 10:21.
18. Latourette Kenneth Scott. *The Chinese, their History and Culture* (New York: Macmillan Company, 1946). Vol. I. P. 79.
19. Adams Brooks. *The Law of Civilization and Decay* (New York: Alfred A. Knopf. Inc., 1943). P. 142.
20. Цитата из книги: Zernov Nicolas. *Three Russian Prophets* (Toronto: Macmillan Company, 1944). P. 63.
21. Drucker Peter F. The Way to Industrial Peace // *Harper's Magazine*, Nov. 1946. P. 392.
22. Latourette Kenneth Scott. *A History of the Expansion of Christianity* (New York: Harper & Brothers, 1937). Vol. I. P. 164.
23. Ibid. P. 23.
24. Ibid. P. 163.
25. Hayes Cariton J. H. *A Generation of Materialism* (New York: Harper & Brothers, 1941). P. 254.
26. Wells H. G. *The Outline of History* New York: Macmillan Company, 1922. P. 719.
27. Theodore Abel. *Why Hitler Came into Power* (New York: Prentice-Hall, 1938). P. 150.
28. Tocqueville Alexis de. *Op. cit.* P. 162.
29. Еще о ветеранах — в разделе 38; о соотношении между армиями и массовыми движениями — в разделе 64.

ГЛАВА VI

1. См. раздел 3.

ГЛАВА X

1. Rauschnig Hermann. *Hitler Speaks*. P. 268.
2. Ibid. P. 258.
3. Beard Miriam. *A History of the Businessman* (New York: Macmillan Company, 1938). P. 462.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА XI

1. "...Сказываю Вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии" (Евангелие от Луки 15:7). См. также *Талмуд* (Цитата из книги: Klausner Joseph. *Jesus of Nazareth*. P. 380): "Там, где стоит кающийся, праведники стоять не достойны".
2. Письмо Р. С. Ольдрича в журнале *Лайф* от 23 декабря 1946 года.
3. См. раздел 45 о признаниях на Московских процессах.
4. Цитата из книги: *Brooks Adams. The Law of Civilization and Decay* (New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1943). P. 144.

Часть третья

ГЛАВА XII

1. См. раздел 64 об армиях.
2. Те из североамериканских индейцев, которые были самыми воинственными, имели самые острые чувства единения. Sumner W. G. *War and Other Essays* (New Haven: Yale University Press, 1911). P. 16.

ГЛАВА XIII

1. См. раздел 90 на ту же тему.
2. Burney Christopher. *The Dungeon Democracy* (New York, Duell, Sloan & Pearce, 1946). P. 147. См. также на ту же тему: Nansen. Odd. *From Day to Day* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1949). P. 335; также Arthur Kastler. *The Yogi and the Commissar* (New York: Macmillan Company, 1945). P. 178.
3. См. раздел 20 на ту же тему с другой точки зрения.
4. Renan Ernest. *History of the People of Israel* (Boston: Little, Brown & Company, 1888—1896). Vol. III. P. 416.
5. Buchan John. *Pilgrim's Way* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1940). P. 183.
6. Книга Екклезиаста. 1:10.
7. Там же. 1:9.
8. Там же. 9:4, 5, 6.
9. Отголосок этой смущающей правды содержится в письме, полученном из Норвегии в период нацистского нашествия:

“Наша беда в том, что нам во всем везло, что многие из нас потеряли подлинный дух самопожертвования. Жизнь многих людей была настолько приятной, что они не хотят рисковать ею серьезно”. (Цитата из книги Д. Д. Барри в газете *San Francisco News*, от 22-го июня 1940 года.)

10. Первое Послание Коринфянам. 1. 28.
11. Книга Нова. 2:4.
12. Luther // Table Talk. Number 1687.” Цитата из книги: Frantz Funck-Brentano. *Luther*. P. 246.
13. Bergson Henri L. *The Two Sources of Morality and Religion* (New York: Henry Holt & Company, 1935).
14. Pascal. *Penseen*.
15. Kempis Thomas a. 0/ *the Imitation of Christ* (New York: Macmillan Company, 1937). Chap. III.
16. Pascal. Op. cit.
17. Heiden Konrad. *Der Fuehrer* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1944). P. 758.
18. Pascal. Op. cit.
19. *History of the Communist Party* (Moscow, 1945). P. 355. Цитата из книги: John Fischer. *Why They Behave Like Russians* (New York: Harper & Brothers, 1947). P. 236.
20. Цитата из книги: Emile Cailliet. *The Clue to Pascal* (Toronto: Macmillan Company, 1944).
21. Цитата из книги: Michael Demiashkevich. *The National Mind* (New York, American Book Company, 1938). P. 353.
22. См. примеры в разделе 14.
23. Dostoyevsky Fedor . *The Idiot*. Part IV. Chap. 7.
24. Renan Ernest . Op. cit. Vol. V. P. 159.
25. Ettlinger Harold. *The Axis on the Air* (Indianapolis: Bobbs-Merill Company, 1943). P. 39.
26. Homer. *Iliad*.
27. Tocqueville Alexis de. *Recollections* (New York: Macmillan Company, 1896). P. 62.

ГЛАВА XIV

1. Heine Heinrich. *Religion and Philosophy in Germany* (London: Trubner & Company, 1882). P. 89.
2. Rauschnig Hermann. *Hitler Speaks* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1940). P. 234.

ПРИМЕЧАНИЯ

3. Voigt Fritz August. *Unto Caesar* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1938). P. 301.
4. Hitler Adolph. *Mein Kampf*. P. 118.
5. Цитата из книги: Hermann Rauschning. P. 234.
6. Ibid. P. 235.
7. См. раздел 100.
8. Brinton Crane. *The Anatomy of Revolution* (New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1938). P. 62.
9. Ibid. P. 10.
11. Ян Гус, увидев старую женщину, тащившую охапку хвороста, чтобы бросить ее в костер, на котором его сжигали, сказал: "O sancta simplicitas!" — О, святая простота! (Цитата из книги: Ernest Renan. *The Apostles*. Boston: Roberts Brothers, 1898. P. 43).
12. Pascal. *Pensees*.
13. Rauschning Herman. *Hitler Speaks*. P. 235.
14. Hitler Adolph. Op. cit. P. 351.
15. Pascal. Op. cit.
16. Luther // Table Talk. Number 2387 a-b. Цитата из книги: Frantz Funck-Brentano. *Luther*. P. 319.
17. См. раздел 60.
18. Евангелие от Матфея 5.
19. Dostoyevsky Fedor. *The Possessed*. Part II. Чаp. 6.
20. Hitler Adolph. Op. cit. P. 171.
21. Renan Ernest. *History of the People of Israel*. Vol. I. P. 130.
22. См. разделы 96 и 98.
23. Итальянский министр просвещения в 1926 г. (Цитата из книги: Julien Benda, *The Treason of the Intellectuals* (New York: William Morrow Company, 1928). P. 39).
24. См. раздел 33 для иной трактовки этой темы.
25. Machiavelli Niccolo. *The Prince*. Чаp. VI.
26. *The Goebbels Diaries* (Garden City: Doubleday & Company, Inc., 1948). P. 460.
27. Ibid. P. 298.
28. Guglieimo Ferrero. *Principles of Power* (New York, G. P. Putnam's Sons, 1942). P. 100.
29. Renan Ernest. *The Poetry of the Celtic Races* (London: W. Scott, Ltd., 1896), Essay on Islamism. P. 97.
30. Latourette Kenneth Scott. *A History of the Expansion of Christianity* (New York: Harper & Brothers, 1937). Vol. 1.

- Р. 164.
31. Latourette Kenneth Scott. *The Unquenchable Light* (New York: Harper & Brothers, 1941). P. 33.
 32. Haines Charles Reginald. *Islam 08 a Missionary Religion* (London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1889). P. 206.
 33. Цитата из книги: Frantz Funck-Brentano. Op. cit. P. 260.
 34. Guglieimo Ferrero, *The Gamble* (Toronto, Oxford University Press, 1939). P. 297.
 35. Brinton Crane. *A Decade of Revolution* (New York: Harper & Brothers, 1934). P. 168.
 36. “Dominic” // Encyclopedia Britannica.
 37. Hitler Adolph. Op. cit. P. 171.
 38. Ibid. P. 171.
 39. См. раздел 45.
 40. Burckhardt Jacob. *Force and Freedom*. P. 129.
 41. Bacon Francis. Of Vicissitude of Things // Bacon’s *Essays*, Everyman’s Library edition (New York: E. P. Button & Company, 1932). P. 171.
 42. Morley John. *Notes on Politics and History* (New York: Macrnillan Company, 1914). P. 69–70.
 43. Balabanoff Angelica. *My Life as a Rebel* (New York: Harper & Brothers, 1938). P. 156.
 44. Price Frank Wilson. Sun Yat-sen // *Encyclopedia of the Social Sciences*.
 45. Папа Лев XIII. Энциклика. *Sapientiae Christianae*. Согласно Лютеру, “непослушание является большим грехом, чем убийство, прелюбодеяние, воровство и нечестность ...” (Цитата из книги: Jerome Frank, *Fate and Freedom*. New York: Simon & Schuster, Inc., 1945. P. 28).
 46. См. разделы 78 и 80.
 47. Книга Бытия 11:4.
 48. Raushning Hermann. *The Revolution of Nihilism* (Chicago: Alliance Book Corporation, 1939). P. 48.
 49. Ibid. P. 40.
 50. Renan Ernest. *Antichrist* (Boston: Roberts Brothers, 1897). P. 381.
 51. Montaigne. *Essays* // Modern Library edition (New York: Random House, 1946). P. 374.
 52. Молодой нацист обращается к И. А. Р. Уайли незадолго до

ПРИМЕЧАНИЯ

второй мировой войны. (A. R. Wylie *The Quest of Our Lives/Reader's Digest*, Май, 1948. P. 2.).

Часть четвертая

ГЛАВА XV

1. См. примеры в разделе 106.
2. Catlin G. E. G. *The Story of the Political Philosophers* (New York: McGraw-Hill Book Company, 1939). P. 633.
3. Цитата из книги: Alexis de Tocqueville. *Recollections* (New York: Macmillan Company, 1896). P. 331.
4. Multatuli. *Max Havelaar* (New York: Alfred Knopf, Inc., 1927), Introduction by D. H. Lawrence.
5. Russell Bertrand. *Proposed Roads to Freedom* (New York: Blue Ribbon Books, 1931). Introduction. P. VIII.
6. Thoreau Henry. *Walden*// Modern Library edition (New York: Random House, 1937). P. 70.
7. Письмо Лютера архиепископу Майнцкому, сопровождающее его тезисы. (Цитата из книги: Frantz Funck-Brentano. *Luther*. P. 65.)
8. Цитата из книги: Frank Jerome. *Fate and Freedom*. New York: Simon and Schuster, Inc., 1946. P. 281.
9. Ibid. P. 133.
10. Reformation// *Encyclopedia Britannica*.
11. Miller Rene Fiilop. *Leaders, Dreamers and Rebels* (New York: The Viking Press, 1935). P. 85.
12. Renan Ernest. *Antichrist*. P. 245.
13. Toynbee Arnold J. *A Study of History*. Abridgement by D. C. Somervell (Toronto: Oxford University Press, 1947). P. 423.
14. Hayes Cariton J. H. *The Historical Evolution of Mo' dern Nationalism* (New York: R. R. Smith, 1931). P. 294.
15. Pascal. *Pensees*.
16. Демаре Бэсс приводит слова голландского банкира, жившего в 1941 году в Голландии: "Как и большинство наших современников, мы не стремимся стать мучениками" ("The Bitter Fate of Holland", *Saturday Evening Post*, February 1, 1941).
17. Yeats William Butler. *The Second Coming*// *Collected Poems* (New York: Macmillan Company, 1933).
18. См. раздел 27.
19. Dostoevsky Fedor. *The Brothers Karamazov*. Book V. Chap. 6.

ГЛАВА XVI

1. См. раздел 37.
2. Viereck Peter. *Metapolitics* (New York: Alfred A. Knopf, 1941). P. 156 and 170.
3. Gisevius Hans Bernd. *To the Bitter End* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1947). P. 121—122.
4. Trevor-Roper H. R. *The Last Days of Hitler* (New York: Macmillan Company, 1947). P. 4.

ГЛАВА XVII

1. Оба, Лютер и Кальвин, “стремились установить новую церковную власть, которая была бы более могущественной, более абсолютной и требовательной и гораздо более усердной в преследовании еретиков, чем католическая церковь” (Jerome Frank, *Fate and Freedom*. New York: Simon and Schuster, Inc., 1945. P. 283).
2. Maynard John. *Russia in Flux* (London: Victor Gollancz, Ltd., 1941). P. 19.
3. Symonds John Addington. *The Fine Arts “Renaissance in Italy”* series (London: Smith, Elder & Company, 1906). P. 19–20.
4. Hitler Adolph. *Mein Kampf*. P. 105.
5. См. раздел 25.

ГЛАВА XVIII

1. См. раздел 85.
2. Укажем, например, на карьеры Мильтона и Буньяна, Кестлера и Силоне.
3. Trotsky Leon. *The History of the Russian Revolution* (New York: Simon and Schuster, Inc., 1932). Preface.
4. “Это Наполеон однажды написал начальнику полиции, спрашивая его, почему в империи не процветает литература, и просил его принять меры к ее процветанию” (Jacques Barzun. *Of Human Freedom*. Boston: Little, Brown & Company, 1939. P. 91).
5. John Milton // *Encyclopedia Britannica*.
6. Aboth Pirke. *The Sayings of the Jewish Fathers* (New York: E. P. Dutton & Company, Inc., 1929). P. 36.
7. Lips Eva. *Savage Sympathy* (New York: Random House, 1938).

- Р. 18.
8. Цитата из книги: J. A. Cramb, *The Origins and Destiny of Imperial Britain* (London, John Murray, 1915). P. 216.
 9. Из письма к своему другу Прину. (Цитата из предисловия Джемса Хастингса Никольса к его к английскому переводу книги: Jakob C. Burckhardt. *Force and Freedom*. New York: Pantheon Books, 1943. P. 40.)
 10. Renan Ernest. *History of the People of Israel*. Vol. V. P. 360.
 11. Balabanoff Angelica. *My Life as a Rebel* (New York: Harper & Brothers, 1938). P. 281.
 12. Цитата Inge W. R. Patriotism // *Nineteen Modern Essays* / ed. W. A. Archbold (New York: Longmans, Green & Company, 1926). P. 213.
 13. Maynard John. *Russia in Flux* (London: Victor Gollancz, Ltd., 1941). P. 29.
 14. “Христианское сопротивление власти было воистину более чем героическим, но не было героическим” (Sir. J. R. Seeley. *Lectures and Essays*. (London; Mac-millan, 1895). P. 81.
 15. После иенского поражения Гарденберг сказал королю Прусскому: “Ваше Величество, мы должны произвести сверху то, что Франция произвела снизу”.
 16. Dostoyevsky Fedor. *The Possessed*. Modern Library edition (New York: Random House, 1936). P. 698.
 17. Ortega y Gasset Jose. *The Modern Theme* (New York: W. W. Norton & Company, 1931). P. 128.
 18. См. раздел 104 и последующий.
 19. См. раздел 104.
 20. Haldane J. B. S. *The Inequality of Man* (New York: Famous Books, Inc., 1938). P. 49.

Научное издание

Эрик Хоффер

ИСТИННОВЕРУЮЩИЙ

Главный редактор *Д. В. Сильванович*
Редактор *А. А. Сычёв*
Корректор *Е. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *Т. В. Дуганова*
Художник *А. А. Федорченко*

Подписано в печать 27.03.2001 г. Формат 70x100 (1/32).
Бумага офсетная. Гарнитура “Кудряшов”.
Усл. п. л. 6,77. Тираж 2000. Заказ

Налоговая льгота – общереспубликанский классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.400.

Европейский гуманитарный университет,
ЛВ № 438 от 30.10.2000 г.
220030, г. Минск, пр. Ф. Скорины, 24.
Тел. (017) 232-70-36, e-mail: publish@ehu.unibel.by

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии ООО “Поликрафт”
ЛП № 394 от 10.05.2000 г.